

Александр Юзенович

КОМАНДА
МОЛОДОСТИ НАШЕЙ
ЗАПИСКИ СТРОИТЕЛЯ

Александр ЮЗЕФОВИЧ

*Моим друзьям-строителям,
живущим и ушедшим,
посвящается*

**КОМАНДА
МОЛОДОСТИ НАШЕЙ**

ЗАПИСКИ СТРОИТЕЛЯ

Пермь 1997

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

**КОМАНДА
МОЛОДОСТИ НАШЕЙ**

ВРЕМЯ ЖИТЬ И ВРЕМЯ ВСПОМИНАТЬ

Есть хорошее русское слово «однокашники». В том смысле, что из одного котла кашу хлебали. Им называют тех, кто учился в одном учебном заведении.

Среди моих однокашников по строительному факультету Уральского политехнического института было много ярких ребят и девочек. Ныне все они - солидные уважаемые люди, всем уже за шестьдесят. В их числе оказался и будущий первый российский Президент - Борис Николаевич Ельцин.

Я написал эту книгу не для того, чтобы «пристроиться» к непростой судьбе и славе нашего Президента. Эта книга не о том, как жил будущий политик и реформатор в свои студенческие годы, хотя и об этом тоже.

Она о поколении, чье детство пришлось на предвоенные годы и на войну. Она о технической интеллигенции, закалившейся в пафосе и неразберихе наших больших и малых строек. Она о феномене студенческой дружбы, которая стала в нашей жизни не песенным мифом и утешительной легендой, а неотъемлемой ее частью, помогающая сохранять стойкость и молодость души.

Эта книга нужна мне самому. Но эта книга нужна и всем, кому дорого прошлое и будущее России. Чем больше человеческих подробностей мы узнаем о людях, которым доверяем вершить государственные дела, тем крепче надежда на то, что и политика может стать нравственной...

Летом 1955 года в городе Свердловске состоялся очередной выпуск молодых инженеров УПИ (Уральского политехнического института, выпускников которого шутливо называют «упийцами»). Со-

бытие, скажем прямо, заурядное для вуза, но не для самих выпускников.

Были среди них и мы - 48 молодых инженеров-строителей специальности «Промышленное и гражданское строительство». Позади пять лет учебы - впереди вся жизнь. Разлетались во все концы страны - от Украины до Сибири, но большая часть осела на Урале.

Пять самых ярких лет молодости просто так из памяти не выкинешь. И, несмотря на то, что нас круто втянула работа, что создавались и разрастались наши семьи с их повседневными житейскими заботами, тоска по студенческой поре и друзьям остро давала о себе знать. Завязалась переписка, а потом возникла потребность встретиться, что мы и сделали через пять лет после окончания института.

А потом началось самое удивительное, во что и сегодня не все верят: вот уже сорок лет каждое пятилетие мы собираемся, чтобы вместе провести свой отпуск. Причем, это не просто встреча: коллективно поужинали в ресторане и разошлись. Нет, благодаря стараниям избранного нами оргкомитета, буйная фантазия превращает эти отпуска в интереснейшие путешествия. Наши маршруты пролегли по Каме, Волге и Енисею, мы побывали в Туве и на Диксоне, посетили Прибалтику и Болгарию, «погостили у Пушкина» в Михайловском. Мы бы и на большее размахнулись, да материальные возможности не позволяли.

Встречаясь, мы сбрасываем с плеч груз прожитых лет, возвращаемся в свою молодость с ее песнями, шутками, приколами. Ни один самый мудрый доктор, ни один санаторий не может дать столько здоровья и сил, сколько мы их обретаем во время этих встреч.

В феврале 1991 года, когда мы отмечали шестидесятилетие своего именитого однокашника-президента, пришла идея: а почему бы не попробовать обо всем этом рассказать людям? Первым это сделал Ельцин в своих двух книгах воспоминаний. Я рискнул последовать его примеру и сесть за пишущую машинку, чтобы в меру своих сил, памяти и способностей рассказать «о времени и о себе», о своих друзьях-соратниках, о наших стройках - то есть о жизни своего поколения, которое завершает свой земной путь. Самое время подводить итоги...

ГРУППОВОЙ ПОРТРЕТ

Кто же мы? Прежде всего, мы по-прежнему строители - ни один из нас не предал свою профессию. И хотя практически уже все достигли пенсионного возраста, большинство продолжает трудиться.

Когда мы попробовали пересчитать стройки, в которых принимали участие, то сами поразились их обилию. Здесь и крупные промышленные комплексы металлургии, машиностроения, химии, авиационной промышленности, сельского хозяйства и обороны - в Екатеринбурге, Нижнем Тагиле, Первоуральске, Перми, Березниках, Чусовом, Лысьве, Губахе, Уфе, Красноярске, Липецке, Нижнем Новгороде, Запорожье, Феодосии, Тольятти и еще во многих больших и малых городах.

Кроме того, я и мои однокашники участвовали в строительстве жилья в Нижневартовске, тянули нефтепроводы в Башкирии и на Сахалине, помогали восстанавливать после землетрясения Ташкент.

Одному из нас пришлось надеть военную форму и долгие годы участвовать в создании ракетного щита на Урале. Многим нашим сокурсникам довелось разработать тонны проектной документации для различных строек страны. Выяснилось, что немало успели мы построить и за рубежом - в Индии, Афганистане, Индонезии, Монголии, Ливии, на Кубе.

Не все стали крупными начальниками, хотя есть и такие среди нас. В «команде молодости нашей» оказались и доктор технических наук, и управляющие и главные инженеры строительных трестов, и заслуженные строители России, и, наконец, сам Президент.

Труд моих однокашников был отмечен орденами Ленина, Октябрьской Революции, Трудового Красного знамени, Дружбы народов, орденами «Знак Почета», многими медалями.

Я надеюсь, что люди моего поколения найдут в этой книге страницы и своей молодости, вспомнят свое беззаботное студенческое время и годы напряженного труда.

Но больше всего мне бы хотелось, чтобы эта книга привлекла внимание и сегодняшних молодых: возможно им пригодился бы наш опыт многолетней дружбы. Пусть что-то возьмут от нас, что-то добавят своего, а главное - поймут, что нужно беречь в жизни в трудную пору...

В стенах Уральского политехнического института, мы собрались из разных уголков России в далеком 1950-ом. Одни уже успели глотнуть порохового дыма и повоевать, другие - поработать и понять «почем фунт лиха», но все же большинство прямо со школьной скамьи пересело на студенческую. Мы были типичными представителями поколения 30-40-ых годов, которые оказались ключевыми в многотрагедийной российской истории двадцатого века.

Не могли мы своими детскими умами понять происходящее. Мы только начинали познавать этот «прекрасный и яростный мир», в школу ходили как на праздник. Где-то на юге был благословенный Крым с его легендарным пионерским раем - Артеком. Был Гайдар с «Тимуром и его командой», были героические «Чапаев» и «Щорс», веселые «Цирк» и «Волга-Волга».

Но был и другой мир - мир бессонных ночей, когда взрослые вздрагивали от шума проезжавшей машины, от шагов на лестнице и стука в дверь. Мы не понимали, что это за «враги народа», которых увозили по ночам, но с подачи учителей рисовали в своих учебниках тюремные решетки и выкалывали глаза на портретах Тухачевского, Блюхера, Егорова, Якира, о которых только вчера эти же учителя рассказывали как о героях гражданской войны, достойных подражания. А в ответ на наши недоуменные вопросы преподаватели и родители только многозначительно приставляли палец к сомкнутым губам. Вот и пойми тут что происходит!

Мы не понимали: на что надеется бесноватый Гитлер, если «от тайги до британских морей Красная Армия всех сильнее», если «наш бронепоезд стоит на запасном пути». Бодро маршируя с деревянными-

ми макетами винтовок, мы пели: «Если завтра война, если завтра в поход...»

А потом пришло отрезвляющее горькое «сегодня» - и покатился огненный вал войны по нашей стране. «Нам чужой земли не надо, и своей не отдадим!» Отдали - да еще сколько...

Почему же? Почему? Опять виноваты «враги народа»? А где же «наш бронепоезд», где «три танкиста, три веселых друга»? Кто обманул великого Сталина? Одно мы понимали: произошло что-то ужасное и трагическое.

Эхо сражений на западе докатывалось в глубокий тыл эшелонами с разбитой техникой, бесконечными санитарными поездами. Госпитали размещали в наших школах, а мы переходили на трехменную учебу в приспособленных помещениях, в переполненных классах учились до пятидесяти школяров.

Молох войны забрал у нас наших отцов, у многих - навсегда. Нам не были известны величины наших потерь в той кровавой мясорубке - мы узнали о них десятилетия спустя, но мы видели слезы получавших похоронки матерей, возвращавшихся с фронта покалеченных родных и земляков, видели надрывавшихся от непосильной работы и недоедания женщин и стариков, для которых главным в жизни был один нравственный императив: «Все для фронта - все для победы!» Да и мы, дети, были постоянно голодны. Ели все, что попадалось под руку, вернее в рот, а пределом наших вождлений были жмых и патока.

Труднее всех было беженцам, в числе которых оказалась и моя семья, эвакуированная с захваченных врагом территорий - без одежды, без денег, без домашнего скарба. Бедственное наше положение осложнялось непривычным климатом, одиночеством и полной неизвестностью, что будет с нами дальше.

Детвора была предоставлена сама себе. После уроков, наскоро выполнив домашние задания в самодельных тетрадках, сделанных невесть из чего, мчались мы во двор покататься на санках, самодельных лыжах, смастеренных из досок, на коньках, доставшихся от старших братьев - мы прикручивали их к валенкам сыромятным ремешком и цеплялись длинными крючками за проезжавшие машины. Иногда

умудрялись цепляться за трамвай, что грозило большими неприятностями и травмами.

Нас, мальчишек, безумно волновала военная техника. Благо познакомиться с ней было где - разбитое вооружение эшелонами попадало на скрапные площадки металлургических заводов. Прячась от не очень бдительных охранников, мы лазили по боевым машинам, откручивая, что можно открутить. Иногда удавалось добыть что-то из оружия или боеприпасов. Эти игры не всегда заканчивались благополучно: немало пацанов военных лет покалечилось от общения с оружием и порохом. В их числе был и будущий Президент.

За годы войны одежда наша основательно поизносилась. Тогда было не до моды - лишь бы прикрыться от холода. Ярким воспоминанием остались в моей памяти «американские подарки». В основном это были поношенные вещи, собранные американцами для жителей воюющей России. Но они были вполне приличного качества и в умелых руках наших матерей после подгонки, ушивки, перелицовки принимали достойный вид. Нас удивляли различные замки-молнии, кнопки, пряжки, шнуры, яркость, разнообразие и добротность тканей. Где-то за морем-океаном, оказывается, существовал мир, который обращал внимание на все эти безделушки.

Удивлялись мы и американским пищевым продуктам, их добротности, способности долго сохранять свои вкусовые качества. Ведь и по сей день для нас диковина, что колбаса может долго храниться в жестяной банке, и чтобы ее вскрыть, нужно просто применить приложенный к банке ключик, а не лом-вскрыватьку. Уже тогда было над чем задуматься, но в ту пору все можно было списать на войну.

А над столицей уже гремели салюты, мы слушали их по радио и радовались вместе со взрослыми. Стали возвращаться с войны раненые солдаты - кто без руки, кто без ноги, кто без глаза, но живой. И пришел тот радостный майский день, которого так ждали четыре долгих года. Это был незабываемый день - спросите о нем любого нашего сверстника, он со всеми подробностями и сейчас его опишет.

Мы вступали в пору своего юношества, когда страна дымилась в руинах. Большинство промышленных предприятий, оказавшихся в зоне боевых действий, было разрушено, тысячи городов и посел-

ков лежали в развалинах. Да и те промышленные предприятия, которые находились в тылу, тоже находились в крайне изношенном состоянии, так как четыре года войны доконали их. А заводы, эвакуированные в тыл с запада, создавались наскоро, в непригодных и недостроенных помещениях.

Для того, чтобы встать на ноги, нужно было строить, строить, строить. А тут еще нашим вождям пришла в голову идея, что они стоят на пороге коммунизма и до полной победы и всеобщего счастья нам не хватает только великих строек - и был придуман двадцатилетний «Великий сталинский план восстановления народного хозяйства и построения коммунизма в СССР.»

Так, под воздействием общественного мнения и внутренней потребности многие из нас начали себя готовить к строительной профессии, одной из самых древних и необходимых...

РОДОМ ИЗ ДЕТСТВА

Все что было общим для поколения, было общим и для каждого из нас. Но ведь у каждого своя судьба, и это общее наполнялось конкретным содержанием, неповторимыми подробностями и поворотами, определявшими путь и характер...

Я со своими родителями перед войной жил в небольшом украинском городке Коростень, что в четырех часах езды от Киева на запад. Ничем не примечательный, с небольшой промышленностью - в основном строительные материалы да фарфоровый завод, он отличался от других городов тем, что в нем стояла дивизия Киевского военного округа, в Доме Красной армии которого работала пианисткой моя мать. Отец заведовал городским кинопрокатом, но у него было еще интересное увлечение - он был лектором-международником и пользовался известностью в городе и районе.

Весной сорок первого я окончил первый класс и ушел на первые в своей жизни каникулы. Июнь был непонятным, тревожным месяцем. По городу бесконечно ползли слухи о приближающейся войне. Правительственное заявление про пакт о ненападении и дружбе с Германией, появившееся в газетах, сбивало всех с толку. Непонятные пожары в городе накануне войны связывали с диверсиями, но чьими? Ведь рядом был тридцать седьмой год с его процессами о вредителях, и казалось, что это продолжение чьей-то разрушительной деятельности. Скоро стало понятно, кто разрушал накануне войны телеграфные опоры и осуществлял поджоги.

Утром 22 июня город потрясли взрывы на окраине, а на большой высоте летели группами тяжело груженные самолеты в сторону Киева. Эхо взрывов жители отнесли к очередным маневрам дивизии, а это, оказывается, уже бомбили ее базы. И лишь в полдень, когда по радио выступил нарком иностранных дел Молотов, мы поняли какие это было «маневры».

А самолеты летели над городом волна за волной и никто им не оказывал сопротивления. Дом, в котором я жил со своими родителями в Коростене, казался мне огромным, хотя он был всего двухэтажным с четырьмя подъездами. Домком, личность ответственная, получил указание срочно копать во дворе щели, чтобы в них можно было укрыться от осколков бомб и разрушений. Первую щель взрослые выкопали прямую, как стрела, шириной метра два и длиной метров восемь. Забредший во двор военный, схватился за голову от такой «фортификации». Срочно принялись копать другую. К утру она была готова - шириной с полметра, глубиной метра полтора, с изломами на каждом метре, ее перекрыли деревянным накатом и засыпали землей. Я отлично помню, что ни один взрослый в эту щель протиснуться не мог, а нам, ребятам, она пригодилась для игр.

И действительно, пока не увидели первую кровь, нам все это казалось игрой. Мы легко определяли марки немецких военных самолетов, летающих на большой высоте. По звуку различали «юнкерсы», «мессершмитты» и «хейнкели» и задолго до их появления в небе, кричали: «Летит, летит!» Нам нравилось наблюдать, как отрывались от самолетов бомбы - они сначала болтались в воздухе, как мячики, а потом начинали со свистом приближаться к земле, заняв свою траекторию.

В понедельник двадцать третьего июня возвратился из киевской командировки отец. Он тут же ушел в военкомат и к концу дня вернулся в новой командирской форме со шпалой в петлице - его назначили старшим политруком стоявшего в городе артиллерийского полка.

Оставаться в городских кварталах становилось опасным. Отец договорился с приятелем, чтобы меня и маму перевести к нему в индивидуальный домик на окраине города. Потом стало ясно, куда мы попали: эта окраина примыкала к железнодорожной станции, на которой сходилась пять веток и она была одним из главных объектов немецких бомбардировок.

До сих пор в моих глазах стоит атакующий на низкой высоте немецкий самолет, разрисованный экзотическими животными, с пиковыми тузами на фюзеляже. Помню, кажется, и лицо того летчика,

поливающего свинцовым огнем огородные межи, в которые, закрыв головы руками, попадали люди.

Отец решил, что оставлять меня и мать в городе больше нельзя. Второго июля вместе с другими женщинами и детьми он проводил нас в неизвестность. Закрылась дверь товарного вагона - и навсегда ушло от нас лицо отца.

Уже через несколько часов, на подходе к Киеву, эшелон подвергся мощному авиационному налету. Бросив все, обезумевшие женщины и дети, спасаясь от свинцового огня и бомб, бежали в придорожные кусты. Этот ужас продолжался несколько минут, а эти минуты могли стать последними в нашей жизни, не появившись в небе несколько красnozвездных истребителей, рванувшихся к нам на защиту. Это были первые советские самолеты, которые я увидел в небе войны. О том нападении на эшелон стало известно в Коростене, и с того момента живыми нас никто уже не считал.

Вместо ожидаемого Днепропетровска наш эшелон через несколько дней пути пришел в Сталинград. После каких-то формальностей на эвакопункте часть людей, в том числе и мы, были погружены на машины и отвезены в Иловлю, небольшой поселок вблизи Сталинграда.

Стояло лето. Я подружился с местными мальчишками, у нас появилось интересное дело - мы собирали металлолом, за килограмм которого давали несколько копеек. Еще мы делали налеты на бахчи, где в тот год уродились в большом количестве сладчайшие арбузы. Поедали мы их несметно и благодаря этому совсем не ощущали голода. Еще мы без конца бегали купаться на речку, где я научился плавать. С опозданием начался учебный год, и я успел несколько месяцев проучиться во втором классе.

Мальчишки беззаботно следили за развертыванием боевых действий, взахлеб рассказывали друг другу о подвигах наших воинов, о которых сообщали радио или газеты. Здесь таких, как я, увидевших огонь войны, было еще немного. Но беда катилась к Волге, и нам с мамой пришлось еще раз пережить ужас эвакуации.

Стоял очень холодный январь. Тюки наши заметно похудели - часть их содержимого ушла в обмен на еду, а все, что было теплого,

мы надели на себя. Из города спешно шла эвакуация людей и техники. Отправлять их было не на чем. И тогда для нас подали открытые платформы, на которых обычно возят песок или щебень. Срочно соорудили на этих платформах скамейки, погрузили наш нехитрый скарб и повезли сначала на север, в сторону Пензы, а потом, говорили, мы двинемся на Урал.

Дорога в сторону Пензы была однопутной. Составы практически шли вплотную друг за другом - разрыв между ними не превышал и трехсот метров. Локомотивов не хватало, и наш состав тащили три «кукушки», три маленьких маневренных паровозика. На большом уклоне они не могли вытянуть вагоны, и тогда поступала команда всем взрослым на выход, и они шли вдоль поезда, пока дорога вновь не становилась ровной. Под узловой станцией Поворино эшелонам крепко досталось от налета немецкой авиации.

И вот утром наш состав занял путь на станции Пенза. Рядом с нами стоял другой эшелон, но это были настоящие теплушки, из труб которых струилось благословенное тепло. То был воинский эшелон с солдатами сибиряками, шедший в сторону фронта. В полной тишине стояли эти два состава. Вдруг солдаты увидели, что сугробы на открытых платформах «живые», и что это женщины и дети. Когда у воинов прошел первый шок от увиденного, стало нарастать возмущение. Они потребовали, чтобы железнодорожники заменили платформы на теплушки. Но что те могли сделать - никаких других вагонов просто не было!

И тут произошло то, что достойно могут описать только специалисты своего дела: солдаты решили поменяться составами и настояли на своем. Нас перевели в теплушки, а они, с вещмешками и винтовками между ног, расселись на наших скамейках на платформах. Их поезд двинулся раньше нашего. Женщины плакали, ребяташки махали руками, а те, сознавая, что сделали первое доброе дело, сохранив неизвестным им женщинам и детям жизнь, с чувством исполненного долга отправились навстречу своей судьбе - кто к славе, а кто к смерти.

После недельного плутания, пропуская на запад воинские составы, а на восток - эвакуированные предприятия, наш эшелон при-

был на конечный пункт. Это был Челябинск. На вокзале круглосуточно работал эвакуопункт, который организовывал приемку, кормежку и распределение эвакуированных по населенным пунктам области.

Нам достался район Миасса, а от него еще километров сто пятьдесят в глубинку. Деревенька, в которую мы попали, была невелика, домов на двадцать-тридцать. В одной из изб была начальная школа, весь педагогический коллектив которой состоял из двух учительниц. Каждая из них одновременно учила два класса: одна первый и третий, другая - второй и четвертый. Столы в классе стояли в два ряда - с одной стороны сидело пятеро второклассников, с другой - четверо четвероклассников. Так и учились: сначала учительница расскажет тем, кто поменьше, даст задание, потом тем, кто постарше. Волевым я изучал сразу программу второго и четвертого класса.

Первая военная зима была очень холодной и голодной. Тяжело было не только людям, но и всему живому. Для меня самым памятным в ту военную зиму были волки. Голодными стаями бродили они вокруг жилья, а однажды забрели днем на школьный двор. Перепуганные наши учительницы закрыли на засов входную дверь, а мы, забыв про занятия, уставились в полузамерзшие окна и своими криками старались волков отпугнуть.

Особенно жутко было ночью. Света в деревне не было, как впрочем не было и радио, и о событиях на фронте мы узнавали примерно раз в неделю от колхозного бригадира после его поездки в район.

Мама списалась с сестрой, которая тоже эвакуировалась с Украины и оказалась неподалеку от нас в Магнитогорске. С большим трудом мы перебрались в Магнитку и стали еще одной, третьей семьей, проживающей в небольшой комнатухе. Так в годы войны жило большинство эвакуированных, потеснивших уральцев в их квартирах...

Тяжелы были годы военные, но не менее - и послевоенные. Не все, что происходило со страной, мы понимали, но беззаветно поддерживали политику партии и правительства. Все поголовно мы были пионерами, а затем и комсомольцами, активно участвуя в общественной работе. Мы готовы были биться с поджигателями войны, абсо-

лютно уверенные в том, что нет более счастливого места, чем наша страна, где так «вольно дышит человек». Мы верили в то, что страну окружают враги. Верили в лесозащитные полосы, в каналы, которые превратят пустыни в цветущие сады, в великие стройки коммунизма и готовили себя к тому, чтобы непременно стать участниками этих строек...

В городе были всего три средние школы - одна мужская, и две женские. На нас, парней, был повышенный спрос. Мы самоотверженно занимались спортом, военным делом и, как положено, влюблялись.

И еще памятно это время нашими учителями. До сих пор помню их имена и лица, а они достойны памяти. Знаете ли вы такую школу, в которой бы из каждых четырех преподавателей трое были мужчинами? Сейчас такой школы днем с огнем не найдешь. А я учился в такой школе в Магнитогорске, куда мы с мамой перебрались после войны.

Максим Михайлович Ремизов преподавал нам математику. С какой дотошностью он рассказывал о таинствах этой науки! Он был требователен не только к знанию предмета, но настаивал на каллиграфическом исполнении письменных работ. Если у кого-то был непорядок в написании букв и цифр, он давал в девятом и десятом классах переписывать прописи, пока не добивался своего.

Спросите у своих детей и внуков: что такое чистописание? Не знают! А теперь спросите у бабушек и дедушек. В годы войны, когда трудно было найти не только чистую тетрадь, но и просто чистый листок бумаги, мы исписали десятки самодельных тетрадок, сшитых из газет, добиваясь правильного написания букв.

Истории нас учил Хинт, интеллигент до мозга костей. О далеких исторических событиях он рассказывал так, как будто сам был их участником. Грубить он просто не умел. Мы же были не ангелами, и, когда нужно было выгнать из класса вконец обнаглевшего ученика, он обращался к нему с такой тирадой: «Милостивый государь! Извольте выйти из класса... вон!»

Не забыть мне нашего старого физика, фронтовика, парторга школы Петра Васильевича Крапивина. Я был не очень сдержан на язык - мог ляпнуть любую пришедшую в голову мысль. А время было

очень опасное, когда и юношеский возраст не уберег бы от ареста. Когда мы были в девятом классе, Петр Васильевич умирал от рака. Всем классом мы ходили к нему домой прощаться. Когда все пошли на выход, учитель попросил меня вернуться. Слабеющей рукой он приблизил мою голову к своему лицу и тихо сказал: «Саша. Меня скоро не будет. Обещай мне держать язык за зубами». Тогда для меня была странной его просьба, но, помня о ней, я старался удержаться, когда что-то крамольное вертелось на кончике языка. А когда стал постарше, то понял, что учитель оберегал меня от большой беды.

Другую группу преподавателей составляли молодые, уцелевшие в боях фронтовики. Ходили они в военной форме, так как им не на что было ее сменить, и наши тетрадки носили не в портфелях, а в командирских полевых сумках. Я хорошо помню последний урок по литературе, который вел наш классный руководитель Михаил Георгиевич Денисов. Заканчивали мы обучение поэмой Маяковского «Во весь голос!»

- Кто, ребята, желает последний раз прочитать отрывок из поэмы?

Тяну руку.

- Михаил Георгиевич! Можно прочитать «Во весь голос» во весь голос?

Намек был понят: если вы помните эту поэму, то там часто вместо некоторых слов стояли многоточия.

- Валяй, Саша!

Так я получил на последнем уроке последнюю школьную пятерку, а вместе с ней еще большее уважение к своему учителю.

Мои одноклассники стали специалистами разных отраслей, и прежде всего металлургии. Это и не удивительно: на наши планы влиял и Магнитогорский комбинат и местный горно-металлургический институт.

Мой школьный друг Толя Куряпин, окончивший школу с золотой медалью, стал студентом Московского авиационного института, защитил кандидатскую диссертацию, многие годы проработал в закрытом городе Арзамасе с ведущими учеными страны, стал лауреатом Государственной премии. Олежка Банных стал профессором, членом-

корреспондентом Академии наук СССР, крупным специалистом в области специальных сталей. Леня Радюкевич, чья жизнь была связана с Магниткой, долгое время работал на комбинате на различных руководящих должностях, был его директором, а в последние годы работал первым заместителем союзного министра металлургии.

А трое одноклассников из моего выпуска на удивление всем одновременно заняли командные должности на Орско-Халиловском металлургическом комбинате: В. Некрасов стал директором, В. Есаков - главным инженером, Д. Носов - начальником производственно-го отдела комбината.

Правда, не только крупные специалисты получались из моих школьных друзей. В Магнитогорске существовала так называемая скрапная площадка, на которой хранился металлический лом для комбината. После войны этого добра было предостаточно. Огражденная рядом ключей проволоки, эта свалка разбитой военной техники, собранной с полей войны, была доступна для пацанов. А найти здесь можно было предостаточно вполне пригодного оружия и боеприпасов, вплоть до пулеметов.

И вот ватага пацанов, в числе которых оказался и мой одноклассник Толя Гулин, овладев оружием, решила добыть денег, чтобы летом совершить путешествие на плоту по Волге. Объектом нападения они выбрали инкассаторскую «карету» - телегу с денежным ящиком впереди, запряженную парой лошадей. Выбрав глухое место, наши налетчики открыли стрельбу, убив одного и ранив другого инкассатора. Обезумевшие лошади, одной из которых пуля попала в ухо, понесли и по привычной им дороге примчались к Госбанку.

Милиция искала организованную банду, а оказалось, что это были подростки. Всем дали «на полную катушку» по 25 лет, в том числе и Гулину...

А меня позвали стройки.

КАК МОЛОДЫ МЫ БЫЛИ...

Выбор специальности, который я сделал в 1950 году, оказался правильным. Теперь, когда позади большая часть жизни, еще и еще раз убеждаюсь: не ошибся я в выборе института.

Строительный факультет Уральского политехнического института - ровесник первой пятилетки. Он был создан в 1929 году, когда перед страной встала задача в кратчайшие сроки подготовить кадры инженеров-строителей. Начало факультету положили открытые в октябре 1929 года курсы прорабов. В том же году состоялся выпуск первых двадцати курсантов. Одновременно начались занятия студентов по сокращенной трехлетней программе.

УПИ в 1950 году, к моменту нашего поступления в него, уже пользовался заслуженной славой кузницы инженерных кадров. Большинство инженерно-технических работников и руководителей предприятий Урала были выпускниками нашего института.

Вот в таком прославленном вузе нам предстояло учиться. Конечно, первое время оторопь брала: куда мы попали, способны ли проявить себя на уровне признанных авторитетов? Но это состояние робости перед славой института проходило по мере нашего проникновения в мир науки, в жизнь факультета, в принявшее нас общество студентов-старшекурсников.

Очень скоро, а точнее, после первого курса, мы стали с институтом «на ты» и уже сами обнаруживали способности создавать проблемы, от которых у нас и у наших преподавателей болела голова. В этом, видимо, и есть задача института - избавить вчерашних школьников от чувства неуверенности, убедить их в собственных способностях, разжечь пламя творческого созидания и бескомпромиссной борьбы за свои убеждения.

Нас, собравшихся на курсе отовсюду, вначале ничего не связывало. Поселились в общежитии по восемь человек в комнате, а кому

повезло, жили по шесть и даже - о комфорт! - по четыре человека. Потихоньку притирались друг к другу. Местные, то бишь свердловчане, были в более привилегированном положении: не надо было заботиться о хлебе насущном, стипендия для них не играла роли «дамклова меча» (стипендию нам платили при условии, если сессию сдавали без троек), да и условия для занятий, естественно, у них были лучше. Но горожане были лишены определенной прелести студенческой жизни, изолированы от тех затей и чудачеств, к которым общежитские всегда были готовы.

Проживание в одной комнате еще не было гарантией сплоченного коллектива или дружбы типа «не разлить водой». Однако, если что-то «шевелилось» в кармане, мы могли всей комнатой шикануть в ресторане «Большой Урал», но чаще, на исходе стипендии, шли в баню на улице Первомайской. (Архитектуру этой бани во время приезда в Свердловск критиковал Н. С. Хрущев, и совершенно справедливо: представьте себе вход в баню с тремя мощными коринфскими колоннами - черт знает, почему только три?). Там всегда было пиво, а заодно, как говорили, и помоемся.

В комнатах обычно жили студенты разных курсов и разных строительных специальностей. Особое отношение у нас почему то было к сантехникам (специальность «водоснабжение и канализация»). Наши остряки, подогревая свои амбиции как будущих строителей более высокого класса, окрестили сантехников «фекальной шпаной». Это высокомерие было замешано на полным отсутствии понятия об этой жизненно важной специальности, символами которой тогда нам представлялись унитаз и смывной бачок. А, во-вторых, и это была грубейшая ошибка, мы еще не понимали, что группа сантехников - букет потенциальных невест: она почему-то состояла в основном из девушек.

Народ мы были в большинстве холостой, на первых курсах было лишь несколько семейных пар, поэтому были легки на подъем. Жизнь в институте в ту пору была ключом, и нам было где проявить инициативу и задор. Почти каждый участвовал в художественной самодеятельности, кто-то серьезно занимался спортом, кто-то - наукой, а кто-то - общественной работой. Мы вживались в факультетский коллек-

тив и по горизонтали - с однокурсниками, и по вертикали - со старшекурсниками.

Начиная с третьего курса, мы вплотную подошли к своей будущей специальности. Общие занятия в лабораториях, производственная практика, занятия по специальным дисциплинам сближали нас, позволяли более внимательно и пристально рассмотреть друг друга, оценить наши достоинства и недостатки, выбрать близких друзей.

В это время начали формироваться дружеские компании - двойки и тройки: Федоров - Таран - Чипуштанов, Ельцин - Гирина - Лавочкин, Раздьяконова - Юзefович, Рейфшнейдер - Горбунова - Богдашин и другие. Последняя троица так и просидела до самого диплома за одним столом, причем почему-то очень плотно. Лиде Горбуновой, миниатюрной, изящной свердловчанке, всегда со вкусом и по моде одетой, нравились эти два общежитских здоровяка, чуть не вдвое выше ее ростом. Да и она, очевидно, не была им безразлична. А парни, как «собаки на сене», до самого окончания вуза ограничивались лишь дружеским отношением, отваживая от Лиды своим гренадерским видом других ребят, имевших, возможно более решительные намерения.

Были, конечно, пары и треугольники, выходившие своими «углами» на другие факультеты и даже за пределы института. Но все это было нормально - именно они становились основой для создания молодых семей. Нашей доморощенной парой стали я и Рита Раздьяконова. Другие нашли свои «половинки» тоже на нашем потоке, но иных строительных специальностей. Так появились семьи Володи и Нины Сахаровых, Нины и Доната Никулиных, Наины и Бориса Ельциных, Яши и Любы Ольковых, Жени и Гути Беспаловых, Сергея и Иды Михайловых. Иные нашли себе суженных на других курсах или факультетах. Все эти семьи и по сей день крепки.

Учились с нами и студенты социалистических стран, тогда мы их называли «народными демократами» - чехи, словаки, румыны, поляки, болгары, корейцы, китайцы. Это были нормальные ребята, только более ответственные в учебе и лучше обеспеченные материально. В нашей группе учились великолепные парни - словак Йошка Врабец и поляк Влодык Янишевский.

Интересно было наблюдать за студентами из Китая. Одетые абсолютно одинаково, в добротные синие костюмы, они все без исключения учились прекрасно, в срок выполняя учебные задания. Трудолюбие и честность сочетались у них с неколебимой и беззаветной верой в своего вождя и его учение:

- Отец Мао послал нас учиться, и мы должны выполнить его приказ!

Делали они свое дело добросовестно, самоотверженно и даже фанатично, так что ни одной неясной для них детали в изучаемых науках не оставалось. На консультации они являлись, как правило, в полном составе и не отпускали преподавателя до тех пор, пока не усвоят полностью объем пройденного материала.

Был еще у нас на факультете корейский парень Пек Хен Сен. Этот запомнился тем, что был большой лентяй, в основном бездельничал, спал даже днем, беспредметно скупал всякую техническую литературу и складывал ее штабелями под кровать. С грехом пополам добрался он до пятого курса, но здесь произошел инцидент, решивший его судьбу. Ребята решили его «подзавести» и сказали ему: «Слушай, Пек! На кафедре есть великолепная тема для дипломного проекта, которая в будущем тебе позволит легко защитить кандидатскую диссертацию. Но поскольку ты слаб, тебе могут ее не дать, будут говорить, что она под силу только одаренным студентам. А ты требуй, ты же «народный демократ», и тебе отказать они не имеют права! Тема называется ... «железобетонный паровоз!»

И что вы думаете? Пошел требовать эту тему Пек! Довел преподавателей до белого каления. В результате ему вместо диплома выдали справку, что он прослушал в УПИ курс наук. Но это было исключительное явление. Были у нас и великолепные ребята из Кореи, в частности мы запомнили Цой Бон Хо, который впоследствии стал видным руководителем производства на родине.

Нужно сказать, что нам здорово повезло на преподавателей. Это были не только прекрасные специалисты своего дела, но еще и замечательные люди, требовательные, строгие, но великолепно понимавшие студентов, умевшие подхватывать студенческую шутку. Нельзя не вспомнить нашего искренне любимого декана профессора

С. А. Рогицкого и его заместителя Е. В. Воронину, лощеного аристократа профессора К. Т. Бабыкина, великолепного топографа Н. Н. Мазурова, большого практика строительного производства В. Л. Чекачина.

Н. Н. Мазуров, человек очень щепетильный к своей геодезии, требовавший от нас исключительной точности в расчетах и отвергавший самую малую халтуру, очень гордился тем, что в юности работал у знаменитого В. К. Арсеньева - этнографа, писателя, исследователя Дальнего Востока, который уделил молодому Николаю Николаевичу несколько строк в своей книге «По Уссурийскому краю».

Легендарной была фигура Станислава Андреевича Рогицкого, доктора технических наук, ученого с мировым именем, ставшего при нас членом-корреспондентом Академии строительства и архитектуры (была и такая академия в наше время), да еще и просто доброго человека. Стипендии нам, конечно, не хватало. И как-то на семинарском занятии, Станислав Андреевич обращается к группе:

- Чегой-то вы у меня сегодня какие-то грустные?

- Не грустные мы, Станислав Андреевич, а голодные! До стипендии два дня, а в карманах пусто, поесть не на что.

- Староста! Зайдите после занятий ко мне.

И на полном серьезе выдал в долг из своих денег нашу стипендию.

Или такой эпизод на занятиях.

- Товарищ Лавочкин, вам плохо видно! Сядьте, пожалуйста поближе.

А Лавочкин обратил на себя внимание профессора потому, что после волейбольной баталии один глаз у него затек, а вторым, густой синевы, пытался всмотреться в доску, на которой Рогицкий вычерчивал эпюры моментов трижды статически неопределимой системы. Просьба профессора была абсолютно чистосердечна и вызвана одним лишь желанием помочь человеку в трудную для него минуту. Этот курьезный случай являл собой пример высокой интеллигентности, учил сопереживать, без назидательной проповеди демонстрировал нравственность и порядочность.

А вот как вспоминает о Станиславе Андреевиче в своей книге Б. Ельцин: «Получал я на экзаменах в основном пятерки, хотя очень много времени отнимал волейбол, тренировки, поездки на соревнования. И никаких, как это теперь бывает, побрякушек за спортивные успехи не было. Пожалуй, наоборот, некоторые преподаватели гоняли меня на экзаменах больше других, считая, что волейбол отвлекает меня от серьезной науки.

Однажды профессор Рогицкий на экзамене по теории упругости предложил мне ответить сразу, без подготовки. Он говорит: «Товарищ Ельцин, возьмите билет и попробуйте без подготовки, вы у нас спортсмен, чего вам готовиться?» А у всех на столах тетради, записи. Дело в том, что в теории упругости есть некоторые формулы, которые писать надо не на одной странице, вспомнить невозможно. Разрешалось пользоваться учебником и конспектом. Профессор решил поставить надо мной эксперимент.

Долго мы с ним сражались. Но поставил он мне все-таки четверку, жалко. Хотя относился он ко мне хорошо. Я ему однажды задачку решил, очень трудную, которую у него среди студентов лет десять до меня никто осилить не мог. Поэтому он вспылал ко мне любовью. Профессор был человек необычайно интересным, умным, талантливым, мы относились к нему с огромным уважением».

На третьем и четвертом курсе нас захлестнула волна курсовых проектов. Стали мы выдавать свои творческие версии, отличные от стандартных, предусмотренных эталонами и помещенных в рамку под стекло. Чертить любили. Особым даром отличался Боря Киселев. Его студенческие работы были образцом технического и эстетического уровня. Графика некоторых его работ покоряла даже такого педанта и аристократа, каким был профессор К. Т. Бабыкин, читавший нам архитектуру.

Кстати, у него не было ученых степеней, зато были его работы, которыми до сих пор любят любоваться екатеринбуржцы - здания, построенные по его архитектурным проектам. Кто бывал в Екатеринбурге, не может не вспомнить здание Дома профсоюзов на берегу Исети, в центре города, у плотины. Прекрасное здание центральной части УПИ с

колоннадой, вестибюлем и актовым залом - тоже творение Константина Трофимовича.

Прежде чем приступить к консультации по архитектурному проектированию, Бабыкин обращал внимание на заточку нашего карандаша, и если он был правильно заточен, с удовлетворением говорил, что, наконец-то, строители научились это делать. Он появлялся в аудитории в строгом черном костюме-тройке, в безукоризненной белой сорочке, был всегда предельно вежлив, несколько медлителен. Его манера держаться и говорить не была наигранной, позерской. Это было естественно, просто, но солидно и значимо. А мы, молодые, непроизвольно впитывали жесты и лексикон по-настоящему интеллигентных людей, их неподдельно уважительное и доверительное отношение к нам.

Так, профессор Б. А. Сперанский, читавший нам металлические конструкции, всегда обращался к нам на «вы» и только по имени и отчеству. Сначала это вызывало у нас улыбку, а потом мы поняли, что это серьезно.

Очень строгим, но в то же время добрым человеком была Е. В. Воронина. Вызывает как-то она к себе в кабинет одного из нас, слонопотавшего трояк по теоретической механике, а стипендию строителям давали только без троек. Трудно передать, как «костерила» она его за эту тройку. И отца его помянула, который не вернулся с войны, и то, что на шее у матери сидит. А потом протягивает разрешение на пересдачу экзамена, и говорит с угрозой:

- Попробуй, не пересдай!

Помните ли вы своего институтского физкультурного врача? Вряд ли. А мы помним. Эту женщину можно было объять разве что втроем, тем не менее была она очень подвижной, спортивной, острой на язычок. И только на пятом курсе мы узнали, что наша доктор Одинцова была еще матерью известного в Свердловске дважды Героя Советского Союза М. П. Одинцова, памятник которому и по сей день стоит неподалеку от УПИ, напротив суворовского училища.

«С МЕСТА, С ПЕСНЕЙ...»

Специальности нас обучали добросовестно и основательно, и в этом мы убедились, когда пришли на стройки. Однако немало времени потратил институт на нашу идеологизацию и милитаризацию.

К человеку в военной форме у нас стойкое уважительное отношение. Закладывалось оно в ту пору, когда бывшие фронтовики уже заканчивали институт, а мы только становились абитуриентами. К этим молодым ребятам в сапогах, галифе и гимнастерках без погон мы относились как к старшим товарищам. А форму они носили потому, что не было у них другой одежды. Учиться им было значительно труднее, чем чам, и мы, когда в этом была нужда, спешили прийти к ним на помощь, поскольку наши школьные знания были посвежее. Зато учились они основательнее нас, так как война оставила им меньше времени на гражданское становление.

Были, правда, в институте и другие люди в военной форме, постарше. Эти ходили при всех экаках отличия и регалиях. То были представители военной кафедры, которая уже со второго курса взяла нас под свой контроль.

Учитывая нашу будущую гражданскую специальность из нас решили поначалу готовить саперов. «Военке» был отдан полный учебный день в неделю. Классы военной кафедры были оборудованы лучше наших факультетских лабораторий. Преподаватели в форме на своем предельно упрощенном и безапелляционном лексиконе доводили до нас премудрости военной науки.

Заведующий военной кафедрой генерал А. В. Кондратьев, человек начисто лишенный эмоций, крайне негативно относился к нашим просьбам о переэкзаменовках, когда у нас случались провалы на экзамене или зачете:

- Не положено! Не рассуждать! Кругом! Шагом марш!

Летом мы уезжали на полтора месяца (естественно, за счет каникул) в военные лагеря - закреплять на практике полученные теоретические знания. Это были палаточные городки при действующих армейских полразделениях. Внутри палаток были сколочены нары с тощими, набитыми соломенной трухой матрацами. Выдали нам солдатскую форму, очень давно бывшую в употреблении, такую что, когда потребовалось отправить с разрешения начальства, Витю Далингера в Пермь за баяном, то нам пришлось всей ротой подбирать для него годное обмундирование, чтобы его не задержал военный патруль из-за его, как сказали бы сейчас, бомжеского вида. (Виктор был превосходный музыкант. Кажется, не существовало таких музыкальных инструментов, на которых он не мог бы играть. Сейчас Виктор - доктор архитектуры, директор крупного московского проектного института).

Питались мы в войсковой столовой настолько скудно, что постоянно хотелось где-то раздобыть съестного. С этой столовой был связан смешной эпизод. Однажды ночью раздался истошный крик: «Горит!» По какой-то причине на кухне возник пожар. Палатки чаши были неподалеку от столовой. Мы вылетели из палаток и помчались на пожар в одних трусах. Начальство еще не подросло, поэтому решили проявить инициативу и тушить начали подручными средствами. Хватали бачки, ведра, не зная, где находится вода, полезли в щекотлы. Затушили. Пошли досыпать. А утром выяснилось, что погасили огонь супом с лапшой и - самое обидное - компотом, который нам доставался раз в неделю. Спасибо, хоть не ругали, но без компота остались.

Наши полевые учения не отличались глубиной получаемых знаний. По-прежнему добивали уставы, суть которых сводилась к одному: можно - нельзя, положено - не положено, обязан и так далее. Значительная часть саперной науки посвящалась разрушению дорог, мостов, зданий, коммуникаций - в общем, полный антипод нашей будущей профессии. Правда, была и вторая часть этой науки - восстановление порушенного. Но нам этот тип строительства казался варварским, поскольку, чтобы что-то восстановить, надо было разбирать что под руку попадет: сарай, дом, а чаще всего - валить находившийся рядом лес. Да и восстанавливалось все лишь на время, чтобы на ло-

кальном участке пропустить технику и войска - а потом хоть трава не расти.

На первых порах было интересно, а потом начало расти внутреннее чувство протеста и возмущения.

Положение осложнилось тем, что наши взводные командиры были выпускники училищ, молодые лейтенанты, наши ровесники, которые уже успели вкусить опьяняющее чувство власти и беспредельную силу армейской дисциплины. А среди нас было немало болтливых и бодливых, у которых прямо свербило под ложечкой от желания показать свое интеллектуальное превосходство над солдафонами. Так что поводов для конфликтов было предостаточно.

Стояла теплая осень. Однажды часа в три ночи (самый сладкий солдатский сон) раздалась истошная команда: «Тревога! Подъем!» Повскакали, стремительно залетая в свою немудреную одежду. Приказано брать с собой всю амуницию, включая шинельные скатки, саперные лопатки, противогаз и оружие - винтовку. Всего набиралось около пуда.

Повзводно стали спускаться к речке, пересекли ее по мосту, и вышли на равнину, когда забрезжил рассвет. Тут последовала команда: «Бегом марш!». И мы, навьюченные на оба плеча, заплыли по дороге, тяжело бухая кирзовыми сапогами. Впереди и сзади, насколько позволяла видеть поднятая нами пыль, бежали отделениями и взводами студенты-однополчане.

Сначала, когда прошел сон, это несколько развлекало, но, поскольку команда прекратить бег все не поступала, шуточки и подтрунивание над рядом бегущими стихли, силы начали покидать нас, а от колонны не отстанешь - во-первых, перед ребятами неудобно, во-вторых, наказания не избежать.

В движущемся строю стал нарастать ропот, переходящий в оценку бегущих рядом командиров, а затем уже требование прекратить издевательство. Дело в том, что наши молодые наставники бегут в легких гимнастерках, хромовых сапожках, и только полевая сумка хлопает по задку. Наконец, когда кто-то, окончательно выбившись из сил, остановился, последовала команда: «Шагом!» - и мы решили, размазывая по лицам пот, пыль и грязь, что сейчас последует привал.

Увы, после десятиминутной ходьбы вновь команда: «Бегом марш!» Это испытание продолжалось многократно, и сколько километров оставили позади, мы не представляли. Солнце уже стояло высоко, а мы, не понимая чего от нас хотят, изнывали от усталости, жары, жажды, да и неумело наваленные портянки тоже дали многим «прикурить».

Наконец, добрались до каких-то окопов, и тут последовала благословенная команда: «Стой, можно сесть». Эту команду выполнили стремительно, буквально попадая на землю со всей своей амуницией.

Прошло минут пятнадцать-двадцать - и вдруг новая команда: «Привести окопы в порядок. Занять оборону! Возможна танковая атака!» Час от часу не легче! Чем мы будем бороться с этими танками? Портянки на смотровые щели накидывать? Делать нечего. Скатки на землю, винтовки в пирамиды, саперные лопатки в руки, расчищаем обвалившиеся стенки окопа, готовим бруствер, хотя руки еще трясутся после бешеного марш броска, да и полевой кухни что-то не видать, под ложечкой уже крепко сосет, а про сухой паек наши командиры, видать, забыли.

Вдруг что-то вдали загудело. На самом деле, танки - и на нас! Ползут эти железные чудища, гудят дизели, дым черный валит, бухают холостыми выстрелами в нашу сторону, и все ближе, ближе. Ситуация жутковатая. Попадали мы на дно окопов, а над головами уже танковые гусеницы. Летят на нас сверху комья земли, бьют по головам и спинам, а мы ведь без касок! Так что кое-кому досталось синяков и шишек.

Прошли танки над нами - новая команда: «Привести окопы в порядок!» Какое там! От усталости и мандража домкратом из окопа не вытолкнешь! Наши молодые командиры решили нам «помочь»: в окоп полетели взрывпакеты с какими-то вонючим газом. Быстрее сокола стали вылетать мы из своего убежища, матеря командиров, «противника», и вражеское окружение соцлагеря, решив посвятить оставшуюся жизнь только борьбе за мир.

Ушлепали наши железные «противники». Поприустили и командиры. Пора домой двигать. Особой команды не потребовалось. Двинулось наше воинство в обратном направлении, в сторону лагеря,

снова отмеряя километры. А тут, как назло, надвинулись свинцовые тучи, пошел холодный дождь со снежком...

На этом наша учеба еще, оказывается, не закончилась. Когда подошли к реке, то по задуманному начальством плану нам полагалось взорвать мост. Заложили заблаговременно подготовленный старшиной фугас и подняли к небу этот мостик. Полюбовались произведенным эффектом - высоко в небо летели бревна, да и шуму много понаделали. И опасаться этих проклятых танков уже не надо - не одолеть им теперь эту речку.

А радоваться, оказывается, было рано. Выяснилось, что по этому мостику еще должны пройти в контратаку «наши» танки! Так что приказано мостик восстанавливать. А из чего? Придется, ребятки, собрать то, что так весело летело в воздух! Эх! Мать вашу так...

Скользя и ползая на карачках по грязи, мы волокли по берегу скользкие бревна, укладывали их и скрепляли невесть откуда взявшись стальными скобами. При свете фонарика командира заканчивали эту адскую работу.

Наконец и лагерь. И тут, к своему ужасу, обнаруживаем, что дневальный не опустил полови палаток и на наших топчанах лужи и даже снежок...

Но поступила команда старшины почиститься и готовиться идти на ужин! Сразу стало полегче, вот сейчас да беремся до теплой столовой, к стакану горячего чая...

- Становись!

Тут пришла пора рассказать об одном младшем командире, о нашем старшине. Парень в общем он был неплохой, но ведь надо было выслужиться перед начальством. Родом он был из западных областей и говорил на какой-то смеси русского, украинского и других славянских языков:

- Я вам якый раз говору, шоб вы мэнэ у тыл ср... не ходылы!

На этот раз он скомандовал:

- Становыс! Равнайс! Смырна! Рота, з мэста, з пэсней - шагом марш!

Марш получился, а песня - нет. Какая к черту песня: с ног валится. Есть и спать хочется...

- Запэвай!

Молчок. Только бухают тяжелые сапоги.

- Ро-о-о-та! Стой!

Рота встала.

- Рота! З мэста, з пэсней - шагом марш!

Бух, бух, бух, а песни нет. Старшина был опытный, закаленный вояка и дело свое знал.

- Рота, стой! З мэста, с пэсней - шагом марш!

Нет, видать, плетью обуха не перешибешь...

И при следующем: «З мэста, з пэсней...» мы истошно заорали:
- «Протрубили трубачи тревогу...»

- Вот так, молодцы!

А тут, когда добрались до куплета: «Мы готовы в бой! Мы готовы в бой!», затаили - «Мы хотим домой! Мы хотим домой!»

- Рота, стой! З мэста, з пэсней...»

- «... Мы хотим домой!»

Не выдержал старшина. Оставил нас под стойкой «смирно», пошел докладывать командиру о ЧП. Явился командир.

- Кто хочет домой? Два шага вперед!

Строй недвижим, прекрасно понимаем что к чему.

- Напра-во! С места, с песней - шагом марш!

- ... Мы хотим домой!

Нет. Победила все-таки армия. Проревели мы что-то невероятное, на все уже наплевать. Уже не до ужина. Спать пришлось ложиться на сырые постели и греть их собственными телами...

Вот так мы получали уроки жестокости и обретали «любовь» к нашим командирам и самой армии.

Иной раз мы видим на телеэкране лица матерей, потерявших сыновей в мирное время на срочной службе. Нам не утешить их, но к их претензиям к армии я готов присоединиться, поскольку сам чуть не стал бессмысленной жертвой халатности наших командиров. Было это так...

Получили мы как-то задачу: ночью протопать десять-двенадцать километров в заданном направлении и к утру возвратиться в исходную точку, в лагерь. Вооружившись схемами маршрута, компасом и фонариком, отправились в путь.

Накануне вечером прошел дождь, и, когда мы зашли в лес, ветви кустов и деревьев обрушили на нас освежающий душ. Шинели в скатках, разворачивать их не разрешали. Но задание было интересным. Несмотря на то, что промокли, радовались, обнаруживая в ночи нужные ориентиры, и без особой сложности успешно продвигались по маршруту.

Вдруг где-то рядом раздался хруст ветвей - вздрогнули: в этих местах и «мишка» водится. Остановились. Попритихли. Потом осмелев, крикнули. В ответ - человечьи голоса. Стало полегче. Оказалось, двое молодых, подвыпивших солдат срочной службы из нашей части возвращаются из самоволки - бегали к девушкам на близлежащую станцию.

Покурили. Разговорились. Поинтересовались они нашим заданием. А когда поняли, куда мы направляемся, очень удивились и предупредили, что там находятся артиллерийские склады и часовые могут запросто прихлопнуть нас из автоматов.

Веры большой к этим немножко хмельным самовольщикам не было, тем более, у нас был подписанный взводным маршрут, а пойди мы в другом направлении - не выполним задание. И какого тогда черта бродили ночью этот десяток километров? Так что двинулись снова вперед, спустились в какой-то овраг с болотной жижей на дне. Стали выбирать по скользкому склону и слышали окрик: «Стой! Кто идет!» Решив, что это опять какие-то гуляки, мы пошли на голоса. И тут резанула автоматная очередь - стреляли из двух точек трассирующими пулями. Как горох, посыпались мы на дно оврага, а на наши головы обрушились срезанные пулями ветки и очередные ушаты воды. Снова оказались в болотной жиже, а противный визг и чавканье зарывающихся в землю пуль запомнили хорошо.

Пригнувшись, стараясь не вызывать лишнего шума, стали по дну оврага выбирать подалеже от этого опасного места. Благо, через некоторое время вышли к знакомой нам реке и с большим опозданием под утро вернулись в расположение части.

Обеспокоенный взводный устроил нам разгон и пообещал повторять задание до тех пор, пока не научимся ходить по ночным азимутам, как по городским кварталам.

Тут уж и нас задело за живое, и мы стали доказывать взводному его ошибку. Тот, нещадно матерясь, пытался отстоять свою правоту, но когда все успокоилось и вместе произвели расчеты, то оказалось, что правы были мы. Чтобы не подводить своего опростоволовшего командира, решили не предавать дело огласке.

Нам крупно повезло: то ли часовые на вышках были ребята опытные и дали очередь поверх наших голов, то ли наоборот, из-за своей неопытности они просто в нас не попали. А кабы не так, что бы рассказали потом командиры нашим матерям?

Уставшие, простуженные, оставшиеся практически без каникул, возвращались мы в институт. А тут нас ждала новость: отныне мы уже не будем саперами, нас будут готовить на танкистов. Вот те на!

В УПИ были неплохо оборудованные танковые классы, а во дворе военной кафедры стояли настоящие современные танки. Мы познакомились с этой могучей и страшной машиной, поняли, сколько труда и интеллекта вложено в создание этой умной громадины.

Учеба на танкиста оказалась интересней саперной науки. А через два года - снова лагеря. На этот раз танковая часть заметно отличалась от той, в которой мы были прошлый раз. Командиры и мы были всецело заняты подготовкой могучих машин к походам и связанными с ними стрельбами, эвакуацией техники из болот, устранением походных неисправностей. И, конечно, занятым делом, нам и командирам было не до хамства и злобы.

Вождение танка - сплошное удовольствие, так как послушная машина практически не знает препятствий. Правда, сильно удручала езда по пыльным дорогам: хватаешь воздух, как рыба жабрами, и в часть возвращаешься грязный как черт, одни зубы да глаза блестят.

Много хлопот доставляли нам стрельбы из танка. Оглушает шум от стреляющих пулеметов и пушки, поскольку железная машина - хороший резонатор, пороховые газы попадают внутрь, вентиляторы не успевают эти газы отсасывать, так что обстановочка в этом «салоне» далека от комфорта.

Стреляли из пулеметов по грудным мишеням или ночью по вспышкам. Результаты стрельбы каждого экипажа фиксировали и сообщали по радио на командный пункт наши же ребята, расположив-

шиеся в блиндаже рядом с мишенями. Торчать все время в этом блиндажке было сыро и холодно, поэтому они часто располагались рядом с блиндажом в небольшом окопчике. В перерывах между стрельбами наблюдатели точили лясы или даже позволяли себе перекинуться в дурака. Но однажды это чуть не кончилось плохо.

Один из наших студентов пульнул по этим мишеням из пушки фугасным снарядом. Дело в том, что пулеметные очереди наблюдателям не опасны - они проходили над их головами. Ни в мишени, ни в блиндаж снаряд не попал, но ребят оглушило взрывом и забросало землей. И хотя с опозданием, нырнули они, как мыши, в блиндаж. А парень просто ошибся, воспользовался не той шкалой для стрельбы.

Самым тяжелым занятием была эвакуация засевшего в болоте танка. Командир ведет свою танковую колонну через заведомо непроходимое болото. И когда машина чуть не по самую башню уходит в болотную жижу, командир предлагает вытащить машину из трясины за один час и тридцать минут, используя подручные средства.

Ищем вокруг себя эти подручные средства, но кроме стального каната на броне боевых машин да наших рук ничего не обнаруживаем.

Тросы толщиной с руку не помогают. Натянутые, как струна, они вот-вот лопнут, моторы дико режут, скребут гусеницами землю, а танк в болоте - как вкопанный.

Вот тут до нас дошло, что такое подручное средство. Командир указал на лежащее неподалеку огромное бревно, которое попало сюда, видимо, не случайно. Подтянув это бревно к корме танка, мы закрепили его к гусеницам и механик-водитель, забравшись в машину через верхний люк, поскольку его люк был погружен в болото, дал газ, и наше бревно ушло под движущиеся на месте гусеницы, а машина, вытолкнув это бревно впереди себя, продвинулась на пару метров назад. Задача была понята, и мы, плавая в болотной грязи, несколько раз переставив бревно, выполнили ее.

Это была плановая эвакуация машины из трясины. Но были случаи, когда танки попадали в ловушки по нашей оплошности. Всем остался памятен эпизод, когда экипаж Ельцина, Могильникова, Сахарова и Лавочкина загнал свою машину в ров с водой. Еще повезло, что они ее совсем не утопили, поскольку корма танка оставалась на

берегу. Здесь и пришлось проявлять полную самостоятельность. Благо помогли товарищи на других машинах, вернувшиеся за пропавшим экипажем. Три танка, запрягшись цугом, выдернули неудачников из рва, как редиску из грядки.

Так мы проходили свою нелегкую службу в бронетанковых войсках, с удовольствием постигая сложную, но интересную технику. И не помним сколько-нибудь серьезных конфликтов с командирами, которые строго и требовательно обучали нас премудростям своего ремесла. Они с уважением отнеслись к нашему инженерному образу мышления и не старались унижать нас за неуставные действия. Служба шла на равных, что приносило пользу обеим сторонам. Мы сохранили о тех командирах самые теплые воспоминания. Это был для нас самый первый, хотя и специфический, коллектив технической интеллигенции.

Военное обучение отнимало у нас свыше пятнадцати процентов времени, отведенного на постижение всего курса наук, плюс к тому еще три месяца на летнее лагерное обучение. Нужно ли это было нам и стране? Нам - нет. Стране - и да, и нет. Нет - потому что делало ущербным систему высшего образования. Да - ведь кто-то должен сидеть за рычагами и штурвалами военной техники, которая потоком выходила и по-прежнему выходит из ворот предприятий нашей сверхмилитаризованной державы.

Кстати, если учесть, что едва ли не больше в институте уходило времени на изучение извращенной истории политических движений, то станет понятно, что более трети учебного времени уходило на постижение наук, никакого отношения не имеющих к нашей будущей специальности.

А что касается армии, то я за армию профессиональную, армию-защитницу, а не армию-агрессора, каковой была Советская Армия в послевоенные годы в Корее, Венгрии, Чехословакии, Вьетнаме, Египте, Анголе, Афганистане. Пусть будет наша военная техника самой передовой и самой дорогой. Пусть армия живет не хуже своих обнищавших граждан. Но... в пределах разумной обороны. Тогда не потребуются приобщать к военному делу весь народ, обучая его «чему-нибудь и как-нибудь»...

ВОСПИТАНИЕ ЧУВСТВ

Самое яркое ощущение студенческих лет - это ощущение огромной личной свободы, ограниченной только учебным процессом и материальной закрепощенностью. А в остальном - сам себе полный хозяин. Хотелось успеть везде: и в галерею, и на концерты, и в филармонию, и конечно, в театры.

Театральный Свердловск в первой половине пятидесятых годов переживал пору своего расцвета. В оперном театре блистали Я. Вутирас и Н. Даутов. На наших концертах пользовался неизменным успехом студент Свердловской консерватории Борис Штоколов. Густой глубокий бас, статная фигура тогда еще не располневшего бывшего моряка, простота исполнения русского народного и классического репертуара покоряли нас. А если добавить, что в это время в Свердловской консерватории учились и выступали с концертами на институтской сцене И. Архипова и Ю. Гуляев, то вам должно стать ясным какая молодежь приобщала нас к культуре.

В драматическом театре, затаив дыхание, мы слушали монологи народного артиста Б. Ф. Ильина, впитывали трагические роли М. Токарева, прекрасные драматические дуэты Б. Молчанова и К. Максимовой.

А что нынешние молодые знают о поре расцвета и всесоюзного признания свердловской оперетты? Если вы не слушали опереточную классику в исполнении А. Маренича, М. Вика, Г. Дыбчо, П. Емельяновой, А. Матковского и молодой Сатосовой, то вы много потеряли! Вот на сцене Дыбчо в «Девичьем переполохе», этот старый дьяк, напарившийся в бане и требующий квасу. Он не произносит ни одного слова, но зрительный зал в течение минут десяти рыдает от хохота! А Фома и Филипп в «Вольном ветре» в исполнении Маренича и Матковского! Ноги под креслами сами в пляс идут. Или молодой Курочкин в «Свадьбе с приданым!» Жаль, что нельзя заглянуть в это время снова.

В филармонии работал прекрасный симфонический оркестр под управлением Марка Израилевича Павермана. Он не раз выступал на институтской сцене. Это была чрезвычайно нужная просветительская деятельность, ненавязчивая и систематическая. Помнится концерт Игоря Безродного, он исполнял концерт Кабалевского для скрипки с оркестром. Не очень искушенный студенческий зал был потрясен и заставил скрипача под гром аплодисментов несколько раз повторять финал концерта.

Любили мы и эстраду. Нашими кумирами были А. Райкин, Л. Утесов, К. Шульженко. Особое отношение было к опальным А. Вертинскому и П. Лещенко. Под мелодии их песен мы проводили свои танцевальные вечера.

Были в институте и доморощенные барды. Правда, их песни не были политизированы, как нынешние, но вам должно быть и так понятно, чем мог в то время закончиться для авторов подобный уклон, да и для слушателей тоже. В основном, песни эти были лирические, зачастую с налетом цыганщины. Но мы все равно их любили. Тогда не существовало магнитофонов, тем более видеотехники. Все записи воспроизводились на чудо-технике - электропроигрывателе и радиолах. А свои любимые песни мы приобретали в виде грамзаписей на использованной рентгеновской пленке или, как тогда говорили, «на ребрах». И сейчас еще можно найти в домашних архивах нашего поколения эти записи - подобия гибких пластинок. Нашими институтскими кумирами были Сенченко и Оборин. Особой популярностью во Втузгородке пользовалась песня «Огоньки», которую с любовью мы вспоминаем на наших встречах и теперь.

А зарубежными кумирами были Ив Монтан и Робертино Лоретти. Однажды в аудитории произошел большой «розыгрыш». Яша Ольков объявил распродажу лишних билетиков на известных итальянских певцов - Каниофору Церебеллу, Мирулиса Лакриманса и Порию Ваппарария. И только тогда, когда сдавшим «знаки» (так мы называли рубли) вручали билеты, нарисованные на фанере, выяснилось, что «прикупились» лишь те наши однокашники, которые пропустили последнюю лекцию по деревянным конструкциям: под «именами» итальянских певцов скрывались очень звучные названия грибков - разрушителей дерева.

БЫСТРЕЕ, ВЫШЕ, СИЛЬНЕЕ!

Свердловск в пятидесятые годы, в пору нашей учебы, был заметным не только театральным, но и спортивным центром страны. На всесоюзных и международных соревнованиях выступали уже тогда легендарные конькобежки Татьяна Карелина и Римма Жукова, тяжелоатлеты Аркадий Воробьев и Николай Самсонов, боксер Александр Засухин, легкоатлет Сергей Суханов, гимнастка Лилия Назмутдинова и многие другие.

В УПИ спорт занимал достойное место, и нам было чем гордиться. В институте было пять спортивных залов. Практически на каждом факультете свои спортивные секции. А те студенты, которые имели высокие спортивные результаты, имели возможность заниматься в институтских секциях. Среди руководителей этих секций и преподавателей было много высококлассных специалистов, способных спортсменов, мастеров спорта.

Рита Частухина, Нина Безносова и я были увлечены легкой атлетикой, нашей стихией был бег. Занимались мы у известных свердловских тренеров Пионтека и Эрлихмана. Наиболее одаренной была Рита, непременный участник факультетской и институтской сборных команд. Особенно престижным было ее участие в городской эстафете на приз газеты «Уральский рабочий», поскольку в те годы сборная института постоянно выигрывала этот почетный приз.

Ранней весной начиналась подготовка к весенней легкоатлетической эстафете на приз институтской многотиражки «За индустриальные кадры». Эта подготовка принимала тотальный характер. Конечно, все не могли заниматься в легкоатлетических секциях, и факультет нашел другое средство, которое должно было заменить тренировки - ежедневную утреннюю зарядку, естественно, для тех, кто жил в общежитии. В семь утра трубивший в коридоре горнист мог поднять и покойника. Относились к этому мероприятию по-разному.

Одни воспринимали как должное, другие - с неприязнью. Однажды Шура Рейфшнейдер, здоровенный парень, но от спорта далекий, разъяренный принудительной побудкой, выскочил прямо из под одеяла в коридор и провел с трубачом «беседу». Воспроизвести ее по причинам не совсем парламентского изложения его точки зрения на эстафету, оргкомитет и на роль самого горниста не представляется возможным. Но смысл беседы по последней фразе «убью, как собаку», можно понять. Горнисту такая перспектива не улыбалась, поэтому он ретировался на этаж ниже. Ни убивать, ни просто элементарно бить горниста Шура не стал, но пришлось им с Богдашиным применить другие меры - с целью усиления звукоизоляции двери навесить на нее свои матрасы, а самим спать на голых пружинах. Впрочем, подобные эпизоды становились тут же известными благодаря стеной печати, где к лентяям применяли меры сатирического воздействия. Обижаться было не на кого: решение о зарядке касалось всего факультета.

Выиграть эстафету было делом азартным и престижным. Но ни у одного факультета не хватало сил выиграть все сильнейшие забеги - смешанных, женских и мужских команд. У крупных факультетов силы были примерно равны. Поэтому очень важно было знать, какую команду выставляет. Факультетские «штирлицы» получали задание выявить планы соперников. Как бы нам помогло, имей мы в ту пору компьютеры: зная возможности ведущих факультетских спортсменов, все можно было бы легко просчитать. У строителей наиболее сильные шансы были в смешанном или женском составах. Но существовал еще и главный приз - за массовость. Этот приз традиционно доставался нам, и мы этим очень гордились.

День эстафеты был особенно торжественным. Площадь перед главным корпусом института настолько плотно заполнялась болельщиками, что пробиться к стартовой полосе было непросто. Да и на самой дистанции было полно болельщиков. Под особой опекой факультета находилась, конечно, сильнейшая команда. На каждом этапе у сборной была своя группа поддержки, которую возглавлял один из преподавателей. А после эстафеты - традиционная групповая фотография.

Моя будущая жена Рита Раздьяконова посвятила себя художественной гимнастике. Этот элегантный вид спорта тогда в стране только нарождался. А в Свердловске он был связан с именем Лилии Назмутдиновой, ставшей первым мастером спорта и первой чемпионкой Союза по художественной гимнастике. Жора Соснин увлекался классической борьбой, тоже достиг неплохих успехов в этом виде спорта и имел немало своих болельщиков. Одним словом, в институтской спартакиаде в ее комплексный зачет наша группа вкладывала немало очков в факультетскую копилку.

Сергей Михайлов был у нас бессменным вратарем факультетской футбольной и хоккейной команд. Тогда эти два вида спорта были сезонные, летних ледовых площадок не было, как не было и крытых зимних стадионов. Это теперь амуниция хоккейного вратаря легчала, а в ту пору она весила далеко за пуд, что вызывало немало шуток в адрес Сергея.

На третьем курсе у Михайлова появилось новое увлечение - в институтском мотоклубе ему предложили попробовать восстановить мотоцикл какой-то немислимо громоздкой модели еще довоенного образца. Как уж ему удалось затащить детали этой машины с коляской на пятый этаж в нашу четырехместную комнату? Пришлось из комнаты убрать стол с табуретками, используя вместо них мотоцикл. Так продолжалось месяца два, но когда Сергей залил в бак мотоцикла бензин с маслом и начал его заводить, терпение соседей по комнате лопнуло, и ему помогли от этого «трактора» избавиться.

Борис Ельцин и Нолик Лавочкин были фанатично увлечены волейболом. Успехи у них были довольно высокие, поскольку в ту пору институтская сборная была сильнейшей не только в городе, но и в республике.

Очень часто сегодня настырные корреспонденты задают Борису Николаевичу вопрос:

- Как вы выдерживаете огромные нагрузки?

И всегда следует ответ:

- Помогает спорт! В игре никогда не думаешь о поражении, всегда настроен на победу! А иначе зачем выходить на площадку?

Мы видели этот азарт, но нам тогда не приходило в голову, что это не просто так - это характер!

В своей книге «Исповедь на заданную тему» Ельцин рассказывает: «Волейбол оставил в моей жизни большой след, поскольку я не только играл, но потом и тренировал четыре команды... в общем, у меня уходило на волейбол ежедневно часов по шесть, и учиться (а поблажек мне никто не делал) приходилось только поздно вечером или ночами. Уже тогда я приучил себя мало спать, и до сих пор я как-то к этому режиму привык и сплю по 3,5-4 часа...»

На Олимпийских играх в Барселоне, давая интервью российскому телевидению, Хуан Антонио Самаранч так отозвался о Ельцине:

- Это человек из спорта...

Как ни странно прозвучит такое сравнение, но, наверное, многие выпускники УПИ могли бы сказать, что они - «люди из спорта», настолько основательные и крепкие традиции прививал студенческий спорт, так заметно сказывался на судьбах многих. Вот еще один яркий тому пример - Павел Богдашин.

Он был самым именитым спортсменом в нашей группе. В институте стал мастером спорта СССР, чемпионом ДОСААФ страны. Его увлечением был мотоспорт. Это сейчас, в век бешеных скоростей, мы к быстрой езде привыкли. Но нужно было видеть, как наш Пашка носился на кроссовой дистанции в Шарташском лесу или по льду Исетского пруда! Это было мужественное зрелище.

В первые годы учебы Павел был молчаливым и даже угрюмым - очевидно, это было связано с трагедией в его семье: за год до поступления в институт погибла на затонувшем катере его мама, а вскоре не стало и старшего брата, гражданского летчика. Уже в школьные годы у Паши был старенький мотоцикл, на котором он носился по улицам родного поселка, распугивая все живое. А когда поступил в институт и в первый же день увидел объявление с перспективой в скором времени принять участие в мотокроссе, он тут же разыскал мотоклуб УПИ. Решение участвовать в соревнованиях пришло сразу же, но дадут ли для этого машину? В клубе ему показали кучу металлолома, которая довольно отдаленно напоминала детали мотоцик-

лов. Поэтому поначалу он решил пригнать в Свердловск свой дорожный ИЖ-350.

На старт соревнований Паша вышел, не имея практически понятия о мотоспорте, стратегии и тактике гонок. Он считал: раз ты мотогонщик, то должен по трассе гнать сломя голову. Так он и поступил. И на удивление многим болельщикам, Паша долгое время лидировал, правда, неоднократно падая и набивая шишки. И когда до финиша уже оставалось всего метров сто, он еще раз свалился на вираже, основательно покалечив и себя и свою машину, пропустив к финишу двух нормальных, имеющих опыт гонщиков. Третье место для новичка - это тоже успех, но главное, он понял, что мотоспорт - это что-то другое, чем просто гнать на большой скорости по трассе.

Богдашин понял: чтобы стать настоящим мотогонщиком, нужна большая практика соревнований и хорошая машина, ждать которую неоткуда, а делать ее нужно самому. В институте были хорошие мастерские по холодной обработке металлов и различным видам сварки. Светлая голова и работающие руки позволили Павлу самозабвенно заняться созданием узлов мотоцикла собственной конструкции. Это были оригинальные гидравлические амортизаторы (новинка по тому времени), легкие прочные рамы и форсированные серийные моторы.

Благодаря природной смелости, опыту, приобретенному в соревнованиях, и модернизированным мотоциклам, Павел за несколько лет прошел путь от «дикого» новичка до мастера спорта и члена сборной команды страны. Он стал популярной личностью в институте, к каким было особое уважительное отношение как со стороны преподавателей, так и со стороны студентов.

Однажды на наших глазах эта популярная личность чуть не переместилась в мир иной вместе со своим мотоциклом. В тот день на Уктусских горах предполагалось открытие сезона, и в этих соревнованиях Богдашину предстояло принимать участие, да еще поднимать флаг соревнований, как чемпиону города прошлого года. А перед соревнованиями ему надо было сдать экзамен по знаменитому сопромату, после которого, по стойкому убеждению студентов, уже можно жениться. Шли мы поутру сдавать экзамен, как вдруг мимо нас с оглушительным треском промчался по дороге в институт Павел

на своем мотоцикле, тоже на экзамен. И тут мы услышали треск сломанного дерева и увидели Богдашина, летящего по воздуху, но уже без мотоцикла. Оказалось, что по какой-то причине дорога была перегорожена бревном, которое он увидел только в последний момент. Последовал очень сильный удар, бревно сломалось, мотоцикл без седока помчался дальше, а незадачливый гонщик без чувств рухнул на брусчатку.

Когда подбежали к нему, увидели лопнувшую на нем кожаную куртку, ободранные бревном кровоточащие руки - оказывается, он в последний момент сложил их на груди крестом, и это спасло его от более тяжелой травмы. Привели Павла в чувство, доставили в медпункт и подобрали его почти не пострадавший мотоцикл. Каково же было наше удивление, когда через час он явился на экзамен с перевязанными руками, а профессор Рогицкий, наш сердобольный декан, предложил ему без сдачи экзамена «четверку».

Этим день еще не закончился. Вечером стало известно, что Пашка пришел после экзамена в себя, сел на мотоцикл и уехал на соревнования, где снова выиграл первенство города.

Постоянные тренировочные сборы, многочисленные соревнования не очень отражались на учебе Богдашина, учился он на твердое «хорошо», что гарантировало ему стипендию. Да и сам мотоспорт оказался для него неплохим подспорьем в учебе: на сборах и соревнованиях хорошо кормили, и поездки во многие города Союза расширяли его кругозор, а тут еще награды, призы, всеобщее внимание... Особенно урожайным для него был 1954 год, когда мы были на четвертом курсе. Ряд побед и призовых мест в различных соревнованиях, в том числе и международного уровня, дали ему возможность войти в сборную команду страны. А выиграв первенство ДОСААФ СССР, он в качестве приза привез в Свердловск великолепный кожаный костюм и диковину тех лет телевизор КВН-49, который, как потом оказалось, был шестнадцатым телевизором в городе. Аппарат установили в нашей студенческой аудитории, а уж кожаные штаны от призового костюма были предметом шика и зависти. Правда, носил он эти уникальные штаны не столько ради фасона, сколько потому, что других не было.

Дипломный проект Богдашину пришлось готовить и защищать на месяц раньше всей группы. Это было вызвано необходимостью участия его в каких-то больших соревнованиях. Первому всегда тяжелее, пришлось ему самостоятельно попотеть над своим проектом путепровода через железнодорожную станцию Шарташ. И вот, отоспавшись накануне защиты, с чувством удовлетворения и некоторого превосходства над теми, кто только входил в разгар дипломного проектирования, отпуская в наш адрес слова типа «бездельники», Павел подошел к своему столу в аудитории. И ужас искажил его самодовольное лицо. С криком «Сволочи!» он бросился к лежащему на столе проекту, на титульном листе которого с изображением перспективы великолепного моста красовалась черная лужа пролитой туши из тут же опрокинутого флакона. Это ж надо такое! Завтра защита! А послезавтра выезд на соревнования! Дрожащими руками Павел поднял опрокинутый пузырек, взялся за лист, и большое черное пятно... соскользнуло с ватмана, открыв его идеальную первозданность. Вокруг грохнул хохот! Оказывается, Яша Ольков, чтобы охладить пыл самодовольного лидера, вырезал из ватмана «лужу из туши» и положил рядом пустой флакончик. Побелевший от волнения, обессиленный потрясением, Павел ухнул на стул и стал извиняющимся тоном что-то лепетать. Когда все успокоились, он обрел силы посмеяться со всеми и даже позавидовать, что эту шутку придумал не сам.

Мотоцикл еще не раз сыграл решающую роль в судьбе Богдашина. Учитывая его склонность к расчетам и не желая ослаблять институтскую команду мотоклуба, ему предложили при распределении работу ассистента на кафедре сопротивления материалов. Может быть, и получился бы из него научный работник, но полная бесперспективность в получении жилья вынудила его начать строительную карьеру сначала. Ему пришлось уйти из института и поступить в трест «Уралтяжтрубстрой» мастером на строительстве Первоуральского новотрубного завода.

В 1959 году, когда Богдашин находился на соревнованиях по мотокроссу в Уфе, его неожиданно пригласил к себе управляющий трестом № 3 Балабан, большой любитель мотоспорта, и начал без подготовки:

- Павел Михайлович! Приезжайте к нам работать, вы ведь инженер-строитель, да к тому же мастер спорта!

- Мотоспорт не специальность. У меня есть работа в Свердловске.

- А что нужно, чтобы вы переехали в Уфу и работали бы у нас?

- Нужна квартира, которой у меня до сих пор нет.

Управляющий тут же приглашает к себе в кабинет председателя объединенного стройкома.

- К нам готов переехать на работу молодой специалист, мастер спорта. Сможем дать ему квартиру?

- Хорошо, сейчас дадим!

Выйдя из кабинета управляющего трестом, председатель стройкома через несколько минут вернулся, держа в руках ключи. Протянул их Павлу. Тот от неожиданности опешил. Сломая голову, он помчался смотреть «свою» квартиру, хотя его не покидала мысль, что это какой-то розыгрыш. Адрес оказался реальным, ключи к дверям подошли, а за дверями была пахнущая краской двухкомнатная квартира.

С тех пор Богдашины в Уфе вот уже тридцать лет, а за плечами Павла многочисленные стройки Главбашстроя, а затем и Главвостоктрубопроводстроя.

ПРОЩАНИЕ С «БОГОМ»

Памятен мне март 1953 года. Умер Сталин. Это сейчас всем понятно, что он был диктатор и кровопийца. А тогда, в марте, было всенародное горе. Мне не забыть в тот день лекции профессора М. И. Бычкова, читавшего курс железобетонных конструкций: его глаза, полные слез, дрожащую руку у доски, гробовую тишину в аудитории да всхлипывания наших девчонок. Тогда мы решили, что венок от нашей группы в день похорон должен быть в Москве. Собрали свои скудные деньги на венок да на пару билетов до Москвы.

- Кто желает ехать?

Все желают. Жребий всегда коварен. Поездка досталась двум нашим скромным девчатам - Зине Шебалиной и Рае Ахтямовой.

- Выдержите?

- Выдержим!

Мы ведь не представляли, что должно было твориться в это время в Москве. И когда появился запрет ректора на всякие выезды в столицу, вплоть до исключения из института, мы восприняли это как намерение в очередной раз нас «зажать». Решили не отступать. Купили девчатам билеты и отправили их в этот рискованный вояж.

«С маленьким чемоданчиком, который почему-то тогда назывался «балетка», в шесть утра в день похорон Сталина приехали мы в Москву, - рассказывала потом Зина. - Все подходы к Красной площади были перекрыты. В Москве мы были впервые и город совершенно не знали. Со слезами на глазах рассказали таксисту о том, что приехали издалека, о нашем поручении, и он сумел как-то подвезти нас поближе к Красной площади со стороны собора Василия Блаженного. Все было оцеплено войсками, и, как мы ни просили и ни плакали, нас отовсюду гнали.

И все же нам повезло: удалось проникнуть в один из домов по улице 25 лет Октября, а когда появилась похоронная процессия, про-

тиснулись со своим венком на площадь. Слышали все выступления. Больше всего запомнились речи Молотова и Берии. Видели, как вносили гроб в мавзолей. Все на площади рыдали.

Перемерзли мы основательно, ноги промокли. Решили, что заболеем, если не найдем по сто грамм. Но в Москве в эти дни не продавалось ни грамма спиртного. Ночевали на Казанском вокзале. Толком поспать нам не удалось: всю ночь возле нашего чемоданчика сутились темные личности, думали, наверное, что у нас в нем какие-то ценности. После этой мучительной ночи поехали в город, в музей подарков Сталину, а затем нашли и Третьяковку. Здесь все прошло - и холод, и голод. А вечером уехали в Свердловск. Спасибо нашему старосте Володе Ромичеву, он сумел утаить от деканата нашу московскую поездку, а то бы вытряхнули нас из института. А когда приехали, перед всей группой отчитались».

«КУХНЯ ЧЕЛОВЕЧЬЕЙ МЫСЛИ»

Очень серьезно относились мы к общественным мероприятиям. Никогда не было проблем, если возникала необходимость помочь институту или городу, будь то субботники по очистке территории или поездка в колхоз. Воспринималось это вполне нормально, и было бы удивительно, если бы кто-то хотел от этого уклониться.

На третьем курсе деканат выделил для нашей группы большую аудиторию, к которой примыкала маленькая комнатка, где стояло еще пять-шесть столов. Эту комнатку почему-то называли «кухней», и когда оттуда раздавался шум, из большой аудитории кричали:

- Эй, на кухне! Не шуршите мозгами - мешаете работать!

Вскоре на двери в эту комнату появилась табличка, автором которой был наш неутомимый остряк В. Сахаров: «Кухня человеческой мысли». Название прижилось, и даже преподаватели, не лишённые чувства юмора, заходя к нам, задавали вопрос:

- Ну, что тут у вас на кухне? Что новенького приготовили?

Кто-то шутки ради на слове «человечьей» зачеркнул первые три буквы. Но обитатели «кухни» не обиделись, а стали смеяться вместе со всеми, считая, что овечья мысль вообще большая редкость и мыслящая овца значительно ценнее немслящего человека.

Если вся первая половина дня в нашей аудитории была отдана учебному процессу, то во второй половине мы, как правило, занимались самостоятельно и обсуждали свои домашние дела, обменивались новостями, обсуждали спектакли и фильмы. Это было место для розыгрышей и шуток. И нужно было быть постоянно внимательным, чтобы не заглохнуть «крючок».

В один из чертежных столов ребята вмонтировали примитивный радиоприемник, чтобы быть в курсе событий. А однажды в аудитории появился всамделишный телевизор КВН-49, многие видели это «чудо» впервые. Это был тот самый приз, завоеванный на всесоюз-

ных соревнованиях Павлом Богдашиным. Впрочем, по современным понятиям, этот телевизор очень смахивал на Чебурашку - большой ящик и малюсенький экран. Пришлось скинуться и купить еще к телевизору линзу - два выпуклых стекла, залитые между собою глицерином. Изображение действительно увеличивалось, но, увы, оно хорошо и искажалось. Объективности ради, смотреть-то по телевизору нечего было - профессиональный телецентр в Свердловске еще отсутствовал, вещала любительская телестудия. Но престиж-то какой: у строителей свой телевизор!

В институте помимо многотиражки выходила стенная сатирическая газета «БОКС» - Боевой Орган Комсомольской Сатиры. Мы в своей аудитории наладили выпуск собственной газеты «ПУПС» - Путь Ускорения Прогресса в Строительстве. Содержание газеты, как сказали бы сегодня, было несанкционированным, построена она была на сатире и юморе. «Правильно» настроенные преподаватели рекомендовали газету снять, но большинство из них с пониманием отнеслись к этому самодеятельному изданию, идущему от души и сердца, от желания высказаться, проявиться, посмеяться. Благо, пишущих стихи в группе было предостаточно - Яша Ольков, Володя Сахаров, Юля Гусева, Андрей Могильников, да и остальные пробовали себя.

Что же касается юмора, то любителей пошутить было предостаточно. На каждом шагу сыпали цитатами из Ильфа и Петрова, из «Бани» и «Клопа» Маяковского, да и Райкин переживал пору расцвета, так что можно было и его пародировать.

Шутки были разные, не всегда беззлобные. Зима. Развлечений поубавилось. Нужен какой-то стресс, чтобы расшевелить общежитие. Решили электрифицировать стул, обыкновенный стул с мягкой обивкой сиденья. За дело взялись «изобретатели» Богдашин и Рейфшнейдер, ассистентом взялся быть градостроитель Лёня Доставалов - этот был склонен к приключениям с криминальным уклоном. Под обивку стула пропустили оголенные провода, концы их протянули в противоположный угол комнаты, подключив к снятому с богдашинского мотоцикла магнето. На шкив магнето Доставалов намотал ремень от своих штанов.

Идея заключалась в том, чтобы усадить однокашника на этот стул и пропустить через него ток на 20 тысяч вольт и понаблюдать (конечно, с «научной» точки зрения) за реакцией испытуемого. Опасности травмироваться никакой, так как сила тока ничтожна, но ощущения специфические, особенно для выбранной точки тела. Конечно, если об этом опыте предупредить экспериментируемого, то явно добровольцев будет немного. Поэтому поступили иначе. На стол положили предельно простую задачку по начертательной геометрии, решение которой было видно с первого взгляда, что не могло не вызвать язвительных острот в адрес постановщика этой задачки. Однако мнение об умственных способностях экспериментаторов резко менялось, когда Доставалов с остервенением раскручивал ремень от шкива магнето. Реакция на опыт была самая разнообразная - особо нервные консультанты с воплем подсказывали чуть не до потолка, другие, опережая свой рев, вылетали в коридор.

Но удивительная вещь - эти испытуемые тут же приводили новых консультантов. А Володя Анисимов привел даже своего младшего брата, тоже студента. Задача оказалась столь популярной, что к ночи ее «решило» уже пятьдесят три будущих строителя.

Последним, пятьдесят четвертым, оказался Виктор Наседкин, секретарь факультетского комсомольского бюро. Волевой спортсмен, идейный вожак, хороший товарищ, после доставаловского включения он молча начертал решение и, пообещав разобраться, удалился мягкой рысцой. «Разобрался» он быстро: на следующий день экспериментаторов выдворили из общежития в летний домик у озера Шарташ, где нужно готовить дрова и весь вечер топить печь, чтобы к утру не околеть.

Вспоминаются и другие общежитские картинки. Вдруг вы слышите в коридоре шарканье ног, чьи-то попытки исполнить на балайке похоронный марш Шопена. Выскакиваешь в коридор и видишь небольшую процессию, впереди несут подушку, а за ней «оркестр» в составе одного балалаечника.

- Что случилось?

- Идем клопа хоронить!

Невольно пристраиваешься к этой процессии, ждешь остальных любопытных, предвкушая, каким весельем все это должно закончиться.

Была в нашей группе еще одна очень интересная личность ельцинского роста (а может, даже и повыше Бориса) - Шура Рейфшнейдер. Мы не знаем, как его звали дружки детства, но, большой любитель творчества Ильфа и Петрова, он у нас ассоциировался с Шурой Балагановым. Самому же Рейфшнейдеру ближе был другой персонаж - Остап-Сулейман-Берта-Мария-Бендер-Бей. Подними Шуру и ночью, он мог с любого места с удивительной точностью цитировать «Двенадцать стульев» или «Золотого тельца».

Шура был из семьи немцев Поволжья, депортированных во время войны на север Свердловской области, откуда ему в виде исключения, милостливо разрешили выехать на учебу в Свердловск. Это теперь нам стало известно, что Шура находился постоянно «под колпаком недремлющего ока» и вынужден был ежемесячно докладывать органам о «наличии своего присутствия» в Свердловске. По этой же причине (не дай бог «враг народа» раскроет шпионам военную тайну) он был отлучен от обучения военному делу в институте. И только после смерти Сталина эта унижительная процедура была отменена.

Шуру одинаково уважали и студенты, и преподаватели за его степенность, солидную внешность, умение доброжелательно пошутить, за его немецкую педантичность в учебе и какую-то удивительную надежность. Учился он очень хорошо и часто получал повышенную стипендию.

Мы очень любили после дневных занятий и умеренного обеда пойти в общежитие и часок-полтора вздремнуть. Эта возможность мертвого часа доставляла Шуру истинное наслаждение - с диким воплем туземца, настигшего желанную добычу, он падал на тощий матрац и мгновенно «вырубался». Но однажды этот вопль обрел совсем другую тональность и неестественную продолжительность. Кто-то из шутников положил Шуру под жиденькую подушку двухпудовую балагановскую гирию. Разъяренный Рейфшнейдер вытащил ее из-под подушки и, раскручивая над головой, казалось, хотел запустить гирию в обидчика. «Спавшие» однокашники не подавали признаков жизни,

опасаясь расправы разбушевавшегося великана. Но, к счастью, гиря, описав дугу, вылетела из открытого окна пятого этажа и, перелетев тротуар, зарылась в газон. Чтобы не последовать вслед за гирей, «спавшие» стремительно вылетели из комнаты. К вечеру шутники стали подтягиваться к общежитию, смирившись с тем, что наказание все равно неминуемо. Однако им ничто не угрожало: Шура был великодушен и умел ценить шутку. А Володе Сахарову, который притащил со свалки этот спортивный снаряд, пришлось сбегать за ним в газон и тащить снова на пятый этаж. Впоследствии Володя любителям по-размяться гирей отдавал ее только под студенческий билет.

Возвращался как-то Шура со своим дружкой Богдашиным в общежитие без каких-либо перспектив на ужин. А есть очень хотелось. Проходя по коридору мимо кухни, они учуяли божественный запах жареного свиного сала. Выдержать это не было сил. Они заглянули на кухню и увидели: Тамара Чурсина жарит на сале картошку. Овладев эмоциями, парни как-то небрежно, разговаривая словно бы между собой, заметили:

- Живут же люди, а нам картошку не на чем поджарить.

Никакой картошки у них и в помине не было, но сердобольная Тамара тут же отрезала ребятам кусок сала. Окрыленные успехом, стали соображать, что делать с добычей дальше. Отправились к Бучельниковой:

- Рита, жарим вот сало, а нет ли у тебя случайно картошки?

Та отвалила им целую миску. Добыть хлеба и соли в общежитии было уже совсем простым делом. Ужин получился царским, и, как видите, до сих пор помнятся имена тех, кто в голодную минуту пришел на помощь.

Шура был постарше нас и на четвертом курсе женился на своей ленинградской подружке Лене, что тщательно скрывал от нас, демонстрируя свою независимость.

Уверенно защитив дипломный проект, Рейфшнейдер со своей суженой подался в Уфу, где и трудится до сих пор.

НАШИ «ПЯТИЛЕТКИ»

В отличие от военных училищ и средней школы, где дипломы и аттестаты вручаются в торжественной обстановке, в высшей школе такой традиции не было. После защиты дипломных проектов молодые специалисты, оформив «бегунки» и получив в окошке отдела кадров «корочки», разезжаются к местам своей работы.

Первое время заботы, связанные с трудоустройством, получением жилья, привыканием к семейной жизни (большинство из нас уехало к местам распределения, успев обзавестись семьей), не вызвали необходимости в общении. Но со временем тоска по институту, по старым товарищам начала давать о себе знать, и мы потянулись друг к другу.

Для того, чтобы вспомнить, как это начиналось, нужно вернуться в 1954 год. Кому-то из преподавателей пришла идея организовать для нашей специальности экскурсию на строительство Камской гидроэлектростанции, тогда еще в город Молотов. Так впервые две наши группы оказались в совместной поездке. Экскурсия была продуктивной: мы увидели строительство камской плотины, побывали на месте будущего двухниточного шестикамерного шлюза, пощупали руками мощный шагающий экскаватор.

Жили наши группы в довольно странном сооружении, называвшемся юртой. Оно действительно имело круглую форму с большой печкой - «буржуйкой» в центре. Там мы все вместе и разместились - и ребята, и девушки. А поскольку строительство Камской ГЭС, как, впрочем, и других «великих строек коммунизма», осуществлялось ведомством Берии, то нам потребовались специальные пропуска на строительную площадку. Вот от этой экскурсии у меня сохранилась копия заявки на пропуска с подробными паспортными данными каждого из нас. Воспользовавшись этой бумагой, я направил запросы

в адресные бюро тех мест, куда мы получили назначение, и довольно быстро начал получать ответы.

Первую встречу наметили провести летом 1960 года в Свердловске. Идея была принята «на ура». Мы посетили родные кафедры, обменялись впечатлениями, похвастались первыми производственными успехами, живо интересовались как складывается личная жизнь, и, как требовали традиции того времени, завершили встречу в ресторане «Большой Урал». Тогда же решили встречи наши сделать традиционными и собираться каждые пять лет.

Десятилетие окончания института снова отметили в Свердловске. Помимо теперь уже традиционного посещения факультета организовали поездку в окрестности города. Нам было о чем поговорить - за плечами был уже определенный опыт работы, некоторые стали занимать командные должности в строительстве, да и семьи наши стали расти. Чтобы развлечься, решили провести в лесу некоторое подобие спортивных соревнований. В частности, запомнился мужской забег на 5000... сантиметров, большие дистанции без тренировки позволить себе уже не могли. О том, насколько серьезно все отнеслись к этому забегу, говорит эпизод, когда у одного из нас в конце забега по шву лопнули брюки. Еще организовали конкурс на самые «красивые» ноги, устроив маленький мужской стриптиз. Блестящая победа в этом конкурсе досталась Володе Волкову. Конечно, нам было о чем поговорить, мы поняли, что очень нужны друг другу, и этих нескольких дней общения нам явно не хватает.

Вот почему предложение Розы Климовой следующую встречу провести полным отпуском упало на подготовленную почву. Тут же избрали оргкомитет во главе с Борисом Ельциным.

Работа оргкомитета наших встреч требует отдельного рассказа, поскольку это были более частые мини-сборы наиболее активной части группы. На этих заседаниях обсуждались варианты встречи, разыгрывались предполагаемые ситуации. Итогом этих сборов была хорошо продуманная программа с конкретным поручением каждому участнику.

Оргкомитет, получивший название ОК-70, предложил третью встречу провести на воде, в поездке на обычном рейсовом теплоходе

по Каме и Волге: тогда еще не плавали туристские теплоходы. Решили взять в поездку и детей. Этот шаг был очень мудрым, он помог нам в дальнейшем сплотиться семьями.

География заседаний подготовительного оргкомитета была довольно обширной, хотя все эти сборы происходили на Урале - в Свердловске, Перми, Первоуральске, Нижнем Тагиле. 1 мая в моей небольшой двухкомнатной квартире в Перми собралось 17 человек. Это было последнее заседание, на котором уточнялись детали путешествия. Я тогда был главным инженером строительного треста и попросил отпустить меня на пару часов на первомайскую демонстрацию: по поручению парткома я должен был провозглашать с трибуны лозунги проходившим в праздничных колоннах трудовым коллективам. В Закамске первомайская демонстрация ввиду отдаленности от центра города проходила самостоятельно. А когда я ушел, Борис Ельцин безапелляционно объявил, что первомайская демонстрация обязательна для всех. Собирайтесь! И каково было мое удивление, когда я увидел с трибуны еще одну незапланированную колонну, поздравлявшую нас с праздником!

Мы были наивны, когда решили купить билеты на теплоход в каюты не ниже первого и второго класса. В Камском пароходстве меня встретили довольно дружелюбно, но когда я объявил, что мне нужно 60 билетов, то оказалось, что эта не такая простая проблема. Во-первых, столько классных кают на теплоходе нет, а, во-вторых, не все билеты принадлежат Перми - другие большие пристани тоже имеют свои места на теплоходы. Пришлось нам с Ельциным пометаться, связываясь с камскими и волжскими пристанями, выпрашивая места.

А потом кто-то возмутился: это почему же наши дети должны плыть первым классом? Не рановато ли? И решили приобрести для них три каюты третьего класса по восемь мест. Ничего, переживут! От этого решения мы получили эффект, на который даже не рассчитывали. Старшим нашим ребятишкам было по тринадцать-пятнадцать лет, это уже были подростки со своими интересами. Одну каюту отдали старшим девочкам, вторую - старшим мальчикам, а третья пошла под мелюзгу, с которой постоянно был Петя Климов и которого малышня не отпускала от себя ни на шаг. Мне кажется, что нашим

детям та встреча памятна не менее, чем нам. С ними была гитара, и мы, взрослые, оказались им совсем не нужны.

Хлопот в Перми, связанных с организацией этой встречи, тоже было предостаточно. Решили, что из Свердловска все одновременно приедут поездом. У нас с Ритой было намерение всех гостей, больших и малых, встретить цветами. Поскольку цветов потребовалось много, я как главный инженер позвонил руководству трестовского пионерлагеря и попросил помочь. Когда послали в лагерь за цветами легковую машину, выяснилось, что требуется грузовик. Зато каждого на пермском вокзале встретили большим букетом полевых ромашек.

На привокзальной площади путешественников ожидали и туристские автобусы, была большая прогулка по Перми, обильный завтрак в кафе. Там же происходила жеребьевка кают. Дети вытаскивали номерки с каютами, и это касалось всех без исключения.

А потом был прекрасный отдых с друзьями и детьми на небольшом двухпалубном теплоходе «И. И. Шишкин».

Родители Любы и Яши Ольковых предложили нам погостить немного на берегу Черного моря, где у них в Геленджике был маленький домик. Еще в Свердловске заказали билеты на самолет от Ростова до Геленджика, и вдруг на теплоходе выяснилось, что мы ошиблись с датой: теплоход в Ростов приходил на день позже, чем улетает наш самолет! Что делать? Мы с Ельциным решили задержаться в Чайковском, связались с Ростовом и довольно успешно все уладили, но наш «Шишкин» уже уплыл. Решили догонять его на «Метеоре». Как назло, билетов не хватило, едва уговорили продать без мест. Поплыли. И вдруг я услышал фамилию капитана, которая показалась мне знакомой.

- Капитан, если я не ошибаюсь, должен меня знать, так как его жена работает в управлении нашего треста.

- Иди представляйся, - говорит Борис. - Может, хоть куда-нибудь посадит, ведь плыть до Сарапула часа три!

Так оно и получилось. Капитан даже обрадовался нашему появлению на борту и поместил неожиданных гостей в свою маленькую каютку. Но этим дело не закончилось. Только задремали - стук в дверь. Входит матрос, в одной руке у него авоська с сушеной воблой, в дру-

гой - пол-ящика пива. Вот это обслуживание! Мы не пожалели, что отстали от теплохода.

Прошло около часа. Вдруг по внутреннему радио гостей капитана просят подняться в рубку.

- Будем чалиться к «Шишкину»?

- Зачем такие сложности на воде? Идем к Сарапулу! Тем более, что пиво еще не допито!

- А я уже передал «Шишкину», что вы у меня на борту, и он готовится вас принять.

И действительно, капитан «Шишкина» по судовому радио объявил, что его догоняют на «Метеоре». Все наши путешественники высыпали на борт встречать друзей, остальные пассажиры, не поняв, в чем дело, туда же. Смотрим, наш «Шишкин» уже кренится.

- Слушайте, ребята, кончайте, ведь перевернем теплоход!

Так и разошлись, только камскую тишину разрезал рев двух судовых сирен.

Мы с Борисом прибыли в Сарапул раньше теплохода часа на два. Оба здесь никогда не бывали. Решили сходить на базар. Идем, лузгаем семечки. И вдруг на всю улицу:

- Александр Николаевич!

- Это тебя? - спрашивает Борис.

- Не может быть, я здесь никогда не был.

Оказалось, что меня узнал мой бывший шофер, который здесь гостил у матери. Встречали мы теплоход в компании и навеселе...

Я уже говорил, что наш теплоход был обыкновенный, пассажирский. На пристанях он принимал многочисленных транзитных пассажиров. Располагались они на нижней палубе вместе со своей поклажей. В один из дней на борту оказалась ватага цыган, и надо же было случиться, что в это время пропал Шотик - сын Лиды Горбуновой. Только что носился со всеми ребятишками по палубе, и вдруг его не стало. Обшарили все судно, опросили всех пассажиров - нет, не видели.

Что мы только не передумали, какая чертовщина не лезла в голову - трудно передать. Настроение у всех упало. Расстроенная Лида, исчерпав все силы, в слезах рухнула на подушку в своей каюте. И

надо же: из-под подушки появилась заспанная мордочка семилетнего Шотика. Набегавшись с ребятами по палубе, он зашел в каюту, забрался под подушку и уснул. Мама, не заметив этого, закрыла каюту и пошла искать сыночка на палубе, устроив переполох. Хорошо, что все закончилось благополучно. Наша газета «Упишишка» тут же незамедлительно отреагировала на случившееся заметкой: «А был ли мальчик?»

Поездка по Каме и Волге с отдыхом в Геленджике стала началом традиции проведения раз в пятилетку совместных семейных отпусков. Поскольку своим количеством мы главенствовали на теплоходе, музыкальный салон судна стал нашей «уют-компанией», так впоследствии мы и стали называть места наших общих сборов. Здесь читали стихи и пели песни, проводили викторины с участием детей и взрослых. Это было место работы редколлегии, здесь обсуждался каждый номер нашей стенгазеты. В музыкальном салоне выплескивалось все накопившееся за прожитые годы, здесь обменивались впечатлениями, здесь был простор студенческим шуткам и юмору.

Очень много узнали мы и наши дети во время экскурсий по Ульяновску, Куйбышеву, Саратову, Волгограду. В Волгограде встречал нас Боря Кириллов (он уже работал в Элисте), прибежала на пристань Валя Соколова, из группы архитекторов. То, что она увидела, ее настолько взволновало, что она тут же взяла отпуск без содержания и примчалась к нам в Геленджик. Теперь Валентина Соколова - заслуженный архитектор России, в Волгограде у нее персональная архитектурная мастерская. Как только она узнает о нашей новой встрече, сразу же все бросает и торопится к нам.

Та поездка значила очень много для утверждения нашей дружбы. Мы поверили в реальность наших замыслов, познакомились с женами-мужьями наших однокашников, и можете поверить, что мы сейчас как самые близкие родственники.

Было очень грустно расставаться, но день расставания - это и первый день ожидания новой встречи, которой теперь мы страстно желали.

В ПЕРМЬ - НАВСЕГДА

Сейчас уже трудно вообразить, что, не сохранился тот листок с нашими анкетными данными, ничего бы этого не было! Но, пожалуй, дело не в пропускном документике, так счастливо завалывшемся в моем домашнем архиве, а в самой нашей семейной паре, образовавшейся в нашей студенческой группе и, можно сказать, возвращенной ей. У нас с Ритой были общие воспоминания, общая любовь к друзьям, и это чувство, помноженное на двоих, зарядило нас на поиск и на первую встречу. И именно от нас из Перми понесся в разные города страны дружеский зов...

А приехали мы в Пермь по распределению. Направление на работу у нас было в очень «засекреченную» пермскую организацию - предприятие п/я № 752 организации п/я № 200. Если принять во внимание, что вся эта номерная абракадабра входила в «цивильное» министерство сельскохозяйственного машиностроения, то западным разведчикам было над чем поломать голову. А в переводе на нормальный язык все это означало первое строительно-монтажное управление треста № 4.

На будущей работе нас встретили очень доброжелательно, подготовили небольшую комнатку в трехкомнатной квартире. Провожая молодых специалистов к новому жилью, заместитель начальника ЖКО Анна Ивановна по дороге выяснила, что два чемоданчика в наших руках - это все добро, которым мы обладали.

- А на чем вы, молодые люди, сидеть-спать будете?

В ответ недоуменное пожатие плечами.

- А ну ка, подождите меня здесь с часок!

Потом нам рассказывали, что возбужденная Анна Ивановна метеором ворвалась в кабинет начальника СМУ:

- Ты кого мне послал? Мне этих детей ни посадить, ни спать уложить не на что. Давай команду на склад, чтобы что-нибудь подходящее подобрали, да и машину выдели! Куда я их на ночь дену?

Через пару часов добрейшая Анна Ивановна подкатила к дому на грузовике, в кузове которого был старенький шифоньер, стол, табуретки, кровать и даже постельное белье. Записав все это молодым специалистам на карточку, она довольная удалилась. А у нас с Ритой начался первый день жизни на прикамской земле, которой мы верны и по сей день.

Появившийся той осенью наш первенец Андриуша первые дни своей домашней жизни провел в чемодане на подушке. А первым нашим серьезным приобретением из мебели была детская кроватка. Зато спустя несколько лет, при переезде на новые квартиры, нажитое добро едва умещалось в панелевоз.

Восемнадцать лет отдали мы с женой стройкам Закамска. Я начинал мастером на строительстве школы ФЗО, а Рита - инженером производственного отдела. СМУ-1 по тем временам было крупной строительной организацией: свыше тысячи рабочих. В управлении была своя солидная производственная база с заводом железобетонных конструкций, автобазой, кирпичным и деревообделочным заводами. Было здесь уже в то время свое пенобетонное производство, с которым была связана у меня первая производственная командировка - в Таллин, на семинар к печальной памяти известному эстонскому ученому Хинту, пионеру легких бетонов в нашей стране.

В пятидесятых годах на стройках катастрофически не хватало дипломированных специалистов, и нет ничего удивительного в том, что молодежь очень быстро стала занимать командные должности. Уже через год я стал начальником участка, а еще через три с половиной года - начальником управления. Мне не исполнилось тогда и двадцати восьми лет.

Стройки в управлении были «горячими». Основной заказчик СМУ-1 - завод имени Кирова, крупное предприятие оборонной промышленности, директором которого в ту пору был Владимир Иванович Шумков. Вскоре после назначения начальником управления, Шумков пригласил меня в свой кабинет и в присутствии многочисленных заместителей объявил:

- Представляю вам нашего нового начальника СМУ. Предупреждаю вас, что в руках этого пацана будущее нашего завода. Если он к вам обратится за помощью, попробуйте ему в чем-то отказать - будете иметь дело со мной! А меня обязательно ставь в известность, если они тебе в чем-то откажут.

Работать с таким заказчиком было легко и интересно.

Конец пятидесятых и начало шестидесятых годов были стартом ракетно-ядерной гонки. И я тогда даже не предполагал, что мое СМУ стало участником этой эпопеи. Трижды на наших стройках побывал С.П.Королев. Но не мог я тогда узнать в энергичном широкоплечем московском начальнике легендарного генерального конструктора первых «Восходов». И только после ухода Сергея Павловича из жизни, я понял, кто посещал мою стройку. Зато, когда на объектах появился преемник Королева, и теперь еще не очень известный в стране Василий Павлович Мишин, меня уже нельзя было провести.

В 1966 году новое назначение - я стал главным инженером треста. Это, пожалуй, и сегодня единственное в стране строительное подразделение, награжденное в 1945 году за успехи в повышении обороноспособности страны боевой наградой - орденом Отечественной войны первой степени. Я еще застал в тресте многих строителей, которые самоотверженно трудились в годы войны, и положил немало сил, чтобы создать при тресте музей, который и сегодня является одним из лучших народных музеев области.

«Главным» я проработал в тресте семь лет, и это, наверное, были самые интересные годы работы. Мне пришлось стоять у истоков создания Уральского химического завода, выпускающего уникальную продукцию. Я участвовал в строительстве слипа и блока судостроительных цехов на судозаводе «Кама», со стапелей которого сошел на воду первый советский нефтерудовоз. Ударных строек в тресте было предостаточно - помимо объектов на оборонных предприятиях пришлось повозиться со строительством двух стовосьмидесятипятиметровых цементных печей в Горнозаводск, цеха биметаллов в Нытве, уникальной бумагоделательной машины на краснокамском Гознаке. Трест строил много жилья и объектов соцкультбыта, в том числе большой кинотеатр и дворцы культуры. Среди сельскохозяйственных объектов особое место заняло строительство гигантского свинокомплекса под Краснокамском.

Серьезной школой для коллектива треста и его главного инженера стало участие в восстановлении разрушенного землетрясением Ташкента. Доля пермяков в оказании помощи столице Узбекистана пала на закамский трест, и почти четыре года между Пермью и Ташкентом существовал воздушный мост. В иные недели главному инженеру треста приходилось дважды совершать такие перелеты. Об этом

боевом времени напоминает памятное знамя Ташкентского горисполкома, которое хранится в музее треста.

В 1967 году за успехи в труде и в связи с пятидесятилетием Октябрьской революции трест был награжден памятным знаменем ЦК КПСС и Совета Министров СССР. Сейчас по этому поводу можно отпускать различные шуточки, но это была действительно высокая награда за подлинно ударный труд.

К сожалению, в 1973 году мне пришлось покинуть родной коллектив - я был назначен начальником производственно-распорядительного управления Главзападуралстроя, а еще через три года - заместителем начальника главка. В ту пору Главзападуралстрой был крупнейшей строительной организацией Западного Урала, в состав которой входили четырнадцать строительных трестов и мощная производственная база.

Здесь мне достался хороший «кусочек» работы - я курировал стройки машиностроения и металлургии в Чусовом, Лысьве и Кизеле, стройки химии в Березниках, Соликамске и Губахе. Много времени и сил отнимал Нижневартовск в Тюменской области, где у главка был свой трест с большой жилищной программой. Прошло уже двадцать лет со дня получения пермяками задания, связанного с развитием Западной Сибири, до сих пор вблизи Саяногорска работает трест Пермсибстрой, в создании которого принимал участие и я. В 1986 году я перешел на преподавательскую работу и учу строительному делу студентов Пермского технического университета. Мне как заслуженному строителю России присвоили звание доцента.

А моя жена Рита Юзефович, после того как меня назначили начальником СМУ, перешла в технический отдел треста. Она и потом, когда я стал главным инженером треста, не посчитала возможным работать под моим началом и перевелась на завод, руководителем комплексной проектной группы от московского института.

И еще раз ей пришлось поменять работу, когда я получил назначение в главку. И на этот раз Рита решила не связываться с организацией, подчиненной Главзападуралстрою, и пришла работать в институт Пермпромпроект, где еще полтора десятка лет участвовала в проектировании объектов базы строительных организаций в Пермской области и за ее пределами.

«ГОЛУБОЙ ПОЯС»

...Наверное, больше всех радовался тому, что попал на нашу камскую встречу, Андрей Могильников. Чтобы понять эту радость, надо было представить, с каким трудом ему удалось снять армейские погоны. Оказывается, наш Андрей занимался делом, о котором мы - да и не только мы - тогда не знали абсолютно ничего.

Радостный гул праздничной демонстрации свердловчан 1 мая 1960 года не стих и тогда, когда высоко по небосводу навстречу другу другу приблизились две блестящие точки, оставив за собой белые нити следов, и на месте их встречи вспыхнуло оранжевое облако, и те, кто обратил на это внимание, приняли его за праздничный фейерверк.

В этот день под Свердловском был сбит самолет-шпион, ведомый американским летчиком Пауэрсом, который нагло проник в глубь территории страны на многие тысячи километров, а оранжевое облако послужило точкой отсчета нового, еще более жесткого витка «холодной» войны, до предела обострившего противостояние двух систем.

Никто и не предполагал, что воздушный инцидент, о котором сообщили все средства массовой информации мира, да и другие обстоятельства обострившихся международных отношений, круто повернули мирную жизнь многих военных и невоенных советских людей. Их отправили в тайгу, в края нетронутых болот, создавать «Голубой пояс» - систему оборонительных и, увы, наступательных ракетных стратегических объектов. Это был совершенно секретный фронт, правда, без ближнего боя и канонад, но вполне подчиняющийся законам военного времени.

Этот пласт жизни нашей страны был по исторической значимости огромным, втянувшим в эту гигантскую стройку людских и материально-технических ресурсов, наверное, ничуть не меньше, чем освоение целины и строительство БАМа. Только об этом не было ни строчки в печати и ни слова в эфире.

Для Андрея Могильникова эта война без канонад началась после того, как его «на минуточку» попросили зайти в райвоенкомат и отпустили только через девять лет...

Прорывались к площадкам строительства через тайгу и болота. Нескончаемые колонны машин со строительными конструкциями и оборудованием день и ночь двигались в глубь района сооружения боевых ракетных комплексов где по бездорожью, где по бревенчатой лежневке, где уже по временной бетонке. Саму дорогу приходилось строить одновременно с основными объектами. Главное было - пробиться и доложить: «Площадка номер двадцать один строительством начата! Приступили к бетонированию ствола шахты».

Командование, конечно, интересовало главное - дата постановки «объекта» на боевое дежурство. А для реализации этой боевой задачи устанавливались самые невероятные сроки, которые потом еще не раз переносились на еще более «сжатые», а потому еще более необоснованные.

Громада автокранов, бульдозеров, самосвалов и иной строительной техники, ревя моторами и «сверкая блеском стали», шла на штурм этих сроков. Заглохшая на марше техника тракторами стаскивалась на обочину - стоять нельзя, потом разберемся.

Первые месяцы молодые офицеры и солдаты жили в наскоро собранных щитовых казармах: трехъярусные койки, духота под потолком и жгучий холод у пола - железные печи-буржуйки держали тепло ровно столько времени, сколько их топили. Но прорыв к цели уже начал обозначаться - завершалось строительство бетонных дорог, на основной площадке появился фронт работ для многочисленных субподрядчиков, на долю которых пришлось специальные и монтажные работы. Полегче стало с материалами и конструкциями, стал обустроиваться быт рабочих, солдат и офицеров.

От казарменного городка до строительной зоны топали пешком.

Однообразная, монотонная ходьба наводила на размышления.

- А что будем делать с этими бетонными бочками, когда в них отпадет необходимость? Может, можно в них силос хранить или ка-

пусту солить? - спрашивал у своего «старлея» Могильникова Володя Бугаев, бригадир бетонщиков, хороший добрый парень.

На что Андрей ответил:

- Нет, солить капусту в этих бетонных стволах будет не совсем удобно, потому что «глыбоко», более пятидесяти метров, но мы обязательно что-нибудь придумаем, чтобы наш труд не пропал даром.

Что такое время придет, они не сомневались. Но как пришлось распорядиться этим в действительности, узнали потом, в конце семидесятых...

А пока солдаты - русские, татары, латыши, узбеки, - совсем еще дети, повзрослевшие в этих диких условиях, не потеряли ни доброго отношения товарищества, ни бодрости. Дедовщины, распространившейся в армии в последующие годы, просто не было, потому что не оставалось ни сил, ни желания издеваться над своими товарищами, измотанными напряженной трехсменной работой.

Толковый парень из Прибалтики Симонавичус со своей бригадой плотников в дни непрерывного бетонирования оголовка сооружения, имевшего причудливую форму, не уходил с объекта более суток, готовя опалубку под поток поступающего бетона. Остановить эту бетонную реку не позволяла технология бетонирования, был жесткий график.

Как-то в весеннее половодье пришлось спасти плотину. Ночью вызвали Андрея в управление инженерных работ. В кабинете генерала Сирюка находился начальник Главного управления специального строительства министерства обороны генерал-лейтенант Григоренко. На водохранилище в районе третьей площадки размывает земляную плотину. Приказ - к исходу ночи найти техническое решение и к полудню организовать работы по ликвидации размыва плотины. Группа офицеров выехала на место. Картина предстала неутешительная: проран в теле плотины увеличивался, вода уносила сотни кубометров грунта.

К утру решение было найдено. Предложили перекинуть через гребень плотины трубы большого диаметра, устроив сифон, подсосать воду и направить ее за плотину, тем самым уменьшить поток воды в проране и приступить к его засыпке.

Срочно подтянули сварщиков, установили пять или шесть трубопроводов диаметром более метра, с помощью вакуума запустили сифоны и приступили к ликвидации размыва. Работа шла непрерывно двое суток. Никто из офицеров не покинул площадку, пока прорыв не был заглушен.

Как рассказывает Андрей, ему не раз пришлось в тайге помянуть добрым словом своих институтских преподавателей. Уж никак он не ожидал, что одними из первых потребуются знания, полученные от доцента кафедры строительных конструкций, кандидата технических наук Иннокентия Ивановича Пономарева, который читал курс деревянных конструкций: в его лекциях было все настолько отточено, что конспект его лекций можно было бы издавать отдельным учебником.

Строили один из стволов шахты. Для извлечения грунта устанавливались мощные краны. Основанием для них служила отсыпанная из плотного грунта площадка с покрытием из сборных железобетонных плит. Такое решение сдерживало строительство верхней части сооружения, одна только откатная крышка которого весила около трехсот тонн. Требовалось много времени для ее сборки и монтажа.

Над сооружениями решили построить эстакаду из бревен, благо лес окружал стройку со всех сторон. Расчетных или других справочников в тайге не оказалось, и пришлось Андрею понадеяться только на то, что сохранилось в памяти от лекции Иннокентия Ивановича. Эстакаду по его эскизам построили, и когда сорокатонные краны стали заезжать на нее, по старому русскому инженерному обычаю Андрей встал под ее пролет. Слава богу, пронесло, эстакада осталась невредимой, и наш конструктор остался жив.

Второй случай, когда понадобилась наука Пономарева, произошел при строительстве Дома офицеров: для перекрытий подвесного потолка в зрительном зале требовалось установить пятнадцатиметровые балки. Балки не подвезли. Время поджимало. И пришлось нашему конструктору собрать и смонтировать дерево-металлические фермы, точно такие, какие были нарисованы в его студенческом конспекте.

Так получилось, что командир воинской части Андрей Могильников имел среди остальных офицеров подразделения самое низкое воинское звание - инженер-капитан. На этой почве возникали всякие курьезы чисто армейского характера. На одном из окружных совещаний по вопросам строительства командующий неожиданно заинтересовался:

- Как это так - капитан командует майорами и подполковниками?

Андрей не раз подавал рапорты с просьбой уволить его из вооруженных сил, так как в армию он никогда не стремился и призван был по неизвестному ему постановлению правительства. Только исключительная настойчивость Андрея позволила ему уйти в запас именно в 1970 году, в год нашего замечательного путешествия по Каме и Волге.

Не так давно Андрей встретил своего сослуживца, с которым в лесу не один пуд соли съели, спали в ватных брюках и валенках, подложив под себя два матраца и укрываясь третьим, встречали Новый год в траншее с кабелями связи, начисто разрезанными экскаватором за сутки перед сдачей объекта государственной комиссии. Б. К. Макеев, полковник в отставке, рассказал Андрею, что участвовал в работе группы по выполнению соглашения об ограничении наступательного стратегического вооружения - ОСВ-2. Несколько высших офицеров направлялись в ракетные части и в точно назначенное время, в момент прохождения в зоне видимости объекта американского спутника, производили взрыв сооружения...

Так бесславно пришла к финалу эпопея грандиозной стройки по созданию «Голубого пояса» страны. Среди тех, кто проводил уничтожение объектов, были люди, которые вместе с тысячами таких же, как и они, военных строителей ценой напряжения всех сил еще совсем недавно возводили эти сложнейшие инженерные комплексы. Они вспомнили бессонные ночи, нервные нагрузки, перераставшие в неизлечимые болезни, они вспомнили товарищей и друзей, которые ушли из этой несуразной жизни раньше времени. Страшная цена...

Чем измерить эту цену? Кто сможет ее подсчитать? И нужна ли была такая дорогая плата? Говорят - нужна...

НА ДИКСОН!

Еще в Геленджике, обсуждая возможные варианты следующей встречи, оргкомитет пришел к выводу, что отдых на воде - это самое лучшее, что может быть предложено для следующего сбора. У нас остались яркие впечатления от знакомства с камскими и волжскими просторами, но выяснилось, что мы хорошо знаем Урал и среднюю полосу России, но многим из нас неведом ни русский восток, ни русский север. Вот почему наши взоры потянулись к Сибири, Байкалу, Сахалину, Камчатке.

Так оргкомитет, на этот раз ОК-75, взялся за изучение возможностей освоения нами Сибири или Дальнего Востока. Связались с Донатом Никулиным, который в ту пору работал в Красноярске. Донат предложил плыть теплоходом по Енисею от Красноярска до Диксона и обратно - есть такой маршрут у Красноярского бюро путешествий и экскурсий. Правда, предупредил, что до Диксона не всегда можно добраться - все будет зависеть от ледовой обстановки в устье Енисея.

Заявка на путевки была принята, и оргкомитет занялся разработкой программы следующей встречи. Оргкомитет подготовил подробный календарный план на каждый день нашего отдыха и определил ответственных за его реализацию.

Продуманы были все детали поездки. Позаботились и о внешних отличиях - значках, шапочках с эмблемой «Енисей-20». Очень хотелось, чтобы у каждого осталась хорошая память об этом путешествии: заказали специальные фотоальбомы, запаслись пленками, химреактивами, взяли с собой даже фотоувеличитель, организовав на борту теплохода походную фотолабораторию.

В Красноярск решили добираться поездом, а те, кто обосновался в европейской части России, прилетели в Сибирь самолетом.

Только уральцев набралось почти на полный вагон, и эти два дня пути до центра Сибири были полны воспоминаний.

А вспомнить уже было что. Вот например: ведь совершенно не случайно появилось в нашей программе упоминание о любительских фильмах, снятых за рубежом. К этому времени многие успели побывать там по туристическим или деловым поводам, а кое-кто и поработать, хотя прорваться за кордон было делом довольно сложным. Чтобы получить направление, зарубежный паспорт и визу, нужно было годами продираться через унижительную процедуру согласований, характеристик, а нередко и через вымогательство власть предержащего чиновника, от которого зависел твой выезд за границу.

Некоторым нашим однокашникам удалось пробить брешь в этой бюрократической стене и успешно поработать на интересных зарубежных стройках.

Первыми из наших открыли границу Юра и Нина Полузадовы. На их долю выпала далекая Индонезия. Стройку опекал А. И. Микоян, который несколько раз успел посетить эту дружественную нам страну. А потом нашим ребятам не повезло - восставший народ снес прокоммунистический режим, и, хотя с советских специалистов в этой заварушке и волос не упал, попали они в эту кашу и были свидетелями, как дикий народ расправлялся с не менее дикими строителями социализма. Стройка замерла, и пришлось им, так и не увидев результатов своего труда, возвратиться на родину.

Затем на строительство двух металлургических гигантов в Индию двинулись из Нижнего Тагила Сергей Михайлов, а из Липецка - Володя Волков: первый - в Бхилаи, второй - в Боккаро. Правда, до Бхилаи Сережа успел еще поработать во Вьетнаме.

А Шура Рейфшнейдер вместе со своей Леной в 1970 году на три года укатил в Монголию, по его словам, помогать товарищу Цеденбалу строить социализм. Работал он там главным инженером спецСМУ, занимался монтажом оборудования на строительстве роскошного больничного комплекса в городе Муране. Затем строили еще ряд объектов в Дархане, Даун-Харе. Больницу и другие объекты построили, а вот с социализмом, как говорит Шура, у них как-то не получилось, построили нечто другое, очень похожее на наше. Однако по этому поводу Шура не шибко переживал, он был заядлый рыбак и охот-

ник, и монгольские просторы показались ему раем, оставив самые приятные воспоминания.

Кстати сказать, второй раз Шура отправился за рубеж в 1982 году. На этот раз ему досталась жаркая Африка, где и в тени термометр рвался к пятидесятипятиградусной отметке. На этот раз к социализму было поближе - пришлось строить в Ливии для воинствующего Каддафи в самом центре Сахары аэродром для МиГов, с укрытиями, складами и самой большой в Африке взлетной полосой. Так Шура и Лена прослужили в далекой и жаркой Ливии еще три года. А Володя Волков после Индии строил хлопкопрядильную фабрику на Кубе. Паша и Жанна Богдашины более двух с половиной лет проработали у нашего южного соседа, в Афганистане. Это было еще до той бесславной, кровопролитной войны, которую советский социализм развязал в древней самобытной стране.

Заграница за границей, но родные красоты, которые мы впитывали глазами и сердцем во время наших общих отпусков, все-таки не могли сравниться ни с чем. Вот и в этом путешествии по «главной улице Сибири» нас ожидали удивительные открытия.

Многие из нас знали Каму, Волгу, Днепр, но то, что мы увидели на Енисее, превзошло все ожидания. Тем, кто не видел эту красоту, советую от всей души - при возможности обязательно это сделайте. По-настоящему любить Россию сможешь только тогда, когда увидишь ее необъятные просторы, ее природу, которую еще не успела испоганить рука «цивилизованного» человека. А когда ты видишь это не один, а в кругу близких тебе людей, испытываешь острое чувство духовной близости и величия России.

Представьте себе могучую реку, теплоход, движущийся со скоростью свыше тридцати километров в час, и за сутки хода - ни одного поселения на берегу. А какие географические названия нам, европейцам, кажущиеся краем света, - Енисейск, Туруханск, Игарка, Курейка, Караул, Дудинка, Норильск, Диксон!

В Енисейске мы побывали на могилах декабристов. В Игарке побродили по деревянным мостовым, долго смотрели на маленький аэродром рядом с пристанью, на котором садились на воду на поплавках неутомимые «Аннушки», а потом воздушных пассажиров ссаживали с борта самолета на лодки, чтобы доставить их с поклажей на

берег. Интересно и происхождение самого названия Игарки. Жил на этом месте лоцман и рыбак Егорка Ширяев. Эвенки называли Егора Игоркой, а это место по его имени и назвали Игаркой.

В 230 километрах от Красноярска теплоход приближается к знаменитому Казачинскому порогу. Здесь Енисей, зажатый каменистой грядой, сужается до семисот метров. Прохождение Казачинского порога - серьезное испытание для экипажа каждого судна. Перепад высоты в пороге на протяжении километра четыре метра, скорость потока достигает шестнадцати-восемнадцати километров в час. По узкой порожистой горловине с обнаженными камнями может пройти только одно судно, искусно управляемое опытным лоцманом или капитаном. А вот преодолеть порог снизу, против течения, может только судно с особо мощным двигателем, и тут на помощь к речникам приходит, пожалуй, единственное в своем роде судно-туер - это практически судно-лебедка, зачаленное за утес и с помощью троса поднимающее теплоходы до верхнего плеса. И когда наш «Александр Матросов» поднимался по порогу вверх по течению, мы очень переживали за команду и капитана, двигатели ревели во всю мощь своих «лошадей», палуба вибрировала, а теплоход по сантиметрам скребся вверх по течению. Вот это сила у реки!

В преддверии Полярного круга есть еще одно удивительное место на реке - Осиновский порог, последний порог на Енисее до его устья. Узок в пороге корабельный ход, а главное - неглубок, всего два с половиной метра, а скорость тоже велика. За порогом Енисей заметно сужается - Енисейский кряж отвесной стеной становится на пути реки. Однако своей богатырской силой река раздвинула скалы и в образовавшийся коридор, именуемый здесь Осиновскими щекками, устремилась дальше на север, к океану. Длина Осиновских щек около трех километров, а глубина реки в них доходит до шестидесяти метров! Гидростроители давно «положили глаз» на этот каньон и предлагают построить здесь гидроэлектростанцию фантастической мощности в 7 миллионов киловатт.

А при выходе из щек взорам путешественников открывается великолепный пейзаж - справа по фарватеру стоят два небольших скалистых островка изумительной красоты: Кораблик и Барочка. Эти островки действительно напоминают сказочные кораблики. На их

длинах высятся стройные корабельные лиственницы и сосны, а ближе к уезу реки - кудрявые березки, тальник, черемуха, рябина, хмель. На этом месте кино- и фотолюбители снимают свои «золотые кадры».

А реки, которые впадают в Енисей! Одни их названия чего стоят - Ангара, Подкаменная Тунгуска, Курейка, Нижняя Тунгуска. У последней есть еще одно название - Угрюм-река. Это название навеяно популярным романом Вячеслава Шишкова, некогда работавшего в этих местах. Поразил нас Дудинский речной порт - морские ворота Норильска. Из Норильска через Дудинку отправляются Енисеем и морем никель, медь, вольфрам, молибден. Дудинский порт, а работает он всего три-четыре месяца в году, по грузообороту под стать Одессе. Около полутора сотен порталных кранов днем и ночью (правда, ночь здесь понятие условное, так как солнце летом не заходит) грузят и разгружают одновременно десятки судов.

Но лето здесь быстротечно, и во время весеннего половодья территорию Дудинского порта заливают многометровый слой воды. Вот почему речные порталные краны в конце навигации убираются на высокое место с помощью специальных подъемников-слипов. Их ставят близко друг к другу, опутывают мощными цепями, дабы не повалили их ураганные порывы северных ветров. Нам показывали фотографии этих зимующих кранов - зрелище впечатляющее.

Соблазнительно было, побывав в Дудинке, добраться до самого Норильска. Благо такая возможность нам была предоставлена, и через четыре часа по самой северной в мире электрифицированной железной дороге мы достигли этого уникального города.

Огромные запасы медно-никелевых руд, каменного угля, фосфоритов, графитов, песчаников, платиновых руд и других полезных ископаемых - все это Норильск. Запасы угля здесь примерно равны запасам Донбасса, а сочетание запасов металлической руды и угля в одном месте в таких огромных количествах нет ни в одной другой точке страны. Сегодня Норильск с его двумястами тысячами жителей - крупнейший в мире заполярный город, и наш низкий поклон коллегам по профессии, создавшим в этих невероятных климатических и геологических условиях маленький Ленинград.

За мысом Сопочная Карга заканчивается Енисей и начинается Енисейский залив, левый берег которого уходит на запад и вскоре вовсе исчезает за горизонтом. Забортная вода приобретает солоноватый вкус. Еще сутки хода - и Карское море. Северный Ледовитый океан и Диксон - место встречи Енисея и Северного морского пути.

Мы уже говорили о том, что наши встречи, наряду с таким нужным нам общением, носят еще и большой познавательный характер. Путешествуя по России, мы соприкасались с ее необыкновенной историей, а для себя делали, право, целые открытия. Наиболее яркий тому пример - Диксон. Что мы знали о нем, когда отправлялись в путешествие? Что это северная оконечность России, что отсюда до Северного полюса рукой подать - каких-то 1600 километров? Что это порт на Северном морском пути, да еще из песни, что здесь «четвертый день пурга качается над Диксоном»?

31 июля 1975 года наша группа сошла на берег. Сначала - проверка документов - все-таки граница. Температура около 6-8 градусов, поэтому понадевали на себя все теплое, что было. Диксон - это 74-й градус северной широты, это уже Северный Ледовитый океан с его Карским морем. Если не делать акцента на географических особенностях Диксона, очень поразила нас его близость к трем историческим событиям и судьбам. На Диксоне три памятника: спутнику Р. Амундсена П. Тессему, северному землепроходцу Н. А. Бегичеву и памятник героям-североморцам, защитившим таймырскую землю от фашистского десанта и погибшим в 1942 году.

Итак, по порядку. В 1918 году знаменитый норвежский полярный исследователь Р. Амундсен на шхуне «Мод» совершил дрейф вдоль северных берегов Сибири. Шхуна достигла мыса Челюскин и, затертая льдами, зазимовала. Опасаясь катастрофы, стремясь спасти результаты своих годичных наблюдений, Амундсен принял рискованное решение - направить с пакетами на Диксон двух членов экипажа, матросов Петера Тессема и Пауля Кнудсена. Амундсен рассчитывал, что его матросы, достигнув на лыжах Диксона, сумеют передать по радио в Россию, а затем и в Норвегию информацию о его экспедиции. Однако, возвратившись в 1920 году на родину, Амундсен узнал, что судьба отправленных им матросов неизвестна. Тогда с помощью норвежского короля Амундсен обратился к советскому правительству с

просьбой организовать экспедицию по розыску пропавших членов экипажа. В Красноярск последовало указание от главы правительства В. И. Ленина.

За неимоверно трудную задачу (что там найти иголку в стоге сена!) - отыскать следы двух человек, ушедших за тысячу километров в снежную пургу, да через три года после разыгравшейся трагедии взялся известный полярный путешественник Никифор Афанасьевич Бегичев. И нашел же! Сначала он наткнулся на полустгоревший труп Кнудсена, а во время второй экспедиции, через год, нашел и останки Тессема, причем нашел в четырех километрах от радиостанции Диксона: с того места, где был найден Тессем, были видны огни поселка. На груди матроса в водонепроницаемом пакете сохранились материалы, направленные Амундсенем. Прах погибшего спутника Амундсена был захоронен на крутом обрыве диксоновской гавани. А памятью о той экспедиции остались у Бегичева золотые часы с гравировкой от благодарного норвежского короля.

Второй, более монументальный, памятник на Диксоне установлен самому Н.Бегичеву. Никифор Афанасьевич Бегичев - участник русско-японской войны, но еще до Порт-Артура он в качестве боцмана на шхуне «Заря» побывал в полярной экспедиции, возглавляемой известным Э. Толлем, пытавшимся найти заветную «землю Санникова». Затем Бегичев принял участие еще в двух полярных экспедициях, теперь уже по розыску пропавшего Толля. Эти экспедиции возглавлял известный в то время русский ученый-гидрограф, тогда лейтенант А. В. Колчак, тот самый, будущий адмирал. Толля не нашли, но попали на следы другой пропавшей экспедиции - Русанова. В советское время Н.А.Бегичев принимал участие в экспедициях Н. Н. Урванцева, которому удалось разведать богатейшие запасы угля, газа и руд нашего Севера.

Третий памятник на Диксоне установлен погибшим в бою североморцам. Не то что у молодых, спросите у стариков, которые прошли войну: что им известно о военных действиях на территории Сибири в Великую Отечественную? Уверены, что большинство удивится: боевые действия на земле Сибири? Да что вы, креста на вас нет!

В годы войны фашистское командование отлично понимало роль Северного морского пути и разработало специальную операцию

по срыву советских перевозок в Арктике под названием «Вундерланд» - «Страна чудес». Для реализации своего замысла немцы направили в Карское море линкор «Адмирал Шеер», имевший на своем борту более тридцати крупных орудий и торпедных аппаратов. 25 августа 1942 года в районе архипелага Норденшельд фашистский рейдер встретил практически не вооруженный ледокольный пароход «Александр Сибиряков», то самое историческое для нас судно, впервые в мире совершившее в 1932 году переход по Северному морскому пути от Архангельска до Дальнего Востока за одну навигацию.

Фашисты предложили экипажу парохода сдаться, но советские моряки, на борту которых было всего четыре 76-миллиметровые пушки, на ультиматум врага ответили огнем. Подожженный пароход погиб, не опустив советского флага. Наши моряки успели сделать главное - предупредить берег о подходе фашистского рейдера.

В ночь на 28 августа фашистский пират появился у берегов Диксона. Поселок практически не обладал сколько-нибудь серьезными средствами защиты. В порту находилось небольшое судно «С. Дежнев», переоборудованное в сторожевой корабль с несколькими пушками, да на берегу всего две 45-миллиметровые противотанковые пушки. И это против артиллерии врага, выбрасывавшей за один залп три тонны взрывчатки!

Первые же снаряды с линкора зажгли пожары на берегу. Горели склады с топливом. Но и защитники Диксона вместе с «С. Дежневом» открыли огонь, и даже были попадания в «Шеер». Понимая, что рейдер обнаружен за тысячи километров от линии фронта и встретив неожиданно упорное сопротивление, фашисты ограничились обстрелом, не рискнув послать на берег десант. Поставив дымовую завесу, они поспешили ретироваться. А в полярном поселке остались братская могила семерым краснофлотцам, погибшим в ту ночь в глубине Сибири в бою с фашистами.

... Уже на Волге стали зарождаться традиции наших встреч. Началось все с газеты. Не знаем, как в других институтах, но мы у себя на стройфаке очень любили нашу стенную газету «Строитель». Выход каждого ее номера был маленьким праздником. Газета была всегда великолепно оформлена, и за это мы должны благодарить наших архитекторов, не обделенных художественным дарованием. Ма-

териалы в «Строителе» всегда были злободневны и остроумны. И на «Шишкине» в поездке по Волге мы оформили несколько выпусков газет. Те волжские газеты носили название «Упишишка». А для Енисея готовили название «Енисейские политехи», но потом, уже на борту теплохода, решили: пусть будет просто «На Диксон!».

Выпуски выходили через день, и ни одно стоящее событие не упускала редколлегия. Да и фотографии старались поспеть всюду. Специальные выпуски были посвящены нашим женщинам (встреча проходила в год женщин, объявленный ЮНЕСКО), Дню строителя. День рождения Ю. Пермякова и приход на Диксон совпали, и этим событиям был посвящен специальный выпуск. Или, к примеру, на борт теплохода пришла телеграмма из Элисты: «Приветствую отважных однокашников ЗПТ собравшихся под знамена оргкомитета 75 ТЧК Поздравляю всех славным двадцатилетием ВСК Желаю счастья здоровья ЗПТ вторческих (так в телеграмме - А. Ю.) успехов ВСК Да здравствует оргкомитет 2000 ВСК Искренне ваш Боря Кис ЗПТ мичман ТЧК».

Мы были рады телеграмме, но на «вторческих» немедленно отреагировала наша газета - появился заголовок «ПАР-ПАВКА ОЧЕ-ПЯТКИ»: вместо слова «вторческих» читайте «четверческих».

...Или на загнутом углу газеты с лицевой стороны читаешь «Заметки фенолога», разворачиваешь угол, а там: «что-то стало холодать».

Все эти газеты мы тщательно храним, и когда отмечали шестидесятилетие Бориса Ельцина, свезли их в Москву, устроив газетный вернисаж. Присутствовавший на этом вечере народный депутат СССР, ректор МАИ академик Ю.Рыжов восторженно заявил: «Практически всю жизнь провел возле студентов, но подобных газет и тем более подобной многолетней студенческой дружбы встречать не приходилось. Bravo!»

Был, конечно, на енисейском теплоходе свой массовик-затейник. Ее задача была развлекать и организовывать туристов на различные штатные мероприятия. Но то обилие затей, которые предложила наша группа, по существу, оставило нашу затейницу без работы.

На одной из стоянок организовали конкурс рыбаков. Понятия не имеем, какие и откуда взялись рыбацкие снасти, тем не менее наш Сергей Михайлов натаскал столько щук, что хватило на великолеп-

ную уху не только нашей команде, но и болельщикам. А еще был поэтический вечер - здесь надо отдать должное Лиде Коняхиной (она у нас филолог), где было прочитано много стихов о Сибири. Вечерам этим дали непонятное лирическое название «Торшер желаний»: наверное, потому, что они проводились в уютном музыкальном салоне теплохода у красивого торшера...

Когда пересекали Северный Полярный круг, не обошлось без традиционного праздника Нептуна, подобного тому, какой отмечают моряки при пересечении экватора. Откомандировали меня на роль Нептуна, придав приличную свиту. Как положено по ритуалу, соорудили на палубе купель и по ходу праздника кое-кого поокунали, хотя здесь это было и не очень уютно: все-таки не экватор!

Приурочили к празднику что-то похожее на КВН. Вместе с нами на теплоходе отдыхала рижская группа. Рижан очень поражало наше теплое и внимательное отношение друг к другу, полное отсутствие чиновничества. Борис Ельцин в ту пору был секретарем Свердловского обкома, курировал вопросы строительства, и рижане были очень удивлены, когда он в один из дней появился на палубе с красной повязкой дежурного - у нас был определен такой порядок: на каждый день мы выделяли из своей группы ответственного, который следил за выполнением нашей программы и держал связь с руководством судна.

Держались рижане отдельной стайкой, а мы уговорили их организовать совместный КВН. Он оказался таким, что туристы и экипаж «обливались» слезами. Всех номеров уже не вспомнить, но некоторые и не забыть.

Не знаем уж где, но наши противники на берегу раздобыли здоровенную косточку «мамонта» и устроили какую-то сценку с этим мослом. А наши парни выдали такой фрагмент из «Лебединого озера», что впоследствии наши маленькие «лебеди» стали непременно классическим номером на всех последующих встречах.

И еще запомнился «Курту тэци». Очень нам хотелось удивить рижан, и мы с помощью латыша разучили эту очень веселую детскую песенку на их языке. Приодели Толю Бакулина в короткие штанишки, на шею прицепили ему бант, да и весь остальной «хор» соответствовал содержанию песенки. Эта песня хорошо нас выручила во время

последней встречи на берегу Гауйи, в Прибалтике, когда мы всей группой оказались в гостях у А. В. Горбунова, председателя Верховного Совета Латвии. Исполнение нами «Курту тэци» на латышском языке было полной неожиданностью для Анатолия Валерьяновича и его спутников.

Умудрялись мы на «зеленых» стоянках на Енисее устраивать пляж. Все здесь было великолепно, если бы не огромные тунгусские комары. Одно спасение было - окунуться в Енисей. Еще одна енисейская особенность. Наш теплоход встречали не только местные жители, но и большие собачьи стаи. Были ли эти собаки бродячими или домашними - толком мы так и не поняли. Но собачки эти были не ровня нашим дворнягам. Возможно, гуляли в них гены сибирских ездовых лаек. А встречали они теплоход не случайно, так как с бортов причаливавших судов их прикармливали. Вот тут и произошел с одним из нас неприятный эпизод. Насытившись, огромный пес подошел к нам, когда мы загорали на берегу реки. Решив проявить смелость в присутствии дам, один из нас почесал за ухом собачки. А та, ответив любезностью, задрала лапу да так полила смельчака «фонтаном», что пришлось ему срочно окунуться в холодный Енисей, да еще с мылом и мочалкой...

Две недели пролетели стремительно, расставаться не хотелось, и часть группы, воспользовавшись предложением Красноярского бюро экскурсий и путешествий, купила путевки на пять дней на юг Сибири, в Туву. По Красноярскому водохранилищу поднялись вверх по течению Енисея к Абакану, посетили ленинский мемориал в Шушенском, строительство Саяно-Шушенской ГЭС, Минусинск, горную Туву и самолетом вернулись в Красноярск, не забыв, конечно, отметить и на знаменитых Красноярских столбах.

«ХОРОША СТРАНА БОЛГАРИЯ...»

Полные впечатлений от встречи с друзьями и увиденного на «главной улице» Сибири, возвратились мы домой с надеждой, что через пять лет наша встреча обязательно повторится.

Как быстро летит время, особенно когда «под горку». 1980 год - это двадцатипятилетие со дня окончания института, по нашим административным меркам, дата официально круглая.

Где проводить новую встречу? И вдруг кому-то в голову пришла шальная идея: а если попробовать за границу? Остановились на болгарском варианте, попытавшись сформировать самостоятельную туристическую группу. После нескольких безрезультатных попыток оргкомитета решить эту проблему на помощь пришел Борис. Остальное было делом техники и забот оргкомитета.

Старшим по поездке в Болгарию определили Яшу Олькова - свердловчанам было с руки этим заниматься.хлопот, конечно, предстояло много, поскольку оформлять нужно было документы на туристов не только разных областей, но и республик. И это преодолели.

Как и в енисейскую встречу, решили собираться в Свердловске и одним вагоном ехать до Москвы. Так получилось, что в столицу мы прибыли за день до открытия Олимпийских игр. Москва встретила нас неузнаваемой - такой опустошенной нам ее видеть еще не приходилось. На следующий день официальный перевозчик Олимпиады, наш любимый и единственный Аэрофлот доставил нас в Софию.

Видимо, нет необходимости описывать наше болгарское путешествие, оно абсолютно ничем не отличалось от маршрутов, какими в Болгарии прошла не одна тысяча советских туристических групп. Наш путь лежал через Софию, Пловдив, Стару Загору, Казанлык, Шипку, Несебр, Бургас. Посетили многие болгарские достопримечательности, повезло с погодой - хорошо отдохнули на Солнечном берегу.

Но были, конечно, и свои, чисто студенческие эпизоды, о которых не грех и рассказать.

Однажды нас спросили, не хотим ли мы посетить местный колхоз, но с непременным условием принять участие в субботнике, вроде как бы отработать обед.

- А почему бы нет? Какая работа?

- Абрикосы собирать.

- Что вы, конечно, хотим! Немедленно едем!

Как вы думаете, чем в первую очередь заинтересовался наш оргкомитет? Никогда не додумаетесь! Какую норму выполняет на сборе абрикосов болгарский колхозник! И мы должны сделать не меньше! Смешно? Так воспитаны. И сделали-таки эту норму, чем вызвали удивление и уважение местных жителей, поскольку мы были уже далеко не первой молодости: большинство наших однокурсников уже подбирались к пятидесяти.

До обеденных столов добирались на полусогнутых, спины не разгибались, но когда появился великолепный обед, да еще с домашним вином, воспрянули духом. А потом откуда-то принесли баян, и тут выяснилось, что наш Витя Глушенков неплохо владеет этим инструментом. Пошли песни, пляски, и у наших новых друзей осталось правильное впечатление, что русские умеют не только работать, но и отдыхать.

А для нас было неожиданное откровение - мы и не подозревали, что Витя играет на баяне! Разогретые работой, болгарским солнцем и вином, мы пели под Витин баян и были в эти минуты страшно близки, несмотря на так по-разному сложившиеся судьбы. И жаль было, что на прежних встречах с нами не было Глушенковых. Да и ему, наверно, тоже.

Отдыхали мы по-советски - пользовались только тем, что входит в стоимость путевки. А на берегу моря за отдельную плату предлагалось немало соблазнительных развлечений, на что тратить местную валюту мы непривычны. Однако, где бы мы ни были, оргкомитет обязательно создавал общественный фонд для расходов на сувениры, на цветы для возложения у памятных мест и другие нужды. Так было и в Болгарии.

И вот расчетливый наш оргкомитет принимает щедрое решение - выделить семнадцать левов для полета представителя группы на парашюте. Гулять так гулять! Был такой аттракцион на берегу Черного моря: на желающего полететь надевали раскрытый парашют, цепляли его к быстроходному катеру, стоявшему в море, небольшая пробежка по берегу - и ты взмываешь в небо метров на сто. Затем трос от катера отцепляется, и ты должен мягко на парашюте опуститься на воду. Зрелище, конечно, красивое, но аттракцион не для слабонервных.

Итак, решили лететь. Мужчинам предложили кинуть жребий. Жребий оказался благосклонен к Жоре Соснину. Всей толпой пошли провожать его в полет.

Но в любом дружном коллективе найдутся свои возмутители спокойствия. На этот раз им оказалась Тома Сисина. Не разобравшись что к чему, к жеребьевке она опоздала, Тома возмущенно выступила против того, что женщины не участвовали в жеребьевке, заявила, что это явная дискриминация, и что она протестует!.. Назревал конфликт. И его избежал, весьма элегантно, Жора, на которого уже цепляли парашют:

- Я уступаю тебе, Тома, свой жребий, лети!

Это было настолько неожиданно, что превратить в шутку возникшую ситуацию уже было поздно, удила были закушены. Стали перецеплять с Жоры на Тамару парашютную амуницию, инструктор начал выдавать ей необходимые рекомендации, но у бедной скандалистки - очевидно, перед страхом предстоящего пролета - стало уходить сознание, и, когда нужно было начинать разбег вслед за разогнавшимся катером, она рухнула на прибрежный песок.

А катер продолжал тащить Тамару по берегу в море. Полет не состоялся, мы ринулись в воду доставать незадачливого воздухоплателя. Досталось Тамаре крепко - ссадины, под глазами огромные синие «фонари», что впоследствии стало предметом беспокойства у таможенников, потерявших сходство оригинала с фотографией в паспорте. Упрямство было наказано!

Но денежки за полет платили, а он не состоялся? Этого мы допустить не могли. Крепко надавили на организаторов аттракциона и

добились своего. Под наше громкое «ура» джентльмен Жора взмыл в воздух и торжественно проплыл на парашюте над морем, доставив удовольствие себе и нам...

В болгарской встрече Ельцины принять участие не смогли. В ту пору Борис уже был первым секретарем Свердловского обкома, и дела в области не позволили ему приехать на наш сбор. Тем более что в это время проходила Московская Олимпиада, а он был членом союзного олимпийского оргкомитета. Но Борис не был бы Борисом, если бы не преподнес нам сюрприз.

Наша поездка по Болгарии уже заканчивалась, и мы отдыхали на берегу моря. И вот однажды во время обеда мы замечаем, что персонал ресторана почему-то встревожился, засуетился, куда-то вызвали нашего старосту Яшу Олькова. И на тебе - неожиданно в обеденном зале появляются Борис и Наина! Что с нами творилось...

Прилетели Ельцины на несколько дней, чтобы повидаться с нами, но дату приезда выбрали особую.

Если помните, во время енисейского похода на борт «Александра Матросова» пришла телеграмма за подписью «Боря Кис, мичман». В 1976 году наша группа понесла первую тяжелую утрату. В трагично известном пожаре московской гостиницы «Россия» погиб наш «мичман», наш «Боря Кис» - Борис Васильевич Киселев. Боря был самым старшим из нас, успел захватить войну и армию, обслуживал самолеты морской авиации - вот откуда «мичман».

После работы в строительном отделе Свердловского горкома партии он уехал работать в Калмыкию, где сначала был заместителем Председателя Совета Министров республики, а потом секретарем Калмыцкого обкома КПСС, занимаясь, естественно, вопросами строительства. Занесла его судьба в Москву именно в это время и именно в тот блок гостиницы, где произошла катастрофа. Это была непоправимая утрата. Нам явно не хватало киселевской житейской мудрости...

Жену Бориса Галю мы пригласили с собой в поездку по Болгарии, и во время нашего путешествия ей исполнилось пятьдесят лет. Именно к этой дате и приурочили Ельцины свой краткий визит в Болгарию. Такое не забывается!..

В САМОМ СЕРДЦЕ РОССИИ

Оргкомитет склонялся к походу в Карелию - там мы еще не бывали. Пермь сообщила, что есть возможность попасть на теплоходе с Камы на Валаам. Такой случай упустить было нельзя. Но когда узнали стоимость этого путешествия, наш энтузиазм пропал вместе с голубой мечтой о Карелии. Остановились на том, что на этот раз пойдем по Волге вверх до Москвы, поближе к Золотому кольцу России.

И вот снова Пермь. Как и пятнадцать лет назад, она радушно встречала дорогих гостей. На перроне нас ждал большой лозунг на широкой полосе кумача: «Тридцать есть - даешь еще тридцать!» Эта фраза стала девизом нашей шестой встречи. Около нас, когда мы знакомились с городом, все время вертелся фотограф, и во время посадки на борт великолепного речного красавца «Владимир Маяковский» мы получили по комплекту оперативно сделанных фотографий о нашем пребывании в городе.

Самым дорогим и трогательным было пребывание с нами небольшой компании наших внуков. Их было всего пять, наших «колокольчиков», но они сразу же оказались в центре внимания и любви нашей группы и напомнили нам первую встречу, когда с нами были наши дети. Боже! Как быстро летит время, как коротка человеческая жизнь: всего три встречи назад мы были еще мамами и папами, а теперь - на тебе, уже дедушки и бабушки!

На борту «Маяковского» был немислимый комфорт - двухместные каюты с кондиционером, душем и туалетом, прекрасный музыкальный салон, кинозал, рестораны, бар, внимательная и доброжелательная команда во главе с капитаном Полторацким. И если к этому добавить красу России по камским и волжским берегам - чего еще можно желать на отдыхе с друзьями?

Знакомые нам по поездке семидесятого года молодые камские города уже просто не узнать. Уютно разросшийся у плотины Воткин-

ского водохранилища город строителей гидростанции Чайковский стал еще и городом химиков, текстильщиков и машиностроителей. А что говорить о Набережных Челнах - небольшой поселок превратился в огромный промышленный город татарских автомобилестроителей.

По пути в Москву мы посетили Казань и Чебоксары, осмотрели древнейшие русские города Углич, Кострому, Ярославль, Плес с их великолепными достопримечательностями. В Горьком нас ожидали Сергей и Ида Михайловы и Валя Фомичева. С Валею мы не виделись тридцать лет и с доброй усмешкой наблюдали ее смущение, когда она кого-то из нас не узнавала. Но это было всего несколько минут, а потом мы все стали узнаваемыми, правда, с поправкой на прожитые годы.

Еще несколько дней пути по Волге и каналу имени Москвы - и наш белоснежный «Владимир Маяковский» у столичного речного вокзала, взметнувшегося над зеркалом водной глади. Ищем глазами на берегу встречающих, они должны обязательно быть. Так и есть, и немало: Нина и Володя Сахаровы, Юлия Гусева, Тома Сисина, Зина Шебалина, Женя и Леня Каминские и, конечно, Ная Ельцина с внучкой Катюшей.

Большая часть туристов стремительно покинула теплоход, очевидно, для очередного набега на городскую торговую сеть, а вся наша команда осталась на борту, встречая своих дорогих гостей. Конечно, нас очень огорчило известие, что Бориса в Москве нет. Когда мы подплывали к столице, было опубликовано сообщение пленума о назначении Ельцина секретарем ЦК, а вслед за этим мы узнали, что он уехал в Европу во главе партийно-правительственной делегации. Ная привезла нам от него привет, сожаление, что не удалось встретиться, и надежду, что в ближайшее время повод для встречи найдется. Наина Ельцина была непременным участником всех наших встреч...

Когда-то Ная приехала на учебу в Свердловск из Оренбурга и поступила вместе с нами на стройфак, на специальность «водоснабжение и канализация». Подружки называли ее каким-то непонятным именем Ная, Наина. Что это? Дань героине пушкинской поэмы? Впрочем, при рождении дали ей древнее имя Анастасия, Настя. Но в пору нашей учебы простые русские имена Ваня, Маша, Настя были не в

моде, а обладатели их своих имен даже стеснялись. Так наша Настя сначала превратилась в Наю Гирину, а потом и в Наину, что позднее, когда она выходила замуж, было затверждено в паспорте.

Ная всегда была очень доброй и внимательной. Из ее комнаты в институтском общежитии голодным, бывало, никогда не уйдешь. Их было четыре подружки, фамилии которых всегда произносили вместе, скороговоркой: «Ерина - Гирина - Маринова - Пашут».

После окончания института Ная многие годы работала в свердловском «Водоканалпроекте», и сослуживцы говорят, что она была толковым специалистом. После переезда в 1985 году в Москву, не смотря на то, что до выхода на пенсию еще оставалось года два, на работу она устраиваться не стала: «Терпеть не могу подхалимов, а в Москве без этого наверняка не обойдется».

В отличие от многих наших пар, семейный союз Ельциных возник уже после окончания института. И еще неизвестно, могла ли состояться головокружительная карьера Бориса, если бы рядом с ним не было его удивительной жены - подлинной хранительницы семейного очага. До сих пор в присутствии друзей он называет Наю «моя девушка», и хотя звучит это с некоторой иронией, которой ему не занимать, но можете быть уверены, что говорит он так с любовью, лаской и уважением.

Может, и не стоило заводить в этой книге разговор о супруге российского президента, но, право, нам часто показывали по телевидению другую «первую даму» нашего бывшего государства, от вида которой остался осадок некоторой горечи, одна ее фраза «мой народ» чего стоила. Да ведь и не о супруге президента речь - о нашей же однокурснице, такой же однокашнице, как другие.

Мы спрашивали у Наи, как часто ей теперь приходится бывать в высших кругах.

- Ой, ребята, была б моя воля, меня бы на экране телевизора никто никогда не увидел. Если этого не требуют этикет или Борис, и есть возможность не быть на виду, это, слава богу, проходит без меня. Вот, скажем, идет съезд партии. На него приглашают гостей, неделегатов. Но зачем же еще тащить на партийный съезд жен членов Политбюро? Разве не могут они, как все нормальные люди, посмотреть

этот съезд по телевидению? Ни разу по таким приглашениям не ходила!..

В сентябре 1991 года, когда мы с женой были в Москве, как обычно, позвонили Нае по телефону. И вдруг, неожиданно, на том конце провода послышались совершенно неожиданные звуки - услышав голоса друзей, Наина Иосифовна разрыдалась.

Выяснилось, что Борис улетел на переговоры в Нагорный Карабах, и тут же начались звонки «доброжелателей», извещавших жену Президента, что на него уже подготовлено покушение и в Москву он вряд ли вернется. Нужно сказать, что это были далеко не первые «доброжелательные» звонки в квартиру. В особенности поразительным было то, что и по телефону правительственной связи, доступ к которой был только у работников КГБ, в адрес Ельцина не раз звучали различные угрозы, а иногда и отборная брань.

Друзья приняли решение, что необходимо срочно собраться. И уже через несколько часов в квартире хлебосольных Каминских состоялся нетрадиционный сбор. Конечно же, не могла не пойти речь и о трагических событиях недавнего августовского путча.

Ная с волнением рассказывала об этих трех тревожных днях и переживаниях, доставшихся на долю семьи Президента России. Накануне Борис прилетел из Казахстана, готовились подписывать союзный договор, и если не считать непонятной задержки на несколько часов с вылетом президентского самолета из Алма-Аты, никаких признаков надвигающейся опасности никто не замечал. Вся семья Ельциных в воскресенье собралась в Архангельском, ожидая мужа, отца и деда.

Спать легли поздно, и на ранний телефонный звонок отреагировала только дочь Татьяна. Она и разбудила отца, который никак не мог понять, о каком ГКЧП толкует дочь.

У Бориса мощная реакция, которая досталась ему от давних волейбольных баталий. Связь с внешним миром еще работала. В доме президента собрались его ближайшие сподвижники. Внешних признаков блокирования дачи пока не было видно.

- Пока не поздно, нужно немедленно ехать в «Белый дом», - решил Борис.

Быстро собрались. Машины ждут. Но вдруг так же неожиданно решение меняется:

- Нет, ехать нельзя. На пути к Москве нас могут перехватить. Нужно сейчас подготовить обращение к народу и любыми способами передать его средствам массовой информации.

Ная быстро принесла бумагу, собрала ручки, карандаши. Через короткое время обращение было готово.

- Пока телефон еще работает, звоните по всем известным вам адресам. Пусть передают в газеты и на радио. Мы поехали!

Связь еще работала минут сорок, и члены семьи Президента передавали текст обращения к народу по известным им телефонным номерам родных и знакомых.

Известно, что Ельцин с товарищами успел проскочить к «Белому дому», а к этому времени его дача в Архангельском уже была оцеплена. Когда это произошло, Ная неожиданно для себя стала свидетельницей разговора между офицером немногочисленной охраны дачи и кем-то из оцепления:

- Вас, конечно, больше, и перевес на вашей стороне, но и мы неплохо вооружены и исполнять свой приказ будем до конца.

Обращаясь к молодому командиру охраны, Ная сказала:

- Мальчики дорогие, ради бога, прошу вас, не доводите дело до оружия, их же значительно больше вас, но ведь и у вас, и у них тоже есть дети, за что же они станут сиротами?

- Не волнуйтесь, Наина Иосифовна, мы обо всем договоримся, все будет хорошо.

Сейчас нет-нет, да в газетах вспыхнет спор - так был ли в Москве все-таки путч и против кого он был направлен? А иные намерены считать этот путч опереточным. Уверяем вас, что для семьи Президента России это была далеко не оперетта, ибо нужно побывать в шкуре Най-бабушки, которая, укладывая спать внучку, в одну из тех ночей, должна была ответить на вопрос ребенка: «А нам, бабушка, куда будут стрелять - в головку или животик?»

Немногим, кроме москвичей, известно, что во время осады «Белого дома» вела передачи не только радиостанция «Эхо Москвы»: в ночь с двадцатого на двадцать первое августа на той же волне и от

имени станции «Эхо Москвы» несколько часов вещала радиостанция-провокатор, которая сообщала, что на первых двух этажах «Белого дома» идет бой и оба этажа пылают в огне.

Не спавшая все эти ночи Ная, ловя любую возможную информацию в эфире, естественно, приняла эту ложь за чистую монету и мысленно уже просталась с мужем. Все ее усилия связаться с «Белым домом» были тщетны - ни один известный ей номер «Белого дома» не отвечал. И когда ей удалось все же выйти на Хасбулатова и тот пытался ее разубедить, что штурм не было и не будет, а Борис Николаевич жив и здоров, ей в это поверить было трудно.

Вот почему, когда вскоре после августовских событий во время переговоров в Москве Ельцина и Буша ей пришлось по долгу этикета встретиться с женой Буша и Барбара спросила, как они пережили дни путча, Ная, вспомнив все свои переживания, просто... разрыдалась. Жене американского президента стало все ясно. Когда встреча закончилась, Барбара обратилась к Нае:

- Разрешите вас, Наина Иосифовна, поцеловать.

Вот таков наш друг Ная Ельцина...

«В ГОСТЯХ» У ПУШКИНА

Михайловская встреча нарушила наш традиционный пятилетний цикл. Чем это было вызвано? Во-первых, поездки на теплоходе сильно вздорожали и не всем нашим однокурсникам стали по карману. И хотя об этом никто не говорил вслух, не понимать этого оргкомитет наш не мог. А, во-вторых, мы остро почувствовали, что если будем по-прежнему встречаться через пять лет, то встреч впереди гораздо меньше, чем их уже прошло. Так что решили проводить отпуска вместе чаще. Вот почему предложение Сахаровых вновь встретиться уже в 1987 году было, как говорят дипломаты, с удовлетворением принято.

Нина и Володя Сахаровы давно уже живут и работают в Пскове, так что им удалось удачно договориться с местным бюро путешествий и экскурсий о приеме нашей большой и дружной группы в Пушкинских горах.

В Псков решили двигаться самостоятельно, но с обязательным заездом в Москву. Поручили нашим москвичам купить билеты в Псков из Москвы в один вагон, а сами не теряли надежды повстречаться с Ельциными в Москве. Сумасшедшая нагрузка на работе - а в ту пору Борис был первым секретарем Московского горкома, и его борьба со столичной мафией была в самом разгаре, - конечно, опять исключала участие Ельциных в поездке, но мы понимали, насколько их обделим, если не дадим встретиться с друзьями.

Место сбора назначили на Театральной площади у памятника Карлу Марксу. На этот раз мы спешили на randevu с разных вокзалов и аэропортов Москвы. Представьте себе удивление москвичей, случайно оказавшихся в этот обычный сентябрьский день в районе Театральной площади, когда на их глазах бросались в объятия довольно

немолодые люди, а тут еще к ним подъезжает легендарно известный в столице Ельцин.

Мы были правы: по глазам Бориса и Наю было видно, как они рады встрече с друзьями. Около часа Борис был с нами и, торопясь на очередное совещание, предложил нам ознакомиться с Оружейной палатой и Алмазным фондом в Кремле, а вечером встретиться у него дома. Мы предложили встретиться в кафе. Да где уж там! Борис и Наю были категоричны: уральцы гостей в столовки не водят! Пришлось подчиниться.

Во время организованной травли Ельцина в средствах массовой информации «правильные» журналисты, да и не только они, пытались его опорочить, обвиняя в барстве и еще черт-те в чем. Мы своими глазами убедились, что живут Ельцины в той единственной квартире, которую получили при переезде в Москву, в обычном многоэтажном доме неподалеку от Белорусского вокзала. Практически в этой четырехкомнатной квартире жили две семьи - с ними была семья их младшей дочери Татьяны.

Когда наша шумная компания после экскурсии по кремлевским музеям добралась до ельцинской квартиры, то мы увидели, что две дочери Бориса хлопотали с подружками на кухне: только хозяйки могут понять, что такое принять сорок человек. Разместились, конечно, с трудом - набросали на стулья припасенные доски и плотненько уселись за сдвинутые столы.

Борис немного припоздал, но это опоздание ему было прощено - мы же прекрасно понимали насколько сложно было ему для встречи с друзьями выкроить несколько часов. А какие это были часы! Хорошо бы, если «компетентные органы» сумели сегодня воспроизвести этот вечер (у нас нет сомнений в том, что эта квартира прослушивалась). Эта запись могла бы составить хорошую конкуренцию небезызвестной телепередаче «Вокруг смеха». А нам было бесконечно жаль Бориса и Наю, что не имели они возможности продолжить эту встречу на Псковщине...

Если бы знать нам тогда, какие события развернутся через месяц на октябрьском пленуме ЦК, где Борис выступит со своим, ставшим теперь историческим, сообщением. Конечно, заводили мы с ним и «политические» беседы. Всего он нам сказать не мог, но уже тогда мы поняли, насколько ему в Москве тяжело...

Поздно вечером проводили нас Ельцины с Ленинградского вокзала в Псков. А следующим утром мы попали в объятия Сахаровых. На вокзальной площади нас ждал автобус, и через несколько часов мы подъезжали к Пушкинским горам.

Самих «гор» в нашем уральском понятии мы не увидели. Здешние места - отроги Валдайской возвышенности, холмы которых имеют высоту 100-150 метров и покрыты густыми смешанными лесами. В давние времена места эти называли Синичьими горами, но потом здесь были обнаружены чудодейственные целебные воды, так что эти горы получили второе название - Святых, а построенный в 1569 году монастырь назвали Святогорским.

А уже в наше время, чтобы увековечить память великого русского поэта, небольшой поселок рядом с монастырем получил название Пушкинские горы.

В Пушкинских горах разместились мы в удобных комнатах местной турбазы. Впереди было двенадцать дней жизни в пушкинских местах.

Говорят, что не место красит человека, а человек место. Истина эта бесспорна, но иногда и само место своим очарованием облагораживает человека. Прекрасная природа Валдайской возвышенности с ее бесконечными холмами, сосновыми и березовыми рощами, с бесчисленными озерами и величаво спокойной Соротью, очаровала нашего поэта, а уж он заворожил нас этой красотой в своих стихах:

*Вот холм лесистый, под которым част
Я сизжил недв. жим и глядел
На озеро, вспоминая с грустью
Иные берега, иные волны...
Меж нив золотых и пожитей зеленых*

*Оно, синяя, стелется широко;
Через его неведомые воды
Плывет рыбак и тянет за собой
Убогий невод. По берегам отлогим
Рассеяны деревни - там за ними
Скривилась мельница, насилиу крылья
Ворочая при ветре...*

Не будь в судьбе Пушкина Михайловского, у нас, наверное, не было бы того Пушкина, которым мы гордимся и стихами которого дышим с детства.

За месяц до нашего сбора по этим дивным заповедным местам прокатился огромной силы ураган, который наделал много бед. Были повалены вековые деревья, нанесен урон коммунальному хозяйству района. Сложность приведения в порядок порушенного заключалась в том, что не могут эти места принимать современную технику - от нее здесь больше ущерба, чем пользы. Восстанавливать и убирать завалы можно было только вручную. На призыв хранителя заповедника Семена Степановича Гейченко о помощи немедленно откликнулись школьники, студенты, воинские части. В тайне для себя мы рассчитывали, что если на турбазе нас примут, и мы сможем чем-то помочь. И вот, когда мы предложили Семену Степановичу свою помощь, она была с благодарностью принята.

Раздобыли на турбазе спецовки, выбрали топоры и пилы и пошли разбирать бурелом. Это была трудная работа, далеко не по нашему возрасту, поскольку приходилось на руках выносить в отведенные места распиленные бревна, ветки, сучья. И когда Гейченко увидел на плече нашего пенсионера «великана» Шуры Рейфшнейдера неподъемное бревно, он искренне растрогался:

- Ребята! Я должен вас чем-то отблагодарить!

- Что вы, Семен Степанович! Это мы вас должны благодарить, а для нас это дело святое и благодарности не требует.

- И все же вам будет подарок! Я разрешаю вашей бригаде посадить неподалеку от «Острова уединения» памятное дерево.

Вместе с Гейченко мы выкопали в лесу молодую липку, бережно, на руках перенесли и посадили на новом месте в Михайловском. Решили, что этим все и ограничится, но оказалось, что каждое вновь посаженное здесь дерево именное. И принес нам Семен Степанович официальный акт с печатью заповедника об этой посадке, с указанием фамилий всех участников события. Стараниями Сахарова позднее ксерокопия этого акта как сувенир оказалась на руках у каждого. И, конечно, общая фотография с Гейченко и нашей липкой.

Двенадцати дней явно мало, чтобы до конца постичь все красоты и достопримечательности этих мест. Поутру мы разбредались, кто в Михайловское, кто в Тригорское, кто в Петровское. В любую погоду - а была осень с затяжными дождями - каждый день мы дышали воздухом заповедных мест. Бродили по ярким льяным полям. Часами сидели на берегу пруда у полуразвалившейся мельницы. Любовались аллеей Керн. Подолгу стояли в раздумье у знаменитой «скамыи Онегина». А вот часовенка, вот горбатый мостик с плавающими под ним утками - все это видел Пушкин, все это можно найти, полистав томики его книг.

Это были прекрасные, насыщенные дни. Поэт открывался нам как совершенно земной человек, со своими радостями и заботами, юношескими шалостями и гражданской непримиримостью ко злу и насилию, с его беззаветной преданностью друзьям, трепетной и чистой любовью к женщинам.

Большое впечатление оставили и наши автобусные «марш-броски» в неповторимый Псков и уютный гостеприимный эстонский Тарту. Но поездка в Печоры, этот затерявшийся на эстоно-русской границе древнейший русский крепость-городок, была экскурсией из ряда вон выходящей.

Когда с небольшой смотровой площадки нам показали панораму золотисто-голубых луковок-шатров Печорского монастыря, от этого великолепия мы просто потеряли дар речи. Как нам сказал экскурсовод, такое состояние испытали не мы первые. В свое время то

же самое пережил и молодой Пушкин и описал это диво в своей «Сказке о царе Салтане».

Мы побродили по территории действующего мужского монастыря, сохраненного в первозданном виде стараниями священнослужителей. Побывали в храмах монастыря. Нам удалось посетить и его главную достопримечательность - подземный некрополь. Не каждому посетителю это удастся, без Нины Сахаровой и у нас это тоже вряд ли получилось бы. Нина долгое время работала на руководящей должности в псковском «Водоканале», а при наших постоянных российских проблемах и монахам плохо без воды и канализации. Видимо, работа Нины для священнослужителей представляла определенный интерес, во всяком случае мы оказались здесь желанными гостями.

Само название Печоры идет от «пещеры», «пещоры». С незапамятных времен хоронили в этих местах покойников в подземных нишах. Дело в том, что микроклимат в подземелье под монастырем препятствует тлению, и хоронят здесь усопших в склепах, не закапывая в землю. Мы спустились в монастырское подземелье и увидели эти склепы с фантастически далекими датами на табличках. А когда нам открыли дверь в братское кладбище, заложенное в самом начале XVIII века и существующее по сей день, когда через открытую дверь при свете электрического фонарика мы увидели штабеля гробов с нетленными останками усопших, прямо скажем, холодок ужаса пополз за воротники.

Нашим гидом по подземелью был молодой, лет тридцати, роста почти под два метра, с окладистой бородой красивейший иеромонах, при виде которого не у одной из наших женщин наверняка дрогнули коленки. А когда он в полутьме стал рассказывать нам историю Печорского монастыря и этого захоронения, объясняя причины нетленности покойных, причем безо всякой мистики, пересыпая свой рассказ положениями и формулами из физики и химии, пришла пора краснеть и мужчинам-инженерам, признавая свою невежественность.

В конце пребывания в Пушкиногорье был у нас один тяжелый день. Исполнилось сорок дней со дня смерти Жанны Богдашиной.

Так случилось, что незадолго до нашего сбора тяжелая изнурительная болезнь лишила жизни Жанну. Участие в нашей встрече Павла стало почти невозможным. Но мы понимали и другое: эту огромную беду ему легче пережить в окружении друзей. И сумели настоять на его приезде. И вот сорок дней...

Решили отметить эту дату по-христиански. Но как все стало сложно: талоны, карточки... Сахаровы сумели договориться с поселковым Советом, и нам выделили немного вина. Сделали заказ в кулинару, но никак не могли объяснить, как пекут пироги на Урале. Спасибо работникам кухни, вошли в наше положение и разрешили женщинам самим похлопотать у плиты. Для Павла все это оказалось полной неожиданностью, и он был искренне благодарен друзьям, которые близко к сердцу приняли его утрату...

Две недели пролетели как один день. Уезжали полные впечатлений, обогащенные новыми замечательными знакомствами. Нам очень везет на встречи с добрыми и талантливыми людьми. Так было и в Пушкинских горах. Экскурсии по заповедным местам, беседы о жизни и творчестве поэта с нами проводил выпускник Ленинградского института искусств И. Т. Батыгин. Когда-то он получил назначение на работу в эти места и так к ним прикипел, что в Питер больше не возвратился. Видя наш неподдельный интерес к жизни и творчеству Пушкина, он старался рассказать нам многое не только во время экскурсий.

Как и на прошлых встречах, не обошлось у нас без создания «уют-компаний». Администрация турбазы отдала в наше распоряжение туристский класс. Это было очень удобное место для наших посиделок вечерами в ненастную погоду. Со склада базы притащили сюда пару самоваров, посуду, здесь же работали над своей традиционной газетой. Сюда вечерами и заходил Иосиф Батыгин, и беседы о жизни поэта, о его друзьях и близких затягивались иногда за полночь. Здесь же читали и стихи самого поэта.

Побывал у нас на турбазе и сам Семен Степанович Гейченко, что случается, как нам сказали, очень редко, учитывая его преклон-

ный возраст. Нам страшно повезло, потому что Гейченко - не только ученый, талантливый писатель и музейный работник, знающий силу мемориальной вещи, точного факта и стихотворной строки, он еще и великолепный рассказчик, настоящий артист, под стать известному Ираклию Андроникову, увлекательный собеседник. В его рассказах обыденные, увиденные нами в музеях вещи и строения, приобретали совсем иной живой смысл.

Семен Степанович подарил каждому из нас по прекрасно изданной своей книге «Завет внуку», посвященной отдельным эпизодам из жизни Пушкина в Михайловском, да еще со своим автографом. И мы перед ним не остались в долгу - Геля Бакулина привезла прекрасно изданную в Перми книгу-миниатюру «Воспетые Пушкиным». Это был верх полиграфического искусства - сборник пушкинских стихов, посвященных им женщинам, с искусно выполненными портретами этих женщин. «Дед» наш, увидев это богатство, страшно взволновался, а мы были рады, что наш подарок ему понравился.

А. Юзефович во время работы над дипломным проектом. (1955 г.).

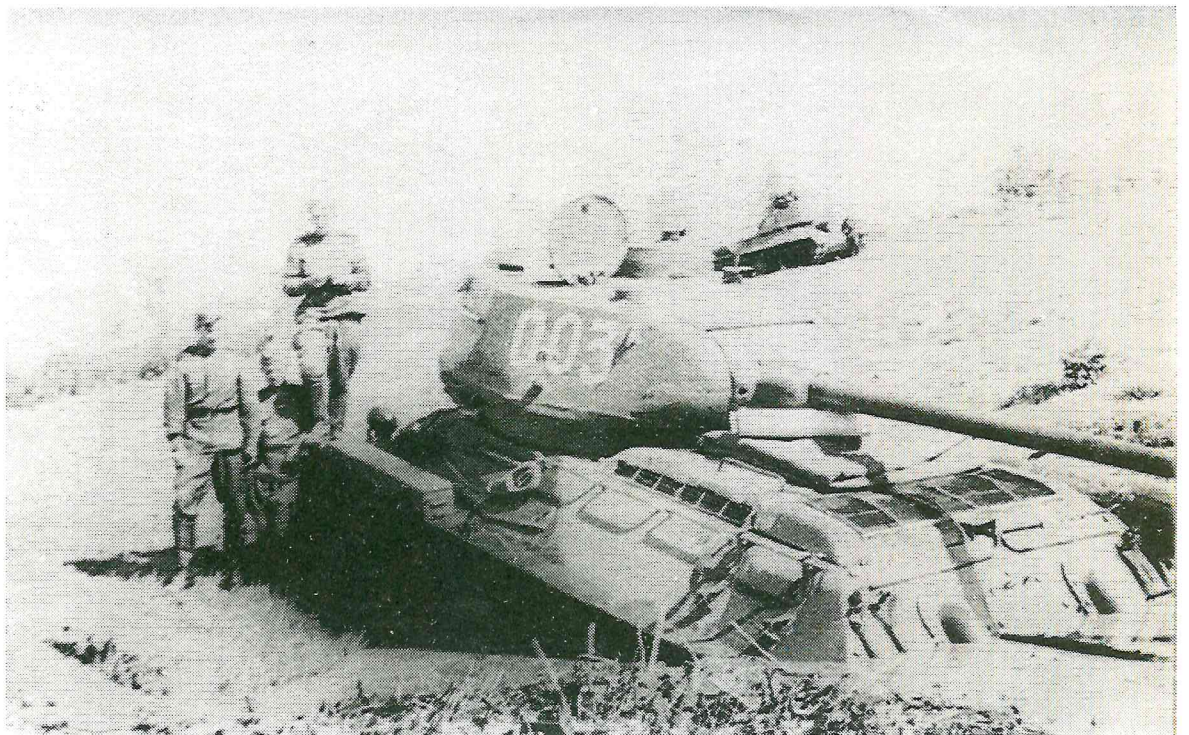

Первокурсник Борис Ельцин. (1951 г.)

Команда стройфака УПИ с группой поддержки на институтской эстафете (1954 г.).
В центре вверху А. Юзефович и Б. Ельцин.

7*

Первое знакомство студента Б. Ельцина (крайний слева) с танками. (1954 г.).

Выпускная фотография специальности «Промышленное и гражданское строительство» стройфака УПИ (1955 г.).

Встреча выпускников 1955 года с преподавателями через пять лет.

Фотография на память о первой встрече (1960 г.).

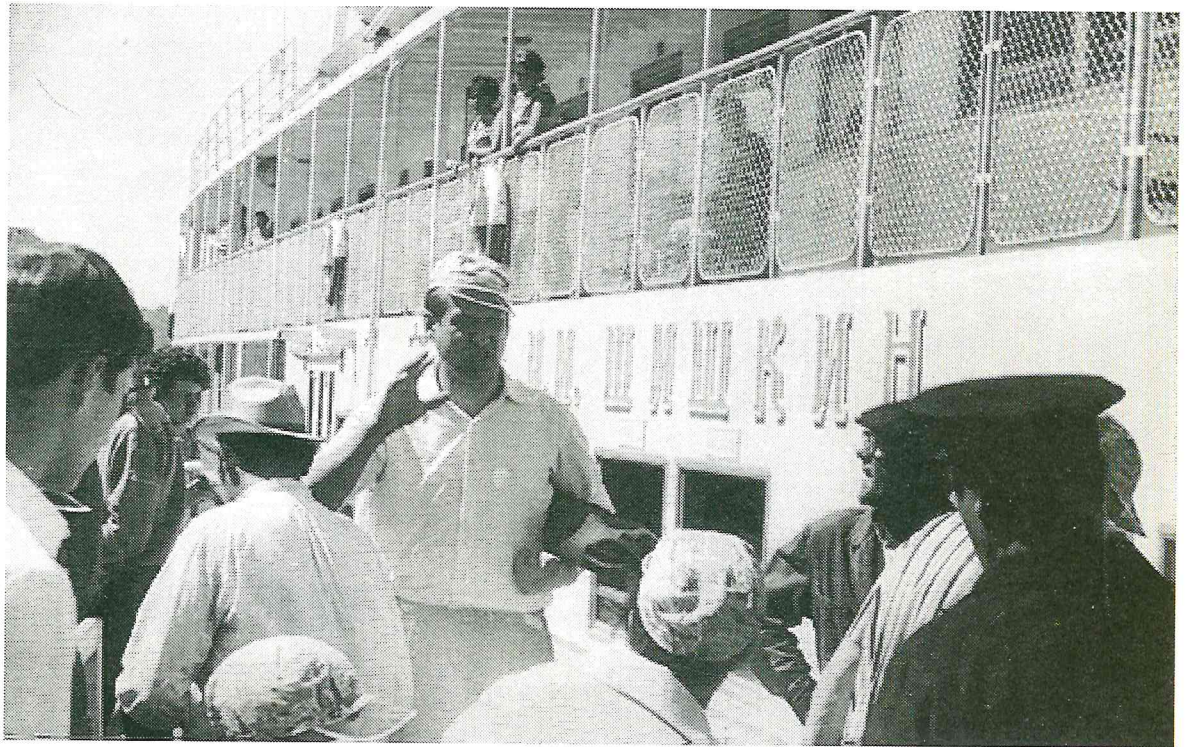
Через десять лет после выпуска. (Свердловск, 1965 г.).

Вторая встреча однокурсников (Свердловск, 1965 г.).

Первая встреча в Перми (1970 г.).

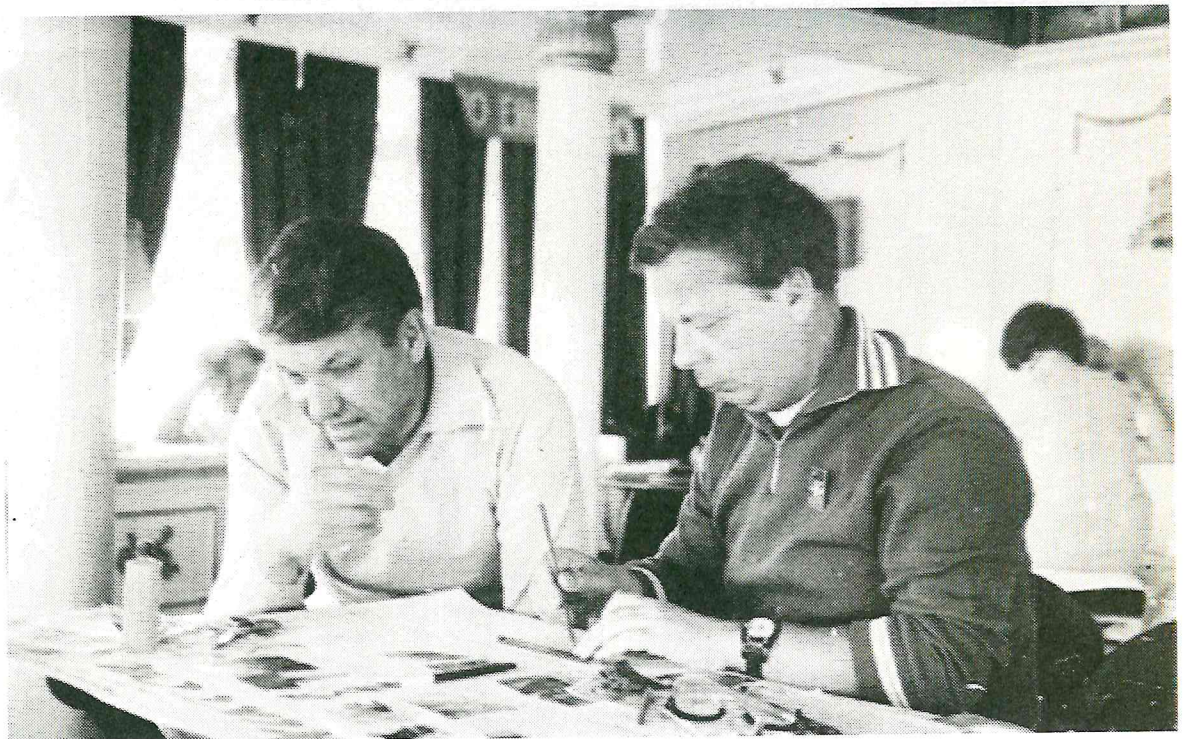
Ельцин дает «добро»! Пермь. Речной вокзал. 1970 г.

В «уют-кампании» теплохода «И. Шишкин».

Встреча в Свердловске перед поездкой по Енисею (1975 г.). Крайний слева Борис Ельцин.

Борис Ельцин и Андрей Могильников готовят стенгазету на теплоходе «А. Матросов» (1975 г.).

На Диксоне (1975 г.). В центре в белой шапочке - Б. Ельцин, справа в белом платке - Н. Ельцина.

Болгарская встреча (1980 г.).

Групповая фотография в Софии у памятника советским воинам.

8
А. Н. Юрфопина

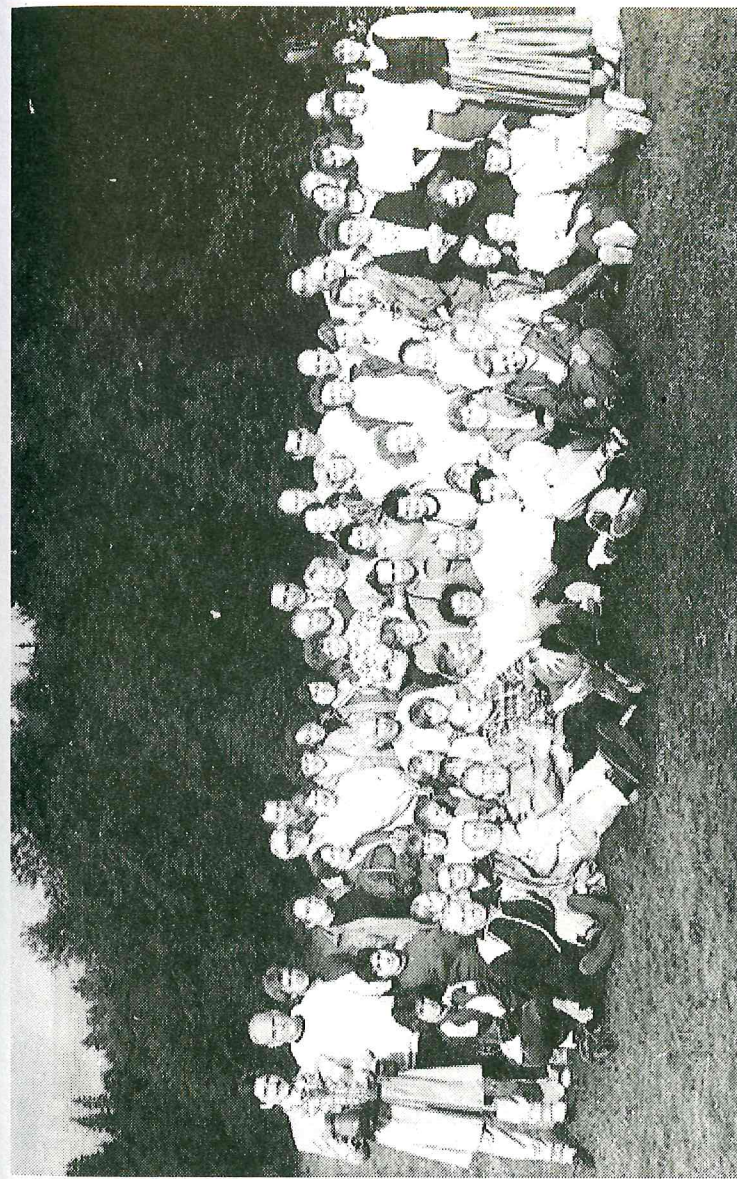
На речном вокзале в Перми перед поездкой на теплоходе «В. Маяковский» (1985 г.).

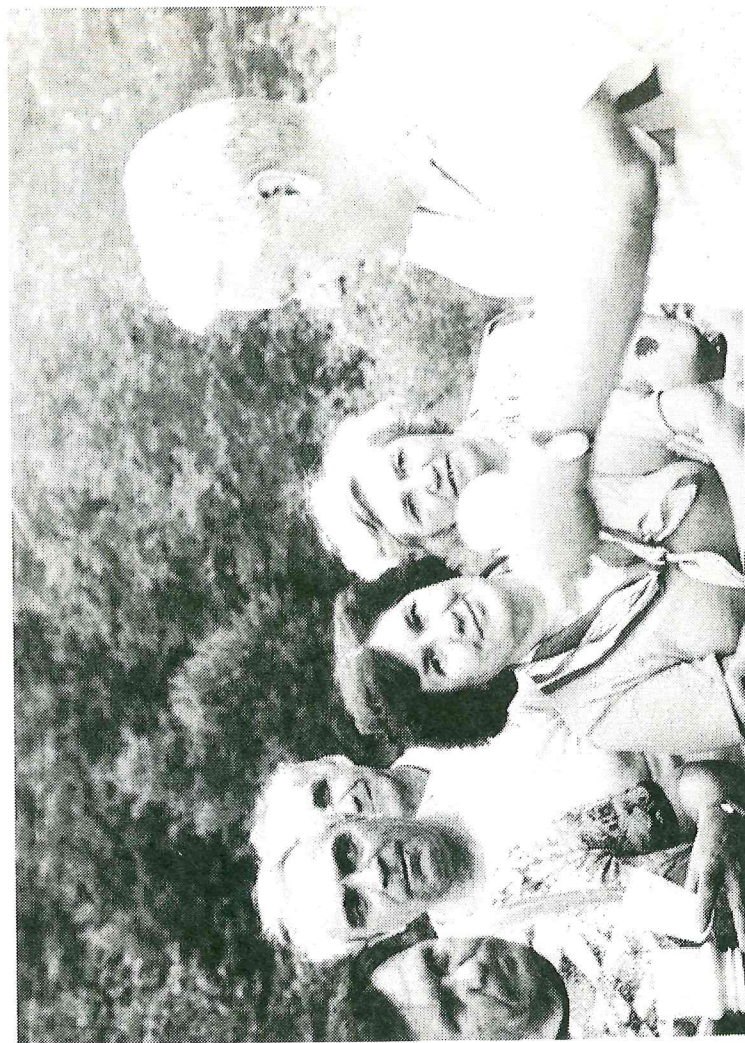
Алексей Дьяков и Галина Ивашова.

Фотография на память в Михайловском
с С. С. Гейченко в центре (1987 г.).

Латвийская встреча. В центре сидят Б. Ельцин и А. Горбунов (1990 г.).

«Россия пойдет новой дорогой!» (Латвийская встреча).

На 60-летнем юбилее Б. Ельцина (Февраль 1991 г.).
Слева направо: А. Могильников, В. Сахаров, Ю. Пермяков,
Б. Ельцин, В. Неганов, А. Юзефович, А. Лавочкин.

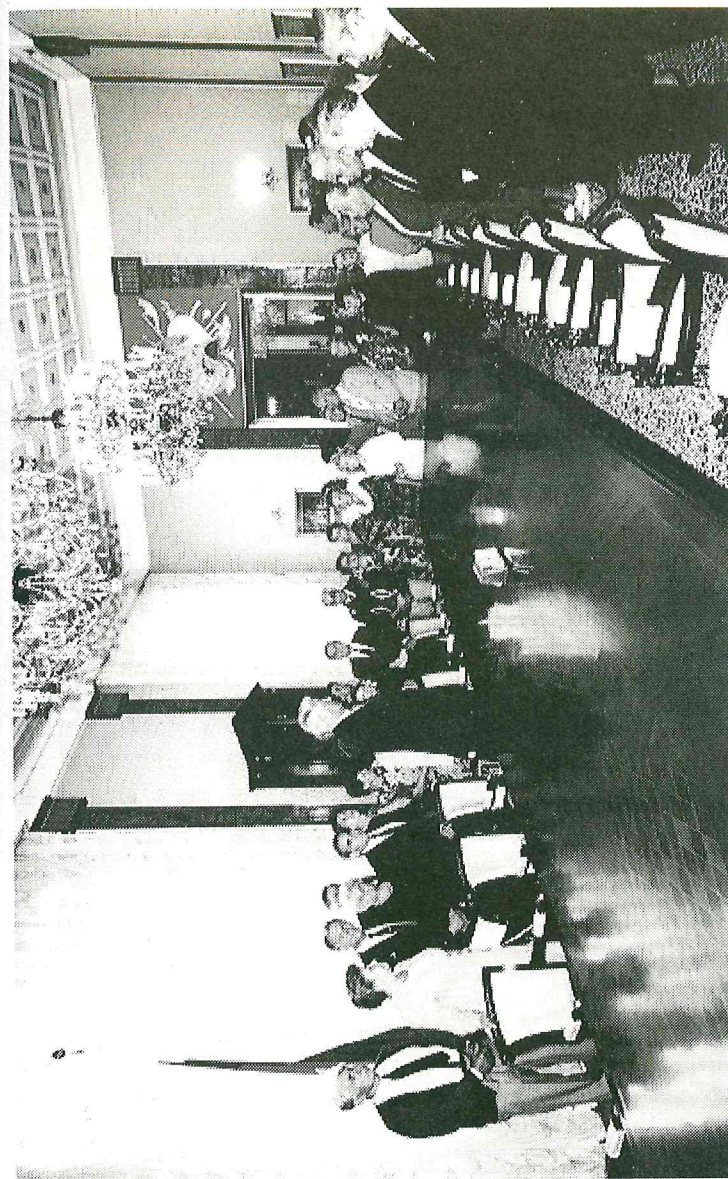
Ретроспектива стенгазет к 60-летию Б. Ельцина.

Вручение подарка юбиляру.

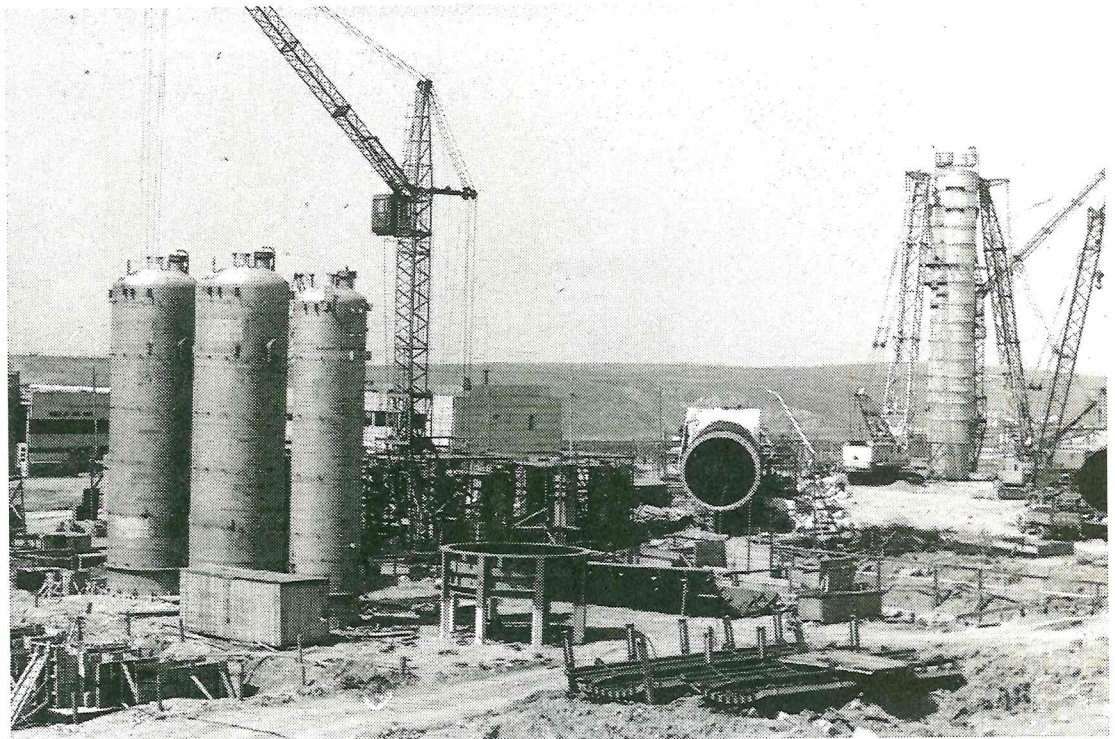
Деревянная скульптура Б. Ельцина (Работа Ю. Екубенко.).

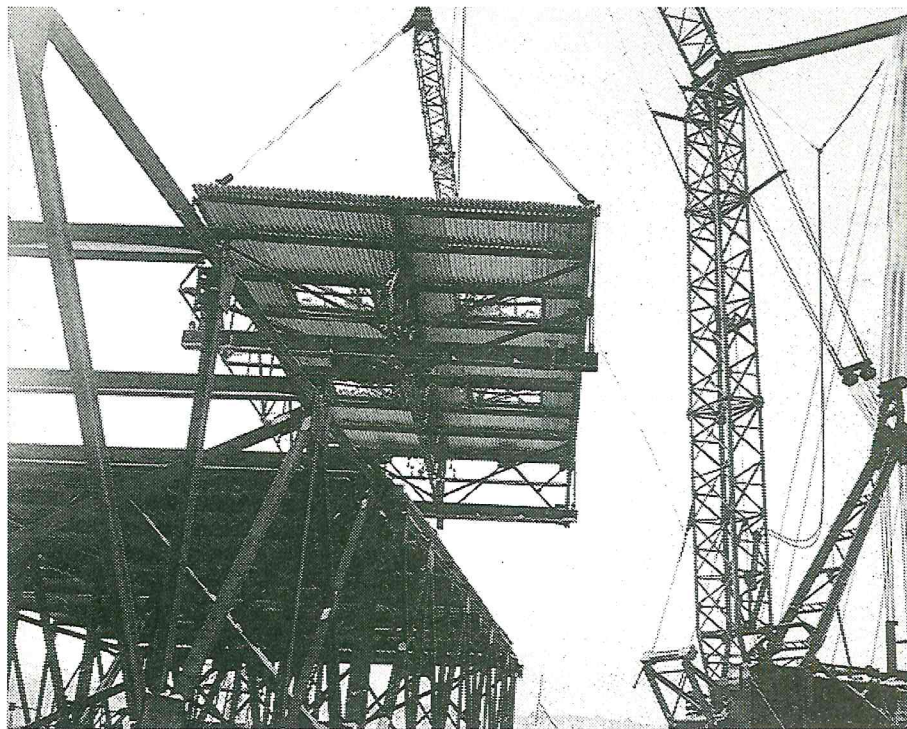
Через сорок лет после окончания УПИ (1995 г.). Экокурсия в президентском кабинете в Кремле.

«А ты помнишь?..». В подмосковном пансионате «Бор».

Строительство комплекса метанола в Губахе.

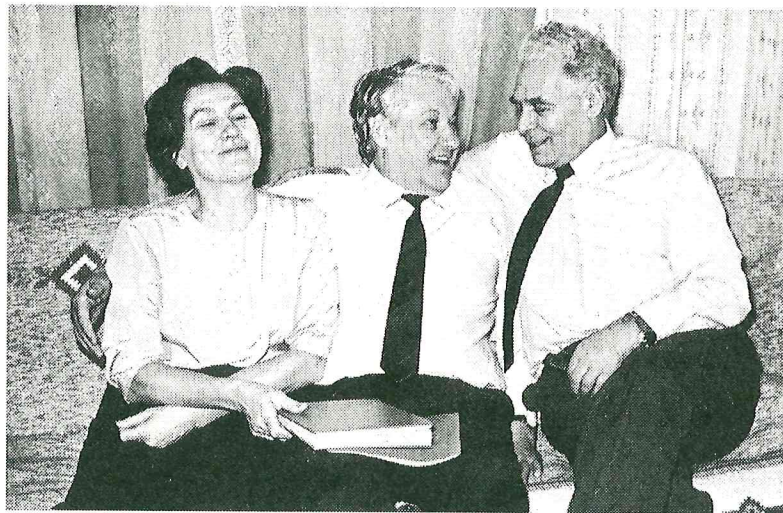
Строительство цеха холодного проката в Лысьве.

Строительная гвардия Прикамья на 60-летнем юбилее Л. П. Липатова (сидит в центре с женой).

И на БАМ заносила строительная судьба (1975 г.).
Крайний слева А. Юзефович.

«Друзья всегда согреют!». Дома у Юзефовичей в феврале 1989 года.

«А это подлинный экземпляр газеты с фельетоном вашего деда!». Встреча с Е. Гайдаром.
Слева направо: А. Юзефович, Б. Калягин, Е. Саширо, Г. Зайцев.

Приложение к знаку «За восстановление Ташкента».
(Из архива А. Юзефовича).

ПРЕЗИДЕНТ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Уважаемый Александр Николаевич Юзефович!

Третьего июля состоялись всенародные выборы Президента Российской Федерации. Большинство российских избирателей сказали свое "Да" продолжению преобразований, движению России вперед к нормальной и благополучной жизни. Это событие - итог огромной предвыборной работы. Благодарю Вас за большой личный вклад в нее, за Вашу инициативу, за Вашу поддержку в ключевые для российской истории дни.

Вперед у нас - будущее, с которым мы связываем самые добрые надежды. Мы вместе смогли обеспечить стабильную основу для такого будущего, для успешной работы на благо семьи, детей, на благо нашей России.

Желаю Вам здоровья, благополучия, успехов в работе и общественной деятельности!

Б.Ельцин

" 10 " июля 1996 г.

«И все-таки мы победили!».
Письмо-благодарность Президента из архива А. Юзефовича.

Б. Ельцин в Перми в избирательную кампанию 1991 года.

УДОСТОВЕРЕНИЕ

ЮЗЕФОВИЧ

Александр Николаевич

является доверенным лицом **ЕЛЬЦИНА Б. Н.**,
зарегистрированного кандидатом на должность
Президента Российской Федерации

Секретарь Центральной
избирательной комиссии
Российской Федерации

5 апреля 1996 г.
(дата регистрации)

А.А.Вешняков

«Не в службу, а в дружбу...». Документ из архива А. Юзефовича.

ВМЕСТЕ И В ГОРЕ, И В РАДОСТИ

...Вот стоит перед моими глазами восхитительный Гелин подарок, а память переносит в 1991 год. К тому времени мы навсегда простились с нашей славной Гелей, умной, ироничной, удивительно чуткой и доверчивой, отличным специалистом, матерью двух сыновей. Говорят, смерть не выбирает. Но почему так часто раньше других уходят лучшие?..

Итак, июнь 1991 года, до президентских выборов - неделя. Борис, совершая утомительную предвыборную поездку, летит в Пермскую область. Доверенным лицом Ельцина здесь был Сергей Борисович Калягин, народный депутат СССР.

Накануне приезда Ельцина в Пермь Калягину стал известен предложенный местными властями маршрут его поездки - провальный, заранее обреченный на неудачу. Попытка Сергея связаться с Москвой и разъяснить ситуацию оказалась бесполезной: решайте все на месте! Но как? Тогда Калягин обращается за помощью ко мне:

- Ельцина о неудачной программе его посещения Перми надо предупредить прямо в аэропорту - потом нам могут помешать!

С помощью Калягина мы с Ритой попали в состав встречающей кандидата группы. Когда приветствия и рукопожатия закончились, я в двух словах разъяснил Ельцину создавшуюся ситуацию.

- Поезжайте со мной в гостиницу. Там все спокойно обсудим.

И вот дорога из аэропорта в город. В одной из машин мы с Ритой ломали голову над тем, как хоть на десяток минут собрать пермских однокашников для встречи с Борисом.

- У меня есть предложение, - сказал я, - но уж очень тяжелое, даже язык не поворачивается его выговорить, - собраться на кладбище, у могилы Гели Бакулиной.

- Ну что ты, как такое предложить? Да и когда? У него каждая минута расписана...

Так ничего и не решили.

Прибыли в гостиницу. И тут ко мне подошел председатель областного Совета:

- Борис Николаевич хочет к кому-то на кладбище съездить, но не знает, когда это сделать.

Друзья наши прямо-таки обомлели: как можно так одинаково думать? Прямо мистика какая-то!

Стали прикидывать - и нашли «окошко». Поскольку Ельцину предстояло уже в восемь утра выезжать на встречу с избирателями в деревне, на кладбище решили ехать в семь. А на часах уже половина второго ночи.

Мы с Ритой по тревоге подняли своих однокашников, и на рассвете они все уже были у Гелиной могилы. И цветы привезли. И поминули по русскому обычаю.

- Вот я и пришел к тебе, Геля, - сказал Борис.

Как хорошо, когда есть друзья, помнящие и любящие. Это остро чувствуешь не только в радостные часы, но и в подобные минуты...

Но вот неожиданным этот поступок Бориса, пожалуй, не назовешь.

Летом 1985 года, когда он стал заведующим строительным отделом ЦК, состоялась его первая деловая поездка по стране. Он побывал на Дальнем Востоке и в Сибири, в том числе и в Братске.

Учился двумя курсами младше нас Юля Кирпищиков, великолепный парень и очень хороший легкоатлет. Судьба обошлась с ним крайне сурово - через несколько лет после окончания института его постигло несчастье. Он ожидал выезда для работы за рубеж и был в отпуске. Собираясь в жаркие края, решил вдоволь накататься на лыжах. Во время одного из спусков налетел на заснеженный пенек, упал и сломал позвоночник. Это падение сделало его инвалидом первой группы, и друзья отправили его вместе с женой и маленьким ребенком к родителям в Братск. Большими усилиями воли и длительной тренировкой Юле удалось подняться с постели и пересест в инвалидную коляску. Более того, он начал работать проектировщиком на дому.

Ельцин знал о несчастье, постигшем Юлю, хотя никаких особых связей между ними не было. Но вот, оказавшись в Братске, Борис предупреждает организаторов поездки, что ему необходимо нанести частный визит. Он попросил разыскать адрес Кирпищикова. Они встретились у Юли дома, и была очень поздняя задушевная беседа...

И так было всегда: человек, наделенный добротой и ответственностью за судьбы товарищей, не упустит момента повидаться, поддержать, протянуть руку.

Помнится, летом 1969 года Павел Богдашин на несколько дней приехал на родину из Афганистана: заболела дочь Танюша, оставленная у родителей в Вишневогорске. Каким-то образом о его приезде стало известно в Свердловске, и буквально на следующий день в Вишневогорск на двух машинах прикатили три семьи - Ельцины, Беспаловы, Полузадовы, не забыв прихватить и детвору. За рулем были Юра и Женя - Ельцины же никогда собственной машины не имели. (Борис и на этот раз не позволил себе воспользоваться служебной машиной, хотя к этому времени занимал довольно высокую партийную должность).

Хлопот, связанных с неожиданным визитом такой большой компании, у хозяев было предостаточно, но это были приятные хлопоты, помогающие снять тревогу, заражающие надеждой на благополучный исход. Два выходных дня пролетели мгновенно. Так же стремительно, как приехала, компания укатила в Свердловск, пожелав Танюше здоровья, а Павлу успехов в Афганистане, где ему еще предстояло долго работать. Он увозил в душе благодарность Борису за идею этого набега на Вишневогорск...

ПРОЩАНИЕ С ПРИБАЛТИКОЙ

Еще в Пушкинских горах мы начали с вполне деловым интересом поглядывать в сторону Прибалтики, хотя политические события ставили под сомнение реальность нашего замысла: казалось, вот-вот потребуются въездные визы. И все-таки свою очередную встречу - встречу 1990 года - мы решили провести в Прибалтике. И снова Сахаровы, живя в Пскове, в непосредственной близости от балтийских республик, взяли на себя инициативу. Володя несколько раз съездил в Ригу. Заявка на прием группы была принята, материальные обязательства нами софлюдены, оставалось только собраться.

Рассчитывать на то, что Ельцины смогут участвовать в нашем сборе по полной программе, было бы наивным, но, выяснив наш маршрут, они, как показалось свердловчанам, захавшим в Москву, сказали очень уверенно, что хотя бы на денек постараются приехать.

Один из самых трогательных моментов наших встреч - появление одноклассника спустя пять лет в условленном месте. Учитывая, что самолеты и поезда приходят не в одно время, наш сбор, как правило, продолжается весь день, превращая его в маленький праздник.

Сама же столица Латвии в этот день была удивительно красивой, очень многие местные жители были в национальных одеждах, везде звучали песни и музыка. Как потом выяснилось, мы приехали в Ригу в заключительный день очень популярного здесь традиционного праздника песни. Знай об этом пораньше, можно было бы и приехать заранее и тогда мы оказались бы зрителями этого красивого зрелища. С балкона нашей туристской гостиницы открывался великолепный вид на город - под нами была заречная парковая зона, а впереди - широкая лента Даугавы с перекинувшимися через нее мостами. Особенно красивым был вантовый мост, подвешенный на стальных канатах к мощному стоящему на берегу высокому пилону.

Не дожидаясь официальной экскурсии, мы в тот же вечер пошли побродить в старую часть города, поражаясь красоте, древности и стойкости во времени многих зданий.

К этому времени Латвийская республика уже почти приобрела независимость. Первое время нас не покидало тревожное чувство ожидаемой настороженности и недоброжелательности к нам местных жителей, которые, как нам казалось, должны были, судя по газетным публикациям, относиться к нам как к «оккупантам». Но, к счастью, это были только тревоги, и если и было чему огорчаться, то только тому, что от нас по делу и не по делу требовали в магазинах «визитки» - новодел постсоциализма, но такой же «документ» просили предъявлять не только в «буржуазной» Латвии, но и в «социалистической» Москве.

Пять дней посвятив официальному и неофициальному знакомству с Ригой, побывав в Домском соборе, на Лесном кладбище и еще во множестве уникальных уголков и музеев старой и новой Риги, мы покинули столицу Латвии. Но об одном своеобразном музее хотелось бы вспомнить. Это Моторный музей.

Поразила нас там не только уникальная коллекция автоантиквариата. Есть в этом музее несколько восковых фигур грозных хозяев некоторых машин. Это например, глядящий на вас через открытое окно бронированного автомобиля с пуленепробиваемыми стеклами Иосиф Сталин. Его подсвеченное лампой изрытое оспой лицо производит жуткое впечатление. А в другом случае восковая фигура восседает прямо за рулем мощного ЗИЛа. Этот «шофер» был, оказывается, еще и лихим аварийщиком, поскольку его машина после столкновения с МАЗом стоит в музее с развороченным крылом. Этим водителем оказался Л. И. Брежнев. Невольно приходит сравнение с нашей страной, которую среди многих и этот водитель привел к аварии, только пострадавшими оказались «пассажиры» всей страны, а сам лихач, увешанный наградами, даже не отделался легким испугом.

Мы сделали почти трехсоткилометровый бросок на восток Латвии, в озерный край, к границам Псковской области России. Здесь, на берегу прекрасного озера Эже, расположилась современная туристическая база «Эзерниеки». Наше появление на турбазе было замечено:

во-первых, мы отличались от собравшихся здесь туристов возрастом, а во-вторых, бросалась в глаза наша организованность.

По программе нам предстоял водный поход на шлюпках на один из живописных островов озера Эже. Наша лодочная эскадра, несмотря на свежий ветер, нагнавший волны, да появившиеся кое у кого мозоли от весел, удачно совершила водный переход.

На острове разожгли костер, соорудили походный обед, венцом которого были великолепные шашлыки. А затем инструктор предложил нам массу спортивных соревнований, добросовестно отработанные нами, несмотря на возраст. И, конечно, у костра пошли наши уральские и студенческие песни, запевалями которых всегда были Роза Климова и Яша Ольков. Этот дуэт возник еще в студенческие годы и не раз защищал факультетскую честь на смотрах художественной самодельности института. Без Розы и Яши наш хор не хор.

Ольковы всегда были опорой нашей группы. Ни одна свердловская встреча не проходила без сбора в их квартире. Яша после окончания института недолгое время был на проектной работе, а затем пришел преподавателем в наш Уральский политехнический, на строительный факультет, где и до сих пор заведует одной из ведущих кафедр. Стал кандидатом наук, а затем и доктором. У Яши очень тонкая душа. Он пишет неплохие стихи, многие из них посвящены однокашникам. На нашей рижской встрече прозвучал, как всегда, и Яшин застольный тост:

*В какую мы уходим высь?
Идем к земле? Уходим в старость?
Но в дружбе так мы поднялись,
Такое счастье нам досталось,
Что разбазарить, растерять -
На это не имеем права.
Хочу я попросту сказать:
Святому слову «дружба» - слава!
Хоть тридцать пять совсем не пять,
На головы гляжу седые,
Но будто те же мы опять -
Веселые и молодые!*

*В такой волнующий нас час,
Когда и счастье - не загадка,
Мой тост, друзья мои, за вас!
Я пью до дна и без остатка!*

Пять дней мы провели в Эзерниеки - и снова автобусный переезд, на этот раз на турбазу Сигулда. Конечно, мы с нетерпением ждали вестей от Ельциных. Но информации никакой, связаться из латвийской глубинки с Москвой нам не удалось.

Но вот, когда однажды нам пришлось по какому-то делу разыскивать директора турбазы, его заместитель встревожено сообщил, что директора неожиданно вызвали в Ригу, к Председателю Верховного Совета Латвии Горбунову. На наш недоуменный вопрос, как часто приглашают их директора к первому лицу государства, был такой же недоуменный ответ:

- Что вы! Нас уже года три как инструктор райкома к себе не приглашал!

Это уже было что-то...

На следующий день мы снова укатили на дальнюю экскурсию по городам Латвии и добрались аж до границы Эстонии, в городок Валка-Валга, наполовину латышский, наполовину эстонский. Границей им служит неприметный ручей, именуемый здесь речкой. Случись ставить границу - и места-то не найдешь даже для одного ряда колючей проволоки. А о том, что это города разных государств, мы определяли по вывескам магазинов (одни на латышском, другие на эстонском), да разным флагам на учреждениях. Да еще разные визитные карточки. У нас же не было никаких. Но нужно отдать должное продавцам - мы смогли договориться с представителями обоих государств.

А когда к исходу дня возвратились в Сигулду, то сразу же обратили внимание, что на базе что-то произошло. Во-первых, вся территория турбазы была до неузнаваемости тщательно выметена. Даже фонтан, в который, очевидно, никто не заглядывал с момента сдачи его в эксплуатацию, был очищен от водорослей и блестел. Во-вторых, все туристы высыпали на улицу и были принаряжены. Необыч-

но много милицейских машин, и чувствуется присутствие неких «мальчиков»».

Наш автобус почему-то был встречен лично директором турбазы и вопросами, понравилась ли нам экскурсия и нет ли у нас к дирекции турбазы каких-либо просьб. Просьб к администрации у нас не было, был вопрос к экскурсоводу:

- У вас что, так каждую группу директор встречает?

В ответ наш гид заволновался и предположил, что на турбазе что-то случилось! А нам стало все ясно.

И действительно, как выяснилось, с минуты на минуту ждали приезда Ельцина.

- Ребята! Ужина не будет! Срочно приводим себя в порядок!

Через полчаса у базы появилось несколько «волг», а там Борис, Ная и Горбунов с сопровождающими. Взволнованные ожиданием высокого гостя, туристы немедленно оттерли нас от Ельцина. Начались их просьбы об автографе, посыпались вопросы, затем получился небольшой импровизированный митинг. А мы довольствовались лишь тем, что отбили от толпы Наю и Горбунова, благо их наши туристы в лицо не знали.

Потом у нас была возможность собраться в баре турбазы, где пошли наши обычные разговоры. Ельцины были рады своему короткому отпуску и тому, что им удалось сдержать слово, приехать на несколько дней в Латвию, чтобы повидаться с друзьями.

А нам на следующий день предстоял двухсуточный поход на шлюпках по Гауйе. Правда, раздались голоса, что поход надо отменить и лучше всем побыть на турбазе, тем более, что на улице идет дождь и похолодало. Однако были и другие предложения - поход не отменять. И началось бурное «парламентское» обсуждение. Поставили вопрос на голосование - в пользу похода несколько голосов больше. Борис объявляет:

- Я за поход, как большинство!

На том и порешили. Хотя среди сопровождающих Председателя Верховного Совета России прошла легкая паника: одно дело - охранять кортеж машин, другое - осуществлять это на реке, при движении на шлюпках, да и связь с российским парламентом и правитель-

ством может потребоваться. Но тут и мы прозрели: что мы делаем? Борис еще в медицинском корсете после майской операции на позвоночнике, после травмы, полученной во время аварии легкомоторного самолета в Испании. Упрямый, неумный, он обязательно захочет сесть за весла, и никто не сможет его переубедить. Да еще сырая, промозглая погода. Нет, можем наделать беды! И как нам ни хотелось видеть Ельциных в лодочном походе, от этой идеи придется отказаться. Изложили свои тревоги. Нас активно поддержал Анатолий Валерьянович Горбунов.

- Есть предложение, которое должно всех устроить. Едем все вместе на исходную точку маршрута в национальном парке «Гауйя». Будем там весь день в лесу у костра. Мы останемся ночевать и утром уйдем в поход. А по возвращении еще будет возможность встретиться.

Разумное предложение было принято, а поутру начались сборы. Мы были вынуждены принести свои извинения за те хлопоты, которые выпали в тот день руководству турбазы. Дело в том, что обычно на маршрут уходили далеко не все туристские группы, так, человек десять-двенадцать, и сносного инвентаря хватало. А тут нас собралось на маршрут за тридцать, да и за туристскую амуницию было неудобно - ведь вся оснащенность турбазы предстанет перед очами двух первых руководителей республик. И тут надо отдать должное руководству турбазы - за ночь появились и новые палатки, и спальные мешки, и одежда, и обувь, и другое туристское оснащение.

Наша исходная поляна была в лесу неподалеку от города Цесиса. Радужие и гостеприимство проявили хозяева района - на грубо сколоченном туристском столе появилась льняная скатерть, удивительной красоты керамическая посуда, а на столе национальные яства. Из неведомо откуда появившегося «рафика» выкатили бочонок рижского пива. А от противного мелкого дождика пришлось укрыться под навес, пленку для которого тоже привезли заботливые хозяева района. Подкатил «жигуленок», а в нем музыкальная семья с национальными инструментами, и потекли над берегами Гауйи вперемежку латышские и уральские мелодии.

Огромное впечатление на нас произвел Анатолий Валерьянович Горбунов. Помоложе нас лет на десять, он тоже оказался строителем, правда, как он сказал, на стройке ему довелось поработать немного. Несмотря на русскую фамилию, Анатолий Валерьянович - самый что ни на есть коренной латыш, и это чувствуется в его акценте, когда он говорит по-русски.

Очень веселый, открытый человек, он ответил на все наши вопросы, которые даже на наш взгляд были тяжеловаты. Он принял участие во всех наших затеях. Когда мы спросили у него, почему он не взял в лес свою жену, то он ответил, что сначала и сам многого не понял, решив, что у Ельцина должна состояться встреча со студентами, на что его жена ответила: «Зачем я нужна вашей молодежи?». А мы оказались даже постарше ее. Объявилось солнышко, и сразу же на поляне взлетел волейбольный мяч - на радость Борису и Нолику Лавочкину. А мы уж так, подыгрывали.

Мы расставались с гостеприимными хозяевами и Ельциными уже ближе к ночи. Уехали они, а мы все еще не могли уgomониться. Не очень верилось, что все это происходило наяву и было так тепло и родственно.

А о том, что этот день все же был явью, свидетельствуют фотографии турбазовского фотографа, который предусмотрительно нами был приглашен на ту поляну и у которого потом отбоя не было от заказов.

НЕЗАЖЖЕННАЯ ЗВЕЗДА

В нашем небольшом студенческом коллективе было две звезды, две Личности. И если первая сегодня известна во всем мире и тем более в любом уголке страны, именованной еще недавно Советским Союзом, - это Борис Ельцин, то для второй не оказалось условий, чтобы она разгорелась. Честное слово, появись наш Лешка Дьяков в другое время или в другой стране, мы бы сегодня говорили о нем с таким же уважением, с каким говорим сейчас об Эйнштейне или Сахаров-.

Он появился в УПИ в 1951 году, на втором курсе, вместе с переведенной к нам группой магнитогорцев в связи с ликвидацией нашей специальности в Магнитогорском горно-металлургическом институте. Высокий, худощавый, в круглых очках в металлической оправе образца прошлого века, с ревматичными ногами и потому неловкой утиной походкой, стеснительный, крайне пренебрежительно относившийся к своему внешнему виду, он давал немало поводов для шуток.

Наше мнение о Лешке резко изменилось после первой сессии. На экзамене по физике, который он сдавал уважаемому нами Купровскому, Леша отошел от существовавших в физике законов и решил задачу с помощью математики. Будь на месте Бориса Борисовича другой преподаватель, исход был бы предсказуем: «Я вас так не учил!». Но Купровский поощрял нестандартное мышление. Увидев на листке, усыпанном интегралами, правильный ответ, он, оставив экзаменуемую группу с ассистентом, забрал Лешкины расчеты и пошел с ними на кафедру высшей математики.

- Уважаемые коллеги! Посмотрите, какая ситуация. Студент дал нужный мне ответ, но то, что внутри этого решения, за пределами моих познаний.

Заведующий кафедрой, доктор физико-математических наук, профессор Барбашин взял листок, проследил за Лешкиной интегральной мыслью и подвел итог: у этого парня все правильно!

Купровский возвратился в аудиторию и пожал экзаменуемому руку...

Алексей приехал учиться в институт, имея в своем багаже знания всего курса высшей математики. Он получил их... в английском колледже в Китае. В наше смутное время не принято было задавать лишние вопросы. Поэтому кое-какие подробности его биографии известны даже не всем нашим сокурсникам.

Его отец, получив юридическое образование в Московском университете, отправился на работу в Казахстан. С приходом революции его как грамотного специалиста привлекли для работы в местных органах власти. Отец Алексея был человеком сугубо беспартийным, а органы власти в то время без конца меняли политическую окраску. Дело кончилось тем, что и белые, и красные неизвестно за что приговорили Дьякова-старшего к расстрелу, и только благодаря тому, что его об этом своевременно предупредили, ему удалось спастись. Он через горные перевалы пешком ушел в Китай. Там удалось устроиться в газету, а знание английского и личные способности позволили ему стать неплохим журналистом.

Мать Алексея воспитывалась у какого-то русского купца, который участвовал в подряде на строительстве КВЖД в Маньчжурии. Случилось так, что она уехала в Китай лечиться, а в это время произошел конфликт на КВЖД, граница оказалась закрытой. Оставшись без средств, она случайно встретилась в Шанхае с Лешкиным отцом, и там же в 1930 году они дали жизнь нашему герою - вот такая восточная история.

Вскоре туда пришли японцы, отец Алексея сотрудничать с оккупантами отказался, что внесло дополнительные трудности в их жизнь. Жили они в небольшом городке Дзян-Дзю-Коу, где Алексей получил среднее образование в местном колледже. Его неординарные успехи в математике были материально поддержаны каким-то китайским монахом. Отец и сын были неплохими рисовальщиками, и

у Алексея сохранилось много графических эскизов с видами их фанзы, горных пейзажей, Великой китайской стены.

С окончанием второй мировой войны «отец народов» даровал русской эмиграции в Китае возможность возвратиться на родину. Дьяковы немедленно воспользовались этим. В 1947 году они возвратились в Россию. Местом жительства им был назначен Белорецк, небольшой башкирский промышленный городок на юге Урала. Отцу Алексея милостиво разрешили работать учителем английского языка в школе.

Мы уже говорили о том, что Дьяков-старший в Китае занимался журналистикой. Перед возвращением в Союз он написал книгу об Октябрьской революции в России. Теперь он отправил рукопись этой книги в Москву и получил на нее крайне отрицательный отзыв классика советской литературы А. Фадеева. Этот отзыв Лешка держал в своих руках. Через неделю за отцом пришли, а в 1955 году его не стало. Алексей обменял свои знания на советский аттестат зрелости и (наивный!) со своей анкетой решил поступать в московский вуз. Конечно, чуда не произошло. Но помог случай, и с московским абитуриентским листом его приняли в Магнитке на строительный факультет, который на следующий год был переведен в Свердловск.

Сенсацией стала его студенческая работа в геодезическом кружке у Н.Н.Мазурова. В нашу пору не было счетной техники. Самыми совершенными счетными инструментами были логарифмическая линейка да арифмометр. А считать было что. В частности, Лешу заинтересовала проблема быстрого определения площадей для земельных участков, имевших сложную геометрическую конфигурацию. Как раз началось освоение целинных и залежных земель, так что проблема подсчета площадей была очень актуальной. У землемеров для решения этой задачки существовал свой метод - с помощью так называемого планиметра-топорика, подсчета, дающего искомый результат сравнительно быстро и с высокой (до пяти процентов погрешности) точностью.

Так вот, Алексей предложил свою математическую «методу», которая снизила допустимую погрешность до одного процента. Работу Дьякова институт отправил на всесоюзный конкурс студенческих

работ. Она заняла там первое место, была награждена дипломом и большой денежной премией - аж 1000 рублей (до хрущевской реформы «1:10» оставалось еще восемь лет).

Самым удивительным было заключение профессора, который оценивал студенческие работы: «Работа Дьякова вполне соответствует уровню кандидатской диссертации, но учитывая, что у соискателя еще нет высшего образования, рекомендуем оформить эту работу как кандидатскую после получения диплома об окончании вуза»... И это - о второкурснике!

Алексей окончил в Китае колледж, где обучение проходило на английском языке. Его первое появление на кафедре иностранных языков произвело среди преподавателей некоторое смущение. Обычно студент приходит сдавать знаки со своими журналами и словарями. Лешка пришел ни с чем.

- Товарищ Дьяков, что вы намерены сдавать? Где ваши тексты? - Спросила у него наша англичанка милейшая Мария Матвеевна Коркия.

- А может у вас что-то есть из текстов? - в свою очередь спросил Леша.

Изумленная преподаватель подала ему лежавший на столе журнал с английским техническим текстом, и наш Алексей начал читать статью, как бабушка читает внуку сказку. После этой сдачи он робко спросил у преподавателя, сколько еще нужно сдать знаков в институте за весь период обучения и нельзя ли это сделать сейчас, чтобы не терять больше времени, которое он очень ценит.

Каждую свободную минуту Дьяков проводил в институтской библиотеке или в общежитии за чтением специальной литературы. Иной раз он с восторгом пытался показать нам решение какой-нибудь математической задачи. А мы смотрели в эту книгу, и у нас было такое состояние, будто вместо русского текста нам показывают китайские иероглифы. От его познаний нас просто оторопь брала.

Зато он мог со своими знаниями, используя зияющие бреши в нашей подготовке, легко нам доказать, что «дважды два - пять», что в треугольнике все внутренние углы могут быть тупыми (в чем, правда, мы никогда не сомневались, имея в виду студенческий треуголь-

ник группы: комсорг - профорг - староста). Он потрясал нас фантастическими идеями, доказывая, что совсем несложно разработать аппарат, с помощью которого можно вдребезги разнести солнце.

Алексею истинное наслаждение доставляли любые точные науки, которые можно постичь с помощью математики: теоретическая механика, сопромат, статика сооружений, теория упругости, конструирование из металла, дерева, железобетона. Но ведь были и неточные науки, в частности философия, политическая экономия, марксизм-ленинизм и ряд других. Он самым добросовестным образом пытался постигать и их, но от этого изучения в глазах Алексея стояла глубокая тоска о бесцельно потерянном времени.

Очень скромный и добрый парень, увлеченный наукой, он не участвовал во многих студенческих мероприятиях: не разгружал вагоны, не веселился на студенческих пирушках, не подделывал билеты на новогодний вечер. Остряков и обидчиков снисходительно прощал, но однажды поставил на место зарвавшегося нахала, правда, своеобразным методом.

Как-то обедал он в нашем институтском кафе. Среди других с ним за столом оказался его сосед по комнате Гена Закляков, парень подвижный, болтливый, нахальный, тощий и, очевидно, постоянно голодный. Пока Лешка осваивал первое, Генка, в спешке умяв первое и второе, неожиданно поддел из Лешкиной тарелки котлету и стремительно ее употребил. Лешка оторопел и несколько мгновений сидел неподвижно. Затем, выхватив ложку из супа, от всей души врезал Генке между глаз, так что брызги полетели во все стороны.

Затем вскочил, своим быстрым утиным шагом направился гон из кафе, оставив на столе недопитый компот. Пока виновник происшествия приходил в себя, Алексей вдруг возвратился к столу и, как показалось всем, решил добавить обидчику - ан нет. Понимая, что повторение наказания снижает его воспитательное значение, он вернулся с другой целью - не дать нахалу допить свой компот: решительно сунул в стакан палец и с удовлетворенным видом покинул кафе...

Дипломная работа Алексея во многом отличалась от нашей. Если мы большую часть своего проекта посвятили графическому исполнению, щеголяя фасадами и отменными отмывками, то в его ра-

боте основная часть была посвящена расчетам какой-то необычно сложной «балки-стенки».

Имея высокий балл за весь курс обучения в институте, Дьяков пользовался правом преимущественного выбора места назначения. Но что ему выбирать? Место мастера на стройке? Для преподавательской работы он тоже вряд ли был пригоден - не хватило бы у него терпения возиться с подобными нам. Оставалось одно - идти в проектанты. Почти тридцать лет он занимался рутинной для него работой, осуществляя сложные динамические и статические расчеты для различных строительных систем. Это, конечно, было поле деятельности, несоизмеримое с его знаниями и талантом...

Весной 91-го мы снова навестили Лешку. Долго добирались до его однокомнатной квартирki на самой окраине города в шлакоблочном трехэтажном доме постройки начала пятидесятых. Его единственная комнатка была завалена технической литературой, академическими журналами, газетами. Свою семью Алексею создать не удалось. Все эти годы он жил с матерью, которой не стало полтора года тому назад. Он остался один на белом свете. Наш приход Алексея страшно обрадовал.

- Леша! Чем ты сейчас занимаешься, где работаешь? Мы слышали, что ты ушел с постылой тебе проектной работы?

- Наконец-то я, кажется, стал заниматься тем, что должен был делать всегда.

- И где ж ты теперь трудишься?

- Я работаю сейчас в лаборатории теоретических исследований института химии Уральского отделения Академии наук СССР.

- Но при чем здесь химия? Ты же строитель!

- Ребята! У меня сейчас очень интересная работа. Если у меня получится все, что задумано, то я, кажется, на пороге открытия. Мне нужно закончить три большие статьи для академических журналов. Надо посмотреть какая будет реакция.

- Ты извини, конечно, нас, но что ты понимаешь в химии?

- Ребята, я понимаю в математике.

Так определилось все - его творческое величие и наша теоретическая некомпетентность.

- Слушайте! Как хорошо, что вы приехали! Помогите мне выйти на Бориса. Он знаком с Бушем, Миттераном, Тэтчер. Надо успеть спасти нашу цивилизацию от возможной катастрофы!

Нам стало не по себе. Будь рядом с нами чужие люди, у них наверняка могли возникнуть совсем иные мысли... Неужели он опять собрался бомбить солнце? Но мы же Лешку знали, он просто так говорить не будет.

- Ребята! Я очень дотошно разобрался с той мировой катастрофой, которая чуть не погубила нашу планету много веков назад. Помните всемирный потоп, Атлантиду. Я все рассчитал...

Алексей торопился нам все рассказать, убедить нас, чтобы мы заболели его идеей.

- Я перебрал десятки трактатов и глубоких исследований, связанных со всемирным потопом. Мною прочитаны все дошедшие до нас манускрипты, библия, коран. Это все может в любое время повториться с нашей цивилизацией.

Алексей протянул нам «Известия» за ноябрь 1990 года. В газете была публикация о прохождении рядом с Землей огромного астероида, орбита которого с орбитой Земли не сошлась всего на шесть часов.

А масса у этого астероида была практически такая же, как и у того, который вызвал всемирную катастрофу.

- А если бы? Но ведь мы сегодня можем противостоять возможной трагедии! Наша космическая система «Энергия» способная поднять нужный вес. Да и у американцев есть все необходимое...

И он начал нам показывать свои расчеты, рассказывать свои предложения, свои идеи.

- Нужно торопиться! На реализацию этого проекта может уйти с десятков лет.

Казалось, что с нами происходит какое-то булгаковское наваждение. Но ведь Дьяков прав! Люди! Где вы? Прислушайтесь к Леше!

- Леша! Остановись! Мы все уже поняли. Расскажи-ка лучше, дружок, в качестве кого ты сейчас работаешь и что платят тебе за доблестный труд?

- Я сейчас старший научный сотрудник. А платят мне уже двести двадцать. Нам пока хватает. . .

- Кому нам?

- Тюлька, иди сюда!

Из коридора на Лешкин зов в комнату мягко вошел кот. Обычный кот, если бы это был пес, то сказали бы «дворняжка».

- Нам с Тюлькой пока хватает. Мне, ребята, без него было бы очень плохо. Все-таки живая душа...

Милый, добрый Лешка, русский Дон Кихот, готовый за двести двадцать рублей спасти человечество. Говорят, у человека бывает такое ощущение: как острым ножом по сердцу. Наверное, и у нас в этот момент было такое же состояние.

Как, Леша, ты был прав, когда говорил, что любая наука подвластна математике. Правда, ты делал оговорку, что это не распространяется на идеологию. Но сама жизнь поставила после августовского путча огромный математический минус на ждановско-сусловской идеологии. Жаль только, что погублено столько прекрасных жизней, столько талантов, в том числе и твой. Эх, Лешка, Лешка! Не разгорелась твоя звезда, много Россия потеряла, а всего-то из-за какого-то пустячка: анкетка помешала...

КРУГЛЫЕ ДАТЫ ЕЛЬЦИНА

Тоже есть что вспомнить. На его сорокалетие идея подарка пришла от незабвенного Остапа Бендера! К этому времени мебель у них заметно обветшала, и друзья решили купить по стулу, придя к выводу, что такой подарок будет очень кстати. Приобрели, естественно, классическое число - двенадцать. На тыльной стороне каждого сиденья написали «мастерь Гамбсь», а поскольку стулья оказались «а ля Вена», повесили их себе на шею и расположились вдоль лестничных перил. Позвонили в квартиру Ельциных. Что было дальше - пусть вам подскажет собственная фантазия, но дверь в квартиру периодически вздрагивала от взрывов хохота.

Потом подобралось его пятидесятилетие. Борис уже занимал положение первого лица в области, а нам очень хотелось подчеркнуть, что он по-прежнему наш. Решили собрать все имевшиеся у нас негативы фотографий студенческих лет и наших встреч. Заказали великолепный кожаный фотоальбом, куда и поместили около ста памятных для нас фотографий разной поры, большинство которых Ельциным известны не были. Подарок получился на славу и Борису очень понравился.

Те, кому уже за пятьдесят, знают, что после этой даты время летит очень быстро. Приближался февраль 1991 года, а с ним и шестидесятилетие Бориса. Нашему оргкомитету было над чем задуматься. За последние пять лет на долю Ельцина выпало столько испытаний, головокружительных взлетов и падений!.. Зная ельцинское неприятие разного рода юбилеев, мы не представляли, с какого боку подступить. Но и пропускать такую важную дату в его жизни не имели права: взваливая на себя все большую тяжесть и поднимаясь на вершину российской власти, он не переставал быть нашим товарищем и однокашником.

Поручили мне связаться с Ельциными, рассказать им о наших намерениях поздравить Бориса.

Безусловно, вы будете желанными гостями. Но послать каждому письменное приглашение я не смогу: во-первых, у меня не все адреса есть, а во-вторых, представьте себе, что мое приглашение кто-то может посчитать обязательным и ему неудобно будет отказать. Поэтому передайте всем, что все вы желанные гости и всем, кто придет, я буду рад.

Это был сигнал к действию. Срочно связались со Свердловском, Уфой, Псковом, Запорожьем, Феодосией. Согласие друзей было получено и нетрадиционный юбилейный сбор одобрен.

Опять возникла проблема подарка. Известный пермский архитектор, тоже выпускник УПИ Михаил Футлик свел меня с талантливым скульптором Юрием Федоровичем Екубенко, и маленький художественный совет остановился на деревянной скульптуре. Пермь традиционно славится своей уникальной деревянной скульптурой, так что подарок в этом материале был вполне правомерен. Предложили «изваять» фигуру Ельцина в полный рост.

- Он не лишен чувства юмора? - спросил скульптор.

- Можете не сомневаться!

За полтора месяца искусный мастер выполнил скульптуру, отмеченную доброй иронией, прекрасно передающую и сходство с оригиналом, и состояние этого самого оригинала: человек за голову схватился - что творится с Россией?! А чтобы подчеркнуть характер Ельцина, постамент скульптуры сделали овальным и залили в него свинец. Деревянное изваяние сделалось абсолютно устойчивым: сколько его ни толкай, наш герой возвращается в вертикальное положение. Намек был предельно понятным.

В Москву на юбилей Бориса нас, однокашников, собралось около двадцати человек. Местом сбора определили рабочий кабинет Каминского на Садово-Кудринской. Первый день февраля в столице был достаточно морозным, и очень кстати оказался горячий чай, кофе и еще кое-что, чем нас потчевал хлебосольный Каминский. Да и в сумках наших женщин еще не остыли домашние пироги. Немножко задерживались рейсы из Свердловска, но к полудню мы уже были в

большинстве. Чтобы соблюсти все традиции, нам предстояло еще много работы: готовился специальный выпуск нашей газеты, дорабатывались идеи приветствия, нужно было еще продумать все ритуалы, тем более, мы понимали, что будем не одни, и как там воспримет кто-то наши студенческие штучки...

С Садово-Кудринской отправились в подмосковное село Голубое. Там был пионерский лагерь Совмина России, который зимой использовали как однодневную дачу отдыха. Потом нам стало известно, что Ельцин на свои «кровные» купил для нас путевки на эту базу.

Времени было в обрез. Архив нашей группы с юбилейными выпусками стенных газет сейчас хранится в Москве. Решили привезти его в Голубое. Быстренько отреставрировали, что смогли, завершили выпуск нового номера, и все это развесили в фойе столовой. Против входа присобачили два больших бумажных полотнища с цифрами «6» и «0». Кто-то подсказал повесить шестерку вверх ногами и проверить реакцию Ельцина на эту шутку, но его не поддержали. Чувствовалась какая-то напряженность, чего раньше с нами не было. Очевидно, общественное положение Бориса начало сковывать нас.

Ельцин появился неожиданно, уже в восьмом часу вечера. В этот день шло очередное заседание сессии Верховного Совета России, и в конце дня депутаты приняли решение, что субботний день они желают сделать днем отдыха. Эта маленькая хитрость демонстрировала уважение депутатов к своему Председателю и давала ему возможность спокойно отметить свое шестидесятилетие.

Встреча с друзьями была радостной и желанной. Волнение Бориса выдавали его глаза. Каждого из нас он обнял, прижал, каждому сказал несколько теплых слов. А потом увидел полотнища наших студенческих газет, и никакой силой уже нельзя было его от них оторвать.

Тем временем стали подъезжать другие гости. Мы, откровенно говоря, немножко тревожились, не окажемся ли мы в кругу избранных, но, к нашему общему удовольствию, фракки, горжетки, бриллианты, генеральские лампасы и звезды отсутствовали. Были только друзья и единомышленники. Правда, многих мы уже хорошо знали благодаря телевидению. Но это были те, кто в кругу демократически

настроенных слоев нашего общества пользуются уважением: академики Рыжов и Емельянов, космонавт Волк, депутаты ВС России Полторанин, Бурбулис, Ярошенко, помощник Суханов. А главное, были родные и близкие Бориса и Наи. Мы были очень рады, что приехала мама Бориса Клавдия Васильевна с дочерью и сыном. А поскольку мы сами народ компанейский, то поняли, что оказались в кругу своих, и нашу скованность как рукой сняло.

После дружеских тостов и приветствий, среди которых прозвучало и наше студенческое, вызвавшее, у присутствующих неоднократные раскаты смеха, сбились в кучку и пошли песни. Незаурядно владея гитарой, включился в нашу компанию Лев Суханов, все стало для нас привычно, близко, и нужно было видеть, с каким удовольствием пел вместе с нами Борис.

А потом, несмотря на мороз, собрались во дворе базы. На пионерской костровой площадке запылал большой костер, и поплыли по Подмосковию наши, уральские: «Что стоишь, качаясь, тонкая рябина?», «Если вы не бывали в Свердловске...», и наша студенческая солдатская:

*Шел солдат своей дорогой,
Сердце девичье заметил.
Положил в походный ранец
И понес сквозь дым и ветер...*

Утром следующего дня гости разъехались. На базе остались только родные и близкие, да мы, однокашники Ельциных. Мы просто не верили такому подарку: Борис и Ная будут весь день только с нами!

Это был великолепный день. Мы отвели, что называется, душу. То тут, то там возникали беседы, и хотя мы старались как можно меньше их политизировать, увы, нам это плохо удавалось.

В тот день все мы слились в одну семью. Ельциных волновало все: как здоровье наших родителей, что нового на работе... Они знают наших детей по именам, и их живо интересовало, как у тех складывается жизнь. Все вместе порадовались, что из наших внуков уже можно сформировать несколько групп в детском саду, хотя тут же выяснялось, что многие из них уже школьники.

Мы просили Бориса и Наю беречь себя. А они с любовью и надеждой глядели на нас. И мы чувствовали, как нужны им.

Так была устроена жизнь руководителей нашего государства, что мы никогда и ничего не знали о взаимоотношениях вождей со своими друзьями, если они, конечно, были. Сложилось впечатление, что жили они сами по себе, в безвоздушном пространстве. Этого не скажешь о Ельцине. Для него друзья - глоток свежего воздуха в душном помещении. В книге «Исповедь на заданную тему» он пишет:

«У нас сложились удивительные, теплые и искренние отношения. И здесь можно привести один факт. Когда произошла драматичная ситуация после октябрьского Пленума ЦК 1987 года, они все откликнулись, чтобы поддержать меня.

Конечно, это настоящие друзья».

40 ЛЕТ ДРУЖБЫ

Что ни говорите, но юбилеи в России любят. И поэтому, когда подошло сорокалетие нашего выпуска, мы не могли не организовать нашу юбилейную встречу. Но как это сделать? Все уже достигли пенсионного возраста, часть наших однокашников уже прекратила работать. Поездки, подобные тем, которые мы совершали в предыдущие встречи, многим уже оказались не по карману. И тем не менее отказать себе во встрече через сорок лет после окончания института не могли.

Было предложено два варианта: либо снова собраться в Свердловске, но в этом случае приезд на встречу Ельциных был призрачным, или собраться где-нибудь под Москвой, тогда и у Бориса появилась возможность хотя бы повидаться.

Стали наводить справки: во что может нам обойтись декадное пребывание в подмосковном пансионате? Когда получили информацию, стало ясно, что нашему большинству такая поездка не по карману. Что же делать? Звоню Нае, что встреча может не получиться. «Саша! Так нельзя. Борис будет очень огорчен». «Это я понимаю, но у меня нет приемлемых вариантов. Договорись с Борисом, чтобы я подъехал обсудить проблему, может и найдем какой выход».

Через пару дней звонок: «Приезжай!»

Вместе с А. Каминским Борис нас принял в санатории в Барвихе. Так получилось, что это был День строителя, так что был еще и повод поздравить друг друга с нашим праздником. Вариант, даже если бы у нас и была возможность самостоятельно собраться под Москвой, был бы, конечно, не проходной. Просто не позволила бы охрана Президента. «Саша, ребятам передай, что встречу обязательно проведем, а я в этом вам помогу». «Тогда к тебе, Борис, две просьбы: будешь ли ты с нами, если да - то сколько дней и когда?» Конечно, моя просьба была нахальной: это каким же надо быть дилетантом, чтобы

просить у Президента страны для студенческой встречи дни, когда график его работы расписан по часам, практически без выходных дней и не меньше, чем на полгода вперед? Когда Борис улыбнулся, мне стало понятно, какую глупость я сморозил. «Буду, буду и целых два дня. Запоминай когда. А какая вторая просьба?» «Покажи нам побольше Кремль». «Будет вам и Кремль и такое, что никто не видит». «Если не секрет, то что ж это такое?» «Свожу к себе в кабинет». «А что, разве там никто не бывает?» «Никто, кроме моих помощников, а для официальных и рабочих встреч есть другие помещения».

Наш сбор был назначен на 3 сентября у фонтана Большого театра. За нами приехала Ная и увезла автобусом в пансионат «Бор», что расположился в Подмоскowie на берегу небольшой речки. А на следующий день, как и обещал, Борис прилетел к нам на вертолете. Погода, хотя и сентябрьская, стояла отменная. Мы практически весь день находились на открытом воздухе, в парке пансионата. Наговорились и напелись досыта. Борис каждому подарил только что вышедшую его книгу «Записки президента» с автографом.

Два дня пролетели как один миг. На следующий день мы были приглашены в Кремль. Мы осмотрели Алмазный фонд и царские палаты. Долго не могли прийти в себя от увиденной красоты: Георгиевский, Екатерининский, Владимирский залы. А потом нас пригласили в приемную Президента России. Очевидно, для сотрудников аппарата президента мы были необычными посетителями, поскольку на нас смотрели удивленными глазами. Нашим гидом был сам Борис, который подробно рассказал назначение разных залов.

Его кабинет оказался совсем небольшим: большой письменный стол, два кресла для помощников, личные фотографии на полочках, в том числе и известная фотография на танке, бронзовые статуэтки Петра I и Екатерины II. К кабинету примыкает совсем небольшая комнатка отдыха с диваном, книжным шкафом и портретом мамы Клавдии Васильевны. Не могли не проверить и санузел: он оказался предельно простым - умывальник, душевая за остекленной перегородкой, унитаз - все, как должно быть у людей.

Жаль, конечно, было расставаться. Спросили, как его настроение? Борис совершенно откровенно заявил, что эти два дня пребыва-

ния с однокашниками позволили ему полностью расслабиться, отдохнуть и телом и душой. А что касается работы и забот - то этого хватит на всю оставшуюся жизнь. Чувствовалось, что со здоровьем у него не все в порядке, это был не тот подвижный Борис, каким мы его всегда знали. Нет, он не жаловался на здоровье, но было видно, что ему трудно преодолевать подъемы. А впереди был жестокий выборный год, такая трудная победа и операция на сердце. И, слава Богу, что все это уже позади - мы видим, как он набирает привычную форму и становится прежним боевым Ельциным.

А мы пробыли в «Бору» еще неделю. Ная осталась с нами, и мы воспользовались возможностью посетить «Поклонную гору», Пушкинский музей, побывали в театре на Таганке, став гостями Л. Дурова и других актеров этого театра.

И снова мы расставались на очередную пятилетку. Как там сложится наша жизнь? Станет ли легче жизнь в России? Не ждут ли нас снова катаклизмы? Поживем - увидим. Хотелось, чтоб это было лучше, а не как всегда.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ЗАПИСКИ СТРОИТЕЛЯ

О ТОМ, ЧТО РАНЬШЕ БЫЛО СЕКРЕТОМ

Как я уже писал, мы с Ритой получили назначение в Пермь, в Кировский район, на предприятие п/я № 752 организации п/я 200, принадлежавших Министерству сельскохозяйственного машиностроения. Когда мы прибыли на место назначения, то выяснилось, что эта организация никакого отношения к селу не имеет, а просто это было СМУ-1 треста 6.

Такая засекреченность, очевидно, была вызвана необходимостью сбить с толку заморских шпионов, но удалось ли это сделать - известно только компетентным органам.

Впрочем, для такой засекреченности были основания - наше СМУ вело работы на пороховом заводе, который сегодня широко известен, как завод имени Кирова. Это серьезное предприятие оборонной промышленности. Строить его начали еще в 1934 году. На базе первых строительных организаций, которые дали жизнь и предприятию, и Кировскому району, в январе 1938 года был создан государственный союзный трест № 29.

В 1957 году все строительные организации Кировского района были объединены Пермским Совнархозом в единый трест, а поскольку объединенным организациям присваивали новые порядковые номера, то появился трест 6/29. Пожалуй, это единственная строительная организация в бывшем СССР, получившая такой необычный номер с дробью. Причина была объективная: в 1945 году наш трест получил боевой орден Отечественной войны первой степени, и для того, чтобы сохранить историческую преемственность, у треста появилась эта необычная дробь. Теперь читателю должно стать понятно, чем во время войны занимались строители этого треста. Впрочем, и сам за-

вод получил за войну боевую награду - орден Боевого Красного знамени.

Хотя моим первым объектом был сугубо гражданский объект - школа ФЗО № 1 (ныне ПТУ-27), когда я начал работать начальником участка, то по самые уши влез в строительство новых объектов для завода.

Здания и сооружения завода, наспех построенные в довоенные, а особенно в военные годы (многие из них были деревянные или из шлакоблоков), требовали замены или реконструкции. Для справки: до войны в Союзе было всего три крупных пороховых предприятия. С началом войны в оккупацию попали два из них. Можно себе представить, какая нагрузка пала на пермский завод. И по сию пору заводчане гордятся, что каждый второй залп «катюш» в годы войны был на какамских порохах.

Строили мы много и без работы не сидели. Главной нашей проблемой были люди, и не просто строители: для того чтобы им попасть на нашу стройку, они должны были иметь специальный допуск, да на каждый объект разный, тут только «формой три» не отделаешься.

СМУ очень большую помощь оказывал заказчик: людьми, механизмами, транспортом. В январе 1960 года, когда меня назначили начальником стройуправления, директор завода В. И. Шумков пригласил к себе в кабинет. У него я застал всех его заместителей и ведущих руководителей служб завода.

- Я вам представляю нового нашего начальника СМУ. Хочу всех предупредить, что в руках этого пацана (а мне тогда было всего 27 лет) будущее нашего завода. Поэтому всех прошу оказывать ему необходимую помощь. Если кто-то тебе в ней откажет, немедленно сообщай мне.

Тут же вызывает секретаршу и говорит ей, если я буду звонить, немедленно с ним соединять. После такой вводной, конечно, работать было можно. Владимир Иванович впоследствии работал заместителем у председателя Пермского совнархоза А. Г. Солдатов, а позже - в Госплане СССР.

Объекты, откровенно говоря, были несложные, разве что много особенностей, связанных с возможными взрывами: и легкосбра-

сываемые кровли, мощное пожаротушение, и многочисленные обваловки зданий, и подземные патерны (туннели).

А рвались здания действительно часто, и, несмотря на различные предосторожности, внедряемое дистанционное управление с помощью телевидения, взрывы гремели почти каждый квартал. И, к сожалению, не всегда обходилось без жертв.

У меня была большая забота, связанная с любопытством моих строителей. В отличие от заводчан, которые в случае опасности сломя голову бежали от места аварии, мои, наоборот, бежали смотреть на место взрыва. Однажды, после взрыва 71-го здания, мне пришлось получить задание лично от председателя Пермского Совнархоза А. Солдатов. Эта авария произошла крайне несвоевременно - шла война во Вьетнаме и завод работал в три смены.

Так сложилось, что как только гремел взрыв, диспетчер завода об этом немедленно сообщал руководству завода и мне. И тут же начинали соображать: как и что восстанавливать? Так что опыт по восстановлению зданий у нас постепенно накопился немалый.

Завод в начале шестидесятых годов начал осваивать твердые пороха, которые шли на комплектацию отечественных ракет, прежде всего боевых, а затем уже и мирных космических аппаратов. Естественно, мы, строители, об этом знали очень мало.

На завод трижды приезжал генеральный конструктор С. П. Королев. Однажды он побывал и у нас на стройке, в десятом цехе. Честно говоря, мне его фамилия была неизвестна, слух только прошел, что нам нужно ждать генерального конструктора. Но тогда в моем понятии этот главный не ассоциировался с космосом - мало ли какие бывают главные конструкторы.

Я тогда большое внимание уделил министру общего машиностроения Афанасьеву. Для меня он, конечно, был очень большим руководителем. Поскольку объект, на который приехали гости, был под охраной, они приехали без сопровождающих. Десятый цех находился в сосновом бору, где под ногами всегда песок. На территории строительной площадки «Волга» гостей забуксовала, и мне пришлось вместе с коренастым широкоплечим пассажиром подтолкнуть машину из песка и только потом, уже после его смерти, когда средства массо-

вой информации поместили фотографии Главного конструктора, я понял, с кем толкал машину на своей строительной площадке.

Значительно позже, когда мы уже строили новый большой объект, для Пермского завода химического оборудования (новая легенда для маскировки оборонного предприятия) директор завода Валетко сообщил, что должен подъехать с «генеральным», я уже сообщил, что больше меня на «мякине» не проведешь. На этот раз приехал В. П. Мишин, сменивший С. П. Королева после его кончины.

Василий Павлович был правой рукой Королева. Среди ракетчиков была популярна такая прибаутка: «Королев работал на ТАСС, Мишин - на нас, а Н... на унитаз». Почему Мишин работал на нас? Он занимался в основном армейскими ракетами, а Королев теми, о которых сообщало ТАСС.

С Мишиным и Валетко мы осмотрели стройку.

А однажды, это было в феврале 1974 года, когда я уже работал в Главзападуралстрое, мне удалось пробыть с ним в одном купе почти сутки.

Дело обстояло так. Я был в командировке в Москве и как-то очень хотелось, пусть на пару часов, но пораньше приехать домой. И я купил билет не как обычно, на «Каму», а на свердловский «Урал», который уходил тоже с Ярославского вокзала на два часа раньше. Все бы ничего, но у меня постоянная привычка, находясь в Москве, стрелки часов не переводить, и никогда не было сбоя. А тут, как говорят, «и на старуху бывает проруха». Короче говоря, приехал на вокзал за час до отхода поезда, а оказалось, на час опоздал. Пытаюсь разобраться, почему «Урала» еще нет, а мне говорят «Не еще, а уже». А на пути для посадки подают «Каму». Я находился в состоянии стресса: кто часто ездит в командировку, в особенности в столицу, тот возвращается домой, как правило, с последними рублями в кармане. И действительно, в кошельке у меня одна пятерка. Как уехать?

Бегу в кассу: оказывается, ничего страшного - поезд только ушел, за все оформление взяли три рубля, и еще остался рубль на постель. (Дело было в феврале, и пассажиров было очень мало.)

Сажусь в вагон, нахожу свое купе. В вагоне полутемно, большой свет не дают. Минут за пятнадцать до отправления в купе ввали-

ваются три пассажира (как потом выяснилось, третий был провожающий). На лице спутника крайнее удивление от моего присутствия в купе.

Наконец дают большой свет, вижу на лацкане у одного из пассажиров депутатский значок и по разговору понимаю, что они едут в Кудымкар. Начинаю лихорадочно соображать: что депутату надо в Кудымкаре? Вспоминаю, что там должно состояться вручение Коми-Пермяцкому округу ордена Дружбы народов по случаю 50-летия Октября. Постой, а там ведь депутатом должен быть Мишин?

Присматриваюсь - вроде он! В это время к нему спутник обращается: «Василий Павлович...» Точно, он! Но как же так, генеральный конструктор и в «Каме»?

И тут В. П., после того как устроился, обращается ко мне: «Ну, давайте будем знакомиться!»

Я как мог вкратце рассказал о себе, а потом и говорю: «А мне кажется, мы с вами знакомы, Василий Павлович». В этот момент его спутник резко оборачивается и смотрит на меня очень удивленным взглядом...

А дело обстояло так. Мишину действительно нужно было присутствовать на награждении округа. У генерального свой самолет ТУ-134, но увы, была нелетная погода. Пришлось ехать поездом. Но в Кудымкар можно добраться только со станции Менделеево, на которой из попутных поездов останавливается только «Кама». Вагонов «СВ» и даже мягких в «Каме» тогда не было - только купе. Его спутник, который оказался охранником, взял билет по брони ЦК, которая снимается за час до отхода поезда, а я как раз попал в это купе из-за своего опоздания. Но самое интересное, что они рассчитывали проехать инкогнито, а тут первый же встречный пассажир Генерального и опознал.

- Ну, раз мы с тобой знакомы (а я уже объяснил Мишину, где мы встречались), тогда доставай, - обратился он к охраннику.

И перед моими глазами предстал «дипломат», где снизу лежало «питье», а сверху превосходная закуска. Как потом выяснилось, В. П. редко попадал в такую неподконтрольную обстановку и таким образом снимал накопившийся стресс. Через час охранник пригласил

меня в коридор вагона и сказал: «Есть партийное поручение - нам с тобой нужно выпить побольше, чтобы ему поменьше досталось!» Ничего себе порученьице!

В себя я пришел только часов в одиннадцать утра, а поскольку мне рассказывать было нечего, то говорил только Василий Петрович. Это был настолько увлекательный рассказ о космосе, о космонавтах, с такими подробностями, которые не прочтешь ни в одной газете. Я понимал, что никаких секретов он не рассказывал - это были обычные житейские подробности. Нужно сказать, что на долю этого человека выпали катастрофы, которые произошли после Королева: Комаров, трое космонавтов - Добровольский, Пацаев, Волков.

Была первая стыковка с «Апполоном». Я, конечно, боялся задавать вопросы, вдруг спрошу, что-то не то... И все-таки: «Василий Павлович! А почему американцы походили по Луне ногами, а у нас только автомат?» «Американцы на Луну затратили 27 миллиардов долларов, а мы только три... А что можно сделать за три миллиарда?»

До Менделеева мы пролетели, как на самолете. «Приеду домой, никто не поверит, что ехал с Генеральным в одном купе целые сутки! Попросить что ли автограф?» Обращаюсь к Мишину с просьбой что-нибудь написать сыновьям. «А на чем писать будем?» Достāju купленную в Москве книгу летчика-испытателя Шелеста. Подаю. «Знакомые ребята». Листает книгу. «А вот этот Анохин, летчик-испытатель, мой сосед по лестничной площадке».

Выяснилось, что Мишин в молодости жил и работал на Урале, под Свердловском, в КБ известного советского конструктора Болховитинова, автора первого ракетного истребителя. Он лично был знаком с первым испытателем ракетного самолета Бахчиванджи.

А вот и автограф: «Нужно мечтать, без мечты жить нельзя. В. Мишин».

Менделеево. Провожая Мишина к выходу из вагона. На перроне встречающие. Вагон полупустой. Редко где открыта дверь, пассажиры дремлют. И неведомо им, что за стенкой их купе только что был Генеральный Конструктор.

ТОЙКИНО

В шестидесятых годах городские строительные тресты в строительстве объектов на селе большого участия не принимали. Правда, у каждого треста был свой подшефный колхоз, навязанный горкомом партии, где и осуществлялись небольшие стройки. Это уже позднее, когда была принята брежневская продовольственная программа, городским строителям стали поручать строительство на селе крупных сельскохозяйственных комплексов, таких, например, как свинокомплекс «Пермский». А, в основном, тогда с небольшими стройками на селе справлялись сельские строители.

И было удивительно, что в начале шестидесятых годов, когда уже были сверстаны все планы на год, шестому тресту неожиданно поручили организовать в деревне Тойкино Большесосновского района строительство сразу нескольких объектов: общежития для учителей, пекарню, магазин, жилой дом, свинарник, коровник. Эту работу разделили на два строительных управления, в том числе и мое, где я уже второй год работал начальником СМУ.

Поднять людей в командировку не так-то просто. Тем более, когда мы произвели «разведку местности», оказалось, что разместить людей там негде. Возникла проблема и с питанием, так как столовой в деревне тоже не было. А Пермь как-то уж очень неестественно настойчиво давила - почему мы не торопимся посылать людей?

Договорились с молодежью СМУ сформировать отряд, купили палатки, баян, радиоприемник на батарейках, разбили на берегу речки свой палаточный городок, наняли в деревне женщину-кухарку, договорились, чтобы колхоз пек нам хлеб и обеспечивал продуктами. И стройка пошла...

Впервые нам поручили построить сборный коровник на 200 голов с беспривязным содержанием скота. Наверное, для нынешнего читателя-горожанина нужно объяснить разницу между привязным и

беспривязным содержанием: в первом случае каждому животному предназначался свой «бокс», во втором они вольно ходили по помещению, имея свободный доступ к кормам.

За лето мы сумели справиться с порученным заданием, но настаивало пристальное внимание партийных органов. И наконец-то у газеты «Звезда» развязался язык, и стало понятно в эпицентр каких событий попали строители.

А дело было в следующем. В начале 20-х годов вследствие засухи и гражданской войны в России разразился страшный голод, и американские рабочие обратились к Ленину с предложением купить за свои деньги трактора, организовать отряд и оказать помощь российским крестьянам в самом глухом уголке России. Как уж так получилось, что они попали именно в Тойкино, мы следов не нашли, но по этому поводу существовала переписка между Лениным и американскими рабочими, а благодарственное письмо вождя к американскому пролетариату вошло в многотомное ленинское собрание.

Об этом, наверняка, все в Перми забыли и остались в том Тойкино в память об этом событии только остовы нескольких «фордзонов», да, возможно, и ребятишки с американской кровью. Чем же был вызван неожиданный всплеск памяти к Тойкино? По одной из версий в начале шестидесятых годов в Москву приехала туристская группа из Америки, в составе которой был пожилой «механизатор из Тойкино», который обратился с просьбой организовать ему экскурсию на место бывшего «интернационального подвига». Ему, естественно, отказали, но когда он указал на благодарственное письмо Ленина, в Москве зашуршали ленинскими страницами и в Пермь ушел запрос: как там дела в Тойкино и на сколько к лучшему изменилась жизнь? Естественно, что последние изменения в этой деревушке были связаны только с американскими механизаторами. И начался аврал.

К чести своей, закамские строители с задачей успешно справились. Но вдруг, через полгода, из Тойкино пришли две телеграммы. Одна в адрес моего СМУ: срочно нужно переделать коровник из беспривязного содержания в привязное. А вторая - в адрес СМУ-2: построенный вами свинарник падает. Срочно выехали вместе с главным инженером СМУ-2 Р. Я. Цоем в деревню. В обоих случаях проблема

была одна и та же: нечем кормить скотину. На коровнике срочно потребовалось вернуться к индивидуальным стойлам, чтобы была возможность каждой корове выдавать свою «пайку», а то бродят они по всему коровнику и та, которая пошустрее, съедает больше, а та, что послабее - падает с ног. Но на моей стройке, хотя бы претензий не было к качеству работ.

Посложнее оказалось дело в свинарнике, который строил Роман Цой. Нужно было видеть его узкие корейские глазки, когда они стали квадратными от увиденного: свиньи сожрали кирпичный цоколь по периметру свинарника, и он, естественно, начал заваливаться. Оправдываясь, Цой объяснял на парткоме, что свинью ведь нужно еще кормить... Пришлось ему провести реконструкцию свинарника и выполнить цоколь из монолитного железобетона, который оказался свиньям не по клыкам.

Так неожиданно, вместе с моими молодыми строителями мы оказались причастными к этому международному историческому событию.

ТАШКЕНТ

Трудно было предположить, что волны ташкентского землетрясения достигнут Перми. Это произошло 26 апреля 1966 года - сильнейший природный катаклизм разрушил столицу Узбекистана, тогда полуторамиллионный Ташкент. И хотя средства массовой информации сообщили о небольших жертвах, поверить в это было трудно. (Впрочем, к тому времени мы уже научились читать в газетах между строк). Больше всего пострадала центральная часть города, большепролетные помещения кинотеатров, магазины. Крепко досталось и частным глинобитным домикам, которых еще было предостаточно в Ташкенте - те просто рассыпались.

Дата 26 апреля, какая-то роковая для бывшего СССР: ровно через двадцать лет, день в день случилась другая трагедия - черная. И хотя газеты очень скупое рассказывали о размерах разрушений, срочный визит в Ташкент через несколько дней после землетрясения генерального секретаря КПСС с большой свитой авторитетных строителей предсказывал нам: предстоит в этом городе куча работы. И действительно, уже через пару месяцев со всех концов Союза в Ташкент двинулись эшелоны со строительной техникой, материалами и людьми.

Пермским строителям на начальном этапе поручения не было - это, очевидно, было связано с огромным объемом работ в Прикамье, и было не до нас.

Но так продолжалось недолго. В конце января 1967 года меня, тогда главного инженера шестого треста, пригласил начальник Главзападуралстроя А. Ф. Лачинов: «Получено задание Минпромстроя об участии пермяков в восстановлении Ташкента, и это ответственное дело поручается вашему коллективу. Вам нужно уже завтра вылететь в Ташкент и получить документацию - что и где строить. Техникой и материалами мы поможем. С людьми решайте сами!»

Хитрил Анатолий Федорович! Задание Москва давала главку, а не тресту. В других главках создали специальные строительно-монтажные поезда (СМП) с непосредственным подчинением руководству главка, а у нас это поручили напрямую тресту. Такими в Ташкенте оказались только пермяки.

Ничего себе заданье - это тебе не деревня Тойкино, где достаточно было собрать полсотни человек. Здесь же потребуется раз в десять больше! Впрочем, протестовать в наше время было бесполезно, ясно, что это поручение тресту было согласовано с обкомом партии. Единственное, что прошу у Лачинова: «Если я получу согласие строителей других трестов поехать в Ташкент, могу ли я в этом случае рассчитывать на поддержку руководства Главзападурастроя?»

- Ну, если сами согласятся, тогда другое дело...

На следующий день с главным технологом треста М. Ф. Краснянским летим в Ташкент. Летим «на деревню к дедушке». Нет никаких адресов, к кому обращаться? «На месте сами разберетесь!»

Ташкент. Ищем местный Совмин. «Это ребята не к нам. Поезжайте в Чиланзар, там найдете трест Росташстрой, они вам все скажут». Чиланзар - это окраинный район столицы Узбекистана, район новостроек, наподобие московских Черемушек. От землетрясения он не очень пострадал. Находим трест: нас там действительно ждут.

- Строить вам придется в центре города, в Кировском районе. Документацию получите в производственном отделе. Пока вам задание - пять кирпичных пятиэтажек, детский сад на 280 мест и 24 двухэтажных коттеджа.

Спрашиваем, а где нам можно разместить людей?

- Это ваши проблемы. Рекомендуем поехать в Кировский райком партии - там вам помогут подыскать площадку для вашего временного жилья. А на время, пока будете организовываться, дадим для ваших инженерно-технических работников в Чиланзаре на пару месяцев квартиру. А сейчас собирайте технику и людей и приступайте к работе! Кстати, какое выполнение от вас ожидать в феврале?

Едем в Кировский район. Встречаемся с первым секретарем райкома Шаирой Сабировной Ахмедалиевой. Встретила она нас довольно приветливо и познакомила со своим вторым секретарем. Им

оказался русский мужик, почти двухметрового роста, с которым мы обговорили многие технические вопросы, связанные со строительством в их районе. Кстати, тогда для меня это было откровением - первый (будь то обком, горком, исполком, в общем, любое властное учреждение) обязательно из местных второе лицо - обязательно русский. Тогда первым секретарем в Узбекистане был Рашидов, вторым - Ломоносов.

Наше желание сделать свой городок поближе к стройке было вызвано не только экономическими соображениями. Когда мы были в Чиланзаре, получили информацию о здоровенной драке, случившейся здесь накануне нашего приезда. Что-то не поделили двое парней - узбек и русский, из строителей. Возможно причиной конфликта могла быть и девица, но факт есть факт: мужики подрались и обоих задержал наряд узбекской милиции. Но получилось так, что узбека через пару часов отпустили, а наш оказался в кутузке. Друзья драчуна примчались из общежития, ночью подняли группу своих и пошли разбираться в милицию.

Что уж там была за разборка - точно неизвестно, но один из милиционеров выстрелил и ранил одного из спорщиков. Это была искра. Уже через полчаса десятитысячная бригада русских строителей пошла выяснять, что случилось. В результате отделение милиции разгромили. На подмогу вызвали курсантов школы милиции. Рассказывали нам очевидцы, как опрокидывали автобусы, а милицейские мотоциклы летели по воздуху. И хотя с ситуацией правоохранительные органы справились, мы решили, что нам нужно быть подальше от подобных заварушек и лучше всего иметь небольшой, но свой городок.

Нам отвели место, на котором раньше была свалка, неподалеку от парка Победы, на берегу большого арыка.

Возвратившись с документацией в Пермь, стали срочно оформлять заказы для строительства домов. Дело для пермской стройиндустрии оказалось далеко не простым - в связи с сейсмической безопасностью предстояло переделывать оснастку для изготовления железобетонных плит. Стали подбирать необходимую технику, владельцы которой весьма неохотно с ней расставались. Но самое главное -

как подобрать трудовой коллектив: одни желали бы поехать, но в них нет нужды, другие нужны и хотели бы поехать, но не могут оставить детей и стариков, третьим здоровье не позволяет. Что делать? У себя столько людей не найдем.

Пришлось пойти на хитрость. Памятуя мой разговор с начальником главка, что желающих он задерживать не будет, беру с собой в апрельскую командировку двух пермских телевизионщиков: режиссера снять небольшой фильм - «Пермь - Ташкенту». К этому времени мы сумели соорудить из вагончиков свой городок. Пригласили местного садовника - он нам помог бывшую свалку превратить в нечто порядочное. Притащили с Алайского рынка свежие дыни, арбузы, виноград, все это разложили на берегу арыка под развесистой ивой, пригласили к трапезе наших первых строителей. В общем, устроили «Кубанские казаки-2». Заодно показали, как мы доставляем в Ташкент на больших самолетах строителей. Все это пошло в большой передаче по пермскому телевидению.

Это увидела и область. Рассказали, что кто поедет в командировку, у того для семьи сохраняется половина пермской заработной платы. Короче говоря, впервые воспользовался рекламой. Сообщили номер трестовского телефона. И к нам хлынули заявления. Появилась возможность выбора квалифицированных, надежных людей. За неделю поступило свыше трехсот заявлений, иногда и от целых бригад. Лачинов был ошарашен нашей оперативностью и хитростью, но от данного им слова уже отказаться не мог.

В одну из своих командировок я реально почувствовал, что значит власть. Находясь у управляющего Росташстроем, на его вопрос, почему мы задерживаем отгрузку техники, я имел неосторожность сказать:

- Вся беда в железнодорожниках - не могут подать вагоны, а у нас все готово.

Врал я, конечно, но как-то надо оправдываться. Управляющий на мою «липу» снимает трубку телефона с гербом СССР (потом я понял, что это была правительственная связь) и, набрав московский номер, сообщает собеседнику о моей информации. «Сколько им нужно

вагонов?» «Да, штук сорок». «Будут у вас вагоны, возвращайтесь в Пермь и грузите!»

И когда я на следующее утро появился в тресте, там уже царил паника. На базу УПТК железнодорожники поставили почти полсотни платформ, а грузить на них было нечего. И хотя я за эту провокацию получил большой нагоняй - дело было сделано, техника нашлась стремительно и поехала в Узбекистан.

От моих ташкентских командировок веяло какой-то непредсказуемостью. Поконтролировать ход работ этой ответственной всесоюзной стройки было достаточно много начальников, в связи с этим мне очень часто приходилось стоять «у края стола».

Однажды я возвратился из очередной поездки в Ташкент, только добрался до дома, как звонок из главка. «Будете говорить с Лачиновым». Что за нетерпение? В трубке: «Ну как дела?» Начинаю рассказывать.

- А тебе разве не передали, что завтра в Ташкенте будет замминистра Чиж и ты должен дать ему необходимую информацию?

- Первый раз слышу...

- Это очень плохо, тебе нужно немедленно возвратиться в Ташкент, и к утру быть готовым с докладом!

Я аж поперхнулся: у меня ни командировки, ни денег... Пытаюсь объяснить.

- Да все решено, сейчас тебе все домой привезут.

- Анатолий Федорович! Так ведь и самолета в Ташкент уже нет, рейс очередной из Перми будет только послезавтра!

- Что ты мне рассказываешь? Разве самолеты в Ташкент летают только из Перми? Есть Москва, Владивосток, наконец. Разберешься с Аэрофлотом.

Команда есть команда. Звоню на работу жене, что вынужден возвратиться в Ташкент. В аэропорту изучаю расписание и ночью, через Куйбышев возвращаюсь в Узбекистан. Нужно было поутру видеть выражение лица главного инженера нашего СМП Ю. Мороза, который меня накануне проводил в Пермь чуть не до трапа самолета.

А однажды, и того круче. Снова звонок Лачинова:

- В понедельник в Москве совещание в министерстве по Ташкенту. Вам надо там быть с докладом! Кстати, давно не были там?

- Недели две.

- Ой, много! Тогда обязательно перед совещанием слетайте в Ташкент!

А разговор-то был в пятницу, накануне объявленного совещания. Так что, сначала летел в Ташкент за информацией, а оттуда уже в столицу «на ковер».

Чем запомнилась стройка в Ташкенте? Это бесконечное тепло, а в разгар лета - зной и пыль. Жару нам оказалось переносить сложнее, чем люгые уральские морозы. Работу свою организовывали так, что трудились утром и вечером, а днем на четыре-пять часов устраивали перерыв. Оторванность от наших строительных баз. Все нужно было везти из Перми. В Узбекистане мы получали только цемент и кирпич. Сломался подшипник у механизма - звонок или телеграмма в Пермь, и нарочный в кармане вез на самолете нужный подшипник. В музее шестого треста сохранилась ташкентская телеграмма, где просят срочно прислать сто штук веников - «не можем сдать дом».

Оставили после себя пермские строители и большие дома, и детский сад, и коттеджи - в полном соответствии с полученным заданием. Да еще дополнительно производственный корпус для одного из пищевых комбинатов.

Больше всего хлопот нам доставили эти злополучные коттеджи. Идея их строительства звучала до примитивности просто - поскольку глинобитные дома, в которых веками жили многодетные узбекские семьи, побиты, для них нужно построить отдельное современное жилье. Это были по тем временам великолепные и дорогие дома, площадью каждый метров по сто пятьдесят, двухэтажные, с индивидуальными двориками, раздвигающимися межкомнатными перегородками. Хорошие дома. Нам и в голову не пришло, что наши трудности начнутся при сдаче в эксплуатацию, когда объявятся эти «многодетные семьи».

Строители раньше, как правило, не знали своих будущих жильцов - комиссия дома примет, недоделки устранят, ключи передадут управдома и айда на новую стройку. А тут пришли домики прини-

мать после госкомиссии сами жильцы. Оказалось, что «многодетность» была очередной советской легендой. Квартирки предназначались для городской элиты - прокуроров, милицеских чинов, заместителей председателя горисполкома. А основными приемщиками работы оказались их жены. Выглядело это приблизительно так: «Вот эту стеночку надо сделать розовенькой, а ту - голубой». Проходит несколько дней, все покрасили: «Ой, я не думала, что так получится - перекрасьте, пожалуйста, и сделайте ее желтенькой!» Это еще что, а другой раз просили и комнаты поменять местами. Скрипели зубами и делали.

Пермское начальство в Ташкенте нас очень редко посещало. Запомнился приезд Л. П. Липатова. Совещание проходило на очень высоком уровне, и главного инженера треста для этого «уровня» было уже мало.

Идет совещание. На столах минеральная вода и для нас диковинные фрукты: персики, сливы, виноград и прочие «заморские дефициты». «Угощайтесь, Леонид Петрович!» «Нет, спасибо, только водички».

Выходим с этого совещания. «Ну как можно обсуждать серьезные вопросы, когда по морде расползается персик, тьфу на них», - говорит Липатов. Он, конечно, был прав.

Ташкентский опыт оказался весьма ценным для многих участников восстановления города. Дальность строительных баз, личная ответственность руководителя за порученное дело, отсутствие дышащих в затылок начальников, обмен опытом с другими участниками ташкентской эпопеи - это дало всем нам очень многое. Я был искренне рад, когда несколько человек из нашего СМП без участия Перми были награждены правительством, в том числе и его начальник Геннадий Суцевский. Многие «ташкентцы» получили нагрудные медали «Строителю Ташкента». Такая узбекская награда досталась и мне, я ею очень дорожу. Мельхиоровый шестигранник, на котором изображен жилой дом на фоне расцветающего розового цветка хлопка.

Сложным оказался и наш «уход» из Ташкента. Вроде бы внешне не было никаких препятствий: все объекты сданы, на руках акты государственных комиссий, но... Мы обратились в Минпромстрой за

разрешением на ликвидацию нашего Пермского СМП. Министерство не против, но получите согласие от треста «Росташстрой». Нет проблем - обращаемся в трест. «У вас все в порядке, но возьмите справку в Ташкентском горисполкоме, что к вам у города нет претензий». Идем в горисполком. «Вообще-то мы вас не знаем, поэтому получите справки в жэках, для которых вы строили дома». Идем в жэки. «У нас, ребята, к вам вопросов нет. Знаем, что документы все в порядке, замечания устранены, но вы же знаете сложившуюся ситуацию, поэтому вам нужно получить справки от каждого квартирисьемщика, проживающего в вашем жилье, что у него к вам нет претензий...!»

Два слова о «сложившейся ситуации»: зима 70-71 года оказалась в Ташкенте не на шутку суровой, мороз в отдельные ночи достигал 30 градусов. Эта температура для города оказалась не менее катастрофичной, чем землетрясение. Люди начали в квартирах жечь «козлы», проводка не выдержала и погорела, а была-то она скрытая. Где-то перемерз водопровод - и пошло-поехало.

И вот в такой ситуации надо было брать справки от каждого жильца. Это был сумасшедший дом - кому ремонтировали, от кого-то откупались деньгами или спиртным. Аппетиты, у ташкентцев оказались еще те. И на всю эту канитель у нас ушли почти полгода и масса неучтенных средств. Как ни вспомнить уважаемого Остапа Ибрагимовича, учившего, что «нужно уметь вовремя «смыться». Нам не повезло - не успели...

ГОРНОЗАВОДСК

Не думали, не гадали в шестом тресте, что опыт строительства в Ташкенте сыграет с этим коллективом такую злую шутку. Тресту в самом конце шестидесятых поручили принять от Кизеловского треста Пашийское управление и организовать строительство третьей очереди Горнозаводского цементного завода.

Горнозаводск - маленький городок с 12 тысячами населения на северо-западе Пермской области. Известен он только одним предприятием - цементным заводом, да и городом-то он стал благодаря этому производству. Правда, в его черту вошел и поселок Старая Пашия (до своего появления как город был поселок Новая Пашия), в котором уже почти двести лет существует металлургическое производство - Пашийский цементно-металлургический завод, дошедший до нас, кажется, от графа Шувалова.

До появления здесь закамских строителей на заводе было пять технологических линий, построенных в начале пятидесятых годов из оборудования, поступившего по репарациям из побежденной Германии. Бурное развитие Прикамья требовало много строительных материалов, и прежде всего, цемента, благо месторождение горнозаводских известняков по качеству и количеству такое, какое не везде в России и сыщешь.

Правительство приняло решение о строительстве третьей очереди завода в составе двух технологических ниток, равных по мощности пяти предыдущим. Достаточно сказать, что только цементные печи имели длину 185 метров, а диаметр 6,5 метра - чем не тоннель для метро!

Приняв Пашийское СУ с очень маленькой и устаревшей базой, прежде всего начали ломать голову какими же силами будем строить?

Горнозаводск - не Ташкент, и тут уж третью серию «Кубанских казаков» не создашь. Мало того, что на месте не было людей, которые могли бы принять участие в строительстве. Даже если бы мы и суме-

ли их найти, то куда их поселить? Пришлось срочно строить жилье. Для этих целей из крупных шлакоблоков построили пятиэтажный 129 квартирный дом.

А поскольку строительство его закончили зимой, снаружи его оштукатурить не смогли и вид у этого жилья был основательно «побитый», за что его местные жители называли «рейхстагом». Поселили мы в этом «рейхстаге» тысячу «условников». Для современного молодого строителя это название ничего не говорит. Это были люди осужденные (две категории: условно-осужденные и условно-освобожденные - первые из суда попадали прямо на стройку, не побывав в колонии, вторые - досрочно условно освобождались «за хорошее поведение» в лагере с отбыванием оставшейся части наказания на стройке).

Стыдно в этом сейчас признаваться, но в то время на стройке был почти подневольный труд. И, действительно, для строительства в Горнозаводске требовалось три тысячи рабочих рук, а в управлении, которое мы приняли, было не более ста человек. Добровольцев, увы, на эту стройку не было. Что у нас было в перспективе: «вербованные» - люди, не имевшие специальности и крова, заключали контракт, получали невеликие «подъемные», вербовались на несколько лет на стройку. Но исчезали они так же быстро, как и появлялись.

По недоброй советской традиции на многих стройках часто использовался труд заключенных. Не дай Бог работать с подобным «контингентом» - у них «абы день прошел», а вреда они наносили объектам больше, чем пользы.

Еще были так называемые «комсомольские стройки» под эгидой ЦК ВЛКСМ, по существу, те же вербованные. Позднее на ответственных стройках появлялись «стройбаты» - это воинские подразделения, солдатам которых по той или иной причине нельзя было доверять оружие: либо бывшие уголовники, либо просто дебилы, иногда, хотя и нормальные, ребята из Среднеазиатских республик, не знавшие русского языка и зачастую просто неграмотные. А самый большой отряд «строителей коммунизма» составляли так называемые «химики», те же условники, которых направляли на строительство объектов химии.

Предполагалось, что наши условники, не такие уж злостные преступники, а вроде только оступившиеся люди, которые либо имели первую судимость и в тюрьме еще не побывали, либо имели не-

большие сроки и за примерное поведение досрочно освобождались. Частично так и было. Но мы столкнулись и с такой проблемой, что город был не в состоянии обеспечить нас всем необходимым из-за отсутствия специалистов. Мы по заявке секретаря горкома находили нужных людей среди своих «химиков». Так объявились врачи, юристы, пекари на хлебозавод, и преподаватели в школы города. Не могу забыть скандал, который разразился, когда первый секретарь Горнозаводского горкома ВЛКСМ вышла замуж за нашего условника: девушку сняли с работы, а пермский обком даже исключил ее из партии - «жуткое преступление»! А потом мы узнали, что жених был москвичом, совершившим на мотоцикле дорожно-транспортное происшествие (кого-то неудачно зацепил и стал условником). Ну и что? В чем же здесь был «состав преступления» перед партией? Оставалось только чертыхнуться и пожалеть бывшую комсомольскую богиню.

Однако, далеко не все наши клиенты были пайныками. Посещая «рейхстаг» и знакомясь с поступившим пополнением, в одной из комнат я обратил внимание, что молодой мужчина лет этак под тридцать пять обращаясь ко мне, неоднократно прибавлял «гражданин начальник». Партия условников поступила с первой судимостью, вроде бы в лагере не должна была быть, да и сроки у них не велики: всего до трех лет, а он к каждому предложению «гражданин начальник».

Спрашиваю, где он при первой судимости так быстро сумел принять лагерные правила?

- Да что вы, гражданин начальник! Это у меня седьмая судимость!

- Как так, не может быть, вы освобождены по указу - должна быть только одна?

- Все правильно, только вы не забывайте, что была амнистия и с меня шесть предыдущих судимостей сняли! Так я к вам и попал, как по первой, гражданин начальник!

Очевидно, нет нужды подробно рассказывать как воздвигалась третья очередь завода - это был большой комплекс зданий и сооружений различной сложности, но от каждой стройки в памяти остаются какие-то трагикомичные моменты, которые трудно забыть.

Нашим куратором от Главзапуралстроя был замначальника главка М. А. Двейрин. Кто помнит Михаила Абрамовича, тот не может забыть его напор, настырность и нетерпимость. Если что-то мож-

но сделать сегодня, а не завтра, он на этом настаивал, хотя не всегда эта торопливость была и нужна. Готовили к пусконаладочным работам седьмую печь. Решили устроить для строителей маленький праздник: пригласили ответственных гостей, духовой оркестр, устроили небольшой митинг в районе «горячего конца» печи. Собралось так с сотню человек. В связи с какими-то недоделками, затянули розжиг печи часов до восьми вечера.

А вот и сама процедура зажжения печи. Открываются задвижки пуска газа и в огромный тоннель со свистом стал поступать газ. Приготовили длинный факел, который в специальное окно стали подавать в печь. Произошла какая-то заминка с розжигом, печь переполнили газом и когда горящий факел оказался в чреве печи раздался взрыв. Нет, трагедии не произошло, никто не пострадал, но все участники митинга в результате хлопка оказались в пыли и саже - нужно было видеть эти чумазые лица гостей и начальства, почерневшие трубы духового оркестра. И вместо банкета пришлось участникам митинга идти в бытовку, в душевую.

В результате хлопка пострадала только обмуровка горячего конца печи. Уже через пару часов были собраны люди, чтобы разобрать завал. А Двейрин принимает решение - уже ночью приступить к обновлению футеровки печи. Прораб огнеупорщиков жил в Чусовом, адреса его у нас не было. Двейрин в час ночи на квартире находит первого секретаря горкома и просит его помочь найти и доставить этого прораба немедленно в Горнозаводск.

Где-то в третьем часу ночи к дому прораба на мотоцикле подъехал милиционер, будит семью. «В Горнозаводске произошла авария, мне велено забрать вашего мужа и доставить его в Горнозаводск». Испуганная семья, провожала бедного прораба в дорогу, как в тюрьму, собрали для него одежду, узелок с едой и со слезами простилась. Так он был и доставлен под конвоем на стройку, где его уже никто не ждал, все ушли спать, а бедолага всю ночь промучился в кутузке, не предполагая в чем его вина.

Другой запомнившийся случай произошел при строительстве большого шламбассейна. Здесь был забетонирован большой резервуар, в котором специальными круговыми мешалками перемешивался молотый известковый шлам с глиной, который потом подавался на спекание клинкера в печь. По правде говоря, любой резервуар, в кото-

ром должна находится жидкость, должен пройти предварительное гидравлическое испытание на непроницаемость. В нашем случае оно было бессмысленным, поскольку возможные поры в бетоне (а они у нас наверняка были) должны были затянуться глиной, и резервуар сам собой должен был стать герметичным.

Однако заказчик стал настаивать на своем и юридически работа была на его стороне. Испытание, а главное доводка до непроницаемости, вещь очень трудоемкая, а главное - непредсказуемая по срокам. В общем, график начинает трещать по швам.

Иду в бригаду и ставлю задачу бригадиру А. П. Гришину: «Саша, надо выручать - сколько времени и что это будет стоить?»

«Николаич! Тебе нужно сдать или испытать?»

«Течь резервуар во время эксплуатации не будет, сейчас главное его испытать, чтобы он не потек, и предъявить комиссии».

«Давай, начальник, сделаем так. Завтра суббота, я бригаду в Пермь не отправлю. Дай мне на выходные грузовичок, а сам поезжай отдыхать. Приедешь в понедельник - принимай работу».

«Саша, ты что задумал?»

«Приедешь - увидишь!»

В понедельник с электрички спешу прямо к резервуару. Смотрю - стенки и днище отливают зеркальным блеском с коричневым оттенком.

«Ну, что заливай, гарантию даю на десять дней, а тебе для сдачи нужно только пять!» Александр Павлович был прав - по строительным нормам испытание длится пять дней, а если утечки не будет, значит все нормально. Так и получилось. Испытание прошло успешно.

«Так что ты, Саша, сделал? Раскрывай секрет!»

«Да ничего особенного. Съездил на конный двор, договорился без наряда на отпуск «конских яблок», все это тщательно растер по поверхности и вот тебе результат».

Я позднее всегда, когда бывал в Горнозаводске, обязательно интересовался этим резервуаром - претензий к нему никогда не было.

Практически у каждого руководителя-строителя, прошедшего нормальный путь (мастер - прораб - начальник участка - строительное управление - трест), была своя бригада - «палочка-выручалочка», которой он всегда поручал самую ответственную работу. Когда я ра-

ботал одним из руководителей Главзападураля и вынужден был на крупных стройках привлекать на помощь другие тресты, управляющие или главные инженеры всегда привозили с собой эти «палочки-выручалочки».

У меня такой бригадой была бригада А. П. Гришина, с ней я начинал работу еще мастером СМУ-1 и неоднократно, когда было туго, этот коллектив приходил мне на помощь. В основном это были в начале своего пути бывшие крестьянские парни, прошедшие стройбат пятидесятых годов, зачастую малограмотные, но освоившие профессию строителя и преданные ей самоотверженно.

Я до сих пор не могу забыть в гришинской бригаде Ивана Морковнина. Когда я пришел в СМУ, ему уже было за пятьдесят, это был русский мужик почти двухметрового роста, который, наверное, мог бы вытащить из болота застрявший бульдозер. Все его в бригаде звали дядя Ваня, и я его, будучи руководителем так же называл, но дядя Ваня так до конца своих дней и не научился расписываться - в ведомости на зарплату ставил крестик. Всегда немногословный, очень трудолюбивый, он пользовался большим уважением как в бригаде, так и у линейных руководителей.

К сожалению, нет в живых уже многих членов этой бригады, в том числе и ее бригадира. Мы хоронили Гришина всем своим СМУ и, поверьте, что это была большая дружная семья.

Редко крупная стройка обходится без «ЧП». Не обошла судьба и наш объект. Я уже говорил, что одним из основных агрегатов цементного производства была огромная 185-метровая печь, в которой спекался клинкер - основной полупродукт для производства цемента. Но я еще не сказал, что эта печь была вращающейся. Весила она около 7 тысяч тонн и крутилась на валках, установленных на специальных фундаментах.

Благополучно завершив монтаж, выполнив все пусконаладочные работы, вплоть до испытания в горячем состоянии, мы передали этот агрегат заказчику, предварительно оформив необходимый акт рабочей комиссии. По строительным правилам после подписания акта рабочей комиссии хозяином объекта становится заказчик, и он уже несет ответственность за ее эксплуатацию.

Однажды вечером, проверяя работу второй смены, обнаруживаю в средней части печи огромное малиновое пятно. Оно говорит о

том, что футеровка печи нарушена и пламя лижет стальной бок печи, а это уже близко к аварии. Срочно вызываю руководство завода, печь останавливаем и начинаем искать причину происшедшего.

Оказалось самое худшее, что можно было ожидать: футеровка действительно обвалилась, но в том не было вины наших теплостроителей. Оказывается проектировщики с заказчиком решили применить новинку - крупные тепловые блоки, которые испытания не выдержали.

Что же делать? Осмотр показал, что от огня часть печи деформирована и в таких случаях нужно из печи вырезать так называемую царгу (проще говоря, поврежденное кольцо) и заменять на резервное. Работа хотя и очень неприятная, но посильная. Хуже другое - после замены царги необходимо заново произвести нивелировку печи, которая имеет точность до микронов. При замене царги обязательно произойдет сбой на опорах, и всю печь необходимо рихтовать. А это семь тысяч тонн. На это еще может уйти пара месяцев. Тогда все наши планы по завершению стройки летят в тартарары и в предусмотренные Правительством сроки мы не уложимся. Что будет после этого - объяснять не надо.

И тут я низко склоняю голову перед нашими монтажниками: в этой ситуации они еще раз доказали свой высочайший класс, найдя способ, как выполнить эту работу за несколько недель, не допуская сбоя в рихтовке. Это была ювелирная работа: не вырезая полностью царги, они заменили прогоревший бок печи отдельными участками и обеспечили сдачу объекта в эксплуатацию в плановые сроки. Впоследствии я не раз убеждался, как могут строители и монтажники России работать при аварийных ситуациях. Очевидно, это уже в русских генах - в критическую минуту собраться и найти такое решение, какое ни одному заморскому специалисту и в голову не придет..

Ответственный момент на любой стройке наступает, когда появляется приемная комиссия. На крупных стройках она обязательно государственная. Наступает момент прощания со стройкой, но прежде надо комиссии доказать, что все сделано соответственно проекту и строительным нормам.

Комиссия по Горнозаводску работала на исходе года, и официальное подписание акта состоялось около десяти часов вечера - нужно было еще до Нового года успеть документ доставить в Пермь, а

затем переправить в столицу на утверждение. И когда на акте появились подписи, вдруг выяснилось, что забыли пригласить еще одного члена государственной комиссии - ревизора Чусовского отделения Свердловской железной дороги.

Двейрин принимает решение, чтобы я и начальник Чусовского управления, который знал этого ревизора, немедленно выехали в Чусовой, нашли его и к четырем часам утра, когда поезд будет проходить через эту станцию, передали ему полностью подписанный акт.

Берем со стола две бутылки коньяка и на УАЗике в ночь движемся в Чусовой. Объявились у дверей нашего ревизора около двух часов ночи. Звоним. Долго не открывают. Наконец, женский голос спрашивает что нам надо. С трудом объясняем заспанной женщине ради чего мы так поздно приехали. Открывают двери. Видим женскую фигуру в длинной ночной сорочке. Пошла в комнату: «Иван, это к тебе...»

Наконец появляется сам ревизор, которому было уже немало лет. Нужно было видеть эту заспанную фигуру в белых кальсонах с завязками у щиколоток и его выражение лица, когда мы начали объяснять ему с какой просьбой мы приехали. Диалог продолжался минут пятнадцать в створе двери, и хозяин, конечно, был бы прав, если бы захлопнул перед нами дверь.

Как всегда в этих случаях, самой разумной бывает женщина: слышим ее голос из спальни: «Иван! Если люди так поздно приехали трезвые, им это очень надо, подпиши и иди спать!»

Растроганные, что нам все-таки подписали акт, оставляем недоумевающему железнодорожнику бутылку коньяка, а со второй едем на железнодорожный вокзал, где по поводу новогоднего мороза и успеха благополучно завершённой операции ее опорожнили. Наконец, подходит поезд, бежим к нужному вагону, окна все замерзшие и видим, что у одного окна какая-то фигура пытается продышать дырочку ртом и заглядывает на перрон. Отдали Двейрину подписанный акт, а сами на машину и в Горнозаводск, устранять недоделки, отмеченные актом государственной комиссии.

ВЗРЫВ

Случилось это в последний морозный день января 1973 года. Столбик ртути на градуснике в это утро никак не хотел подниматься выше минус 40 градусов. В тот день меня с утра пригласили в главк, к первому заместителю Л. А. Будрину. Сопровождение было в полном разгаре, когда в кабинет вошла взволнованная секретарша: «В Закамске взорвался дом и срочно разыскивают Александра Николаевича».

Минут через пять я уже был в машине и срывающимся голосом пытался выяснить у диспетчера треста по радиотелефону что же произошло. Действительно, по улице Нахимова взорвался газ в панельном пятиэтажном доме, есть значительные разрушения и жертвы. На месте меня уже ждет прокурор.

Езды до Закамска минут сорок. Что же могло случиться? Вроде никаких проблем со строительством дома у нас не было. Да и вообще, что там произошло: то ли дом упал и газ взорвался, то ли газ взорвался и дом упал? Как говорят в Одессе, это две большие разницы.

Подъезжаю к месту аварии: дом вроде на месте, но в средней части здания стен нет - с двух сторон дома завалы из наружных стеновых панелей. Значит взрыв был изнутри. (У этой серии домов наружные стены только ограждающие, всю нагрузку несут внутренние поперечные стены, которые хотя и разрушены, но устояли. Марши лестничной клетки сорваны. Нам еще крупно повезло: будь это кирпичный дом, трагедия была бы ужасная. (На следующий день аналогичная авария произошла в Сыктывкаре - там было очень много жертв.) На нашем доме погиб один человек и одиннадцать были ранены.

На доме еще орудают пожарники, хотя дыма и огня не видно - очевидно снимали с этажей жильцов. А вокруг десятки пятиэтажек,

оставшихся после взрыва без стекла - и мороз, мороз... С ужасом думаю, что работа предстоит строителям преогромнейшая, но одновременно начинаю понимать, что вины в аварии нашей нет.

Лихорадочно соображаю - с чего начинать? Первое, есть ли люди под завалами? В этом можно убедиться, только разобрав их. Срочно нужны два-три мощных крана. Даю указание по радию диспетчеру, немедленно снять их с ближайших строек. Чем закрывать окна? На наших складах вряд ли наберется столько стекла. Прошу немедленно организовать ревизию, склады опечатать и через час доложить. Даю команду плотников-стекольщиков снимать со всех строек и с инструментом немедленно перебрасывать к месту аварии. Руководителям исполкома рекомендую немедленно поднимать жильцов и закрывать окна подручными материалами: одеялами, плотной тканью. (Полиэтиленовой пленки тогда еще не было.)

Нужно сказать, что принятые меры были эффективными, нам удалось не заморозить ни одного дома, кроме пострадавшего.

Следующая моя команда - освободить наш трестовский профилакторий для приема пострадавших жильцов - окончательно вывела из себя подъехавшего управляющего трестом. К этому времени уже было ясно, что вины строителей в аварии нет, и мой шеф осмелел. Отношения с ним у меня были достаточно сложные. А тут я еще раскомандовался. И хотя мой начальник юридически, наверное, был прав, но не принять участие в людской беде было выше моих сил. Тогда в присутствии посторонних и подчиненных я все ему высказал, что думаю по этому поводу, и заявил, что в создавшейся ситуации я не главный инженер треста, а начальник инженерной службы Верещагинского операционного направления штаба гражданской обороны и в связи с этим - извольте подчиняться...

Два слова об организации на тот период гражданской обороны. Слов нет - такая служба должна существовать. Сейчас она преобразована в подразделения министерства по чрезвычайным ситуациям, которое располагает для подобных случаев всем необходимым и готово немедленно прийти на помощь.

Но тогда гражданская оборона была весьма заформализованной полувоенной организацией, которая в основном работала с бумагами и периодически, раз в два-три года, проводила что-то подобное учениям (люди строились, ходили в противогазах, таскали на носилках «раненых» и т. п.). И уж, конечно, раз в год составлялись пространные отчеты о проделанной работе. Пермь в случае опасности или чрезвычайного положения должна была осуществлять эвакуацию жителей в определенные пункты. В связи с этим существовали различные операционные направления, в одном из которых, названном Верещагинским, я на общественных началах возглавлял штаб инженерной службы. В задачу штаба, наряду с эвакуацией населения Кировского района, входило спасение строительной техники, разборка возможных завалов после «ядерного удара», восстановление зданий, дорог, мостов.

Во время этих редких учений мне становилось абсолютно ясно, что «противнику» не потребуется наносить какие-то удары, а только объявить об этом намерении. И когда будет задействован мобилизационный план, мы половину своих людей сами передадим.

Так, для эвакуации работников треста, а это с семьями около пяти тысяч человек, мне было оставлено около десятка лесовозов - весь остальной транспорт подлежал мобилизации в армию. У меня никак не укладывалось в голове - сколько людей можно посадить на дышло лесовоза и как далеко я их увезу? А когда я доложил руководителям учений, что моя воображаемая многокилометровая колонна со строительной техникой подошла к переезду железнодорожных путей севернее Краснокамска на магистрали «Пермь - Москва», и запросил «окно» для прохода через пути, мне посоветовали не ждать этого «окна», поскольку поезда и электрички будут следовать каждые три-четыре минуты, а строить для себя путепровод. Но чтобы через пару часов быть на той стороне путей. Какой путепровод? В это время мы как раз в районе Курьи и строили второй год нужный путепровод. Я только чертыхнулся про себя, но, слава Богу, от меня отвязались.

Итак, что же произошло с домом? Очень часто проектировщики, и по их чертежам строители, газопровод, обслуживающий дом, тянут по фасаду здания. Это удобно для монтажников и тех, кто эксплуатирует газопровод. Нарушений норм здесь нет, но есть одно неудобство, которое и привело к аварии. При очень низких температурах газ имеет тенденцию к сжижению, в газопроводе образуется конденсат, и сечение для прохода газа уменьшается. Технически это не страшно, поскольку с повышением температуры наружного воздуха газ интенсивно испаряется. Но это явление приносит жильцам определенное неудобство: к газовым плитам начинает плохо поступать газ. А у горожан, когда на улице холодно, есть привычка обогревать кухню горелками.

И ничего бы с этим домом не случилось, не живи в нем на беду прораб газовой службы. После жалобы жены, что на кухню плохо поступает газ, он вызвал аварийную бригаду газовщиков, которые разобрали в его подъезде монтажный узел и начали факелами разогревать газовую трубу на фасаде дома. «Мастера» начали в подъезде сливать в ведро образовавшийся от мороза газовый конденсат, а поскольку температура в подъезде положительная - газ начал быстро испаряться. Тогда еще электросчетчики устанавливали на лестничной клетке, на одном из них при скачке нагрузки вылетела искра - ну и рвануло...

Утром звонок от председателя райисполкома - снова нужна помощь. Поскольку дом оцепили и никого не допускали в аварийный подъезд, возникла проблема: у пострадавших в доме осталось самое необходимое - теплые вещи, одежда, деньги, документы. Как попасть в дом? Руководитель района просит строителей организовать по возможности доступ людей в пострадавшие квартиры с учетом их аварийного состояния.

Беглый осмотр пострадавших конструкций показал, что это дело слишком рискованное: лестничные марши разрушены и сорваны с мест, внутренние панели имеют такие трещины, что в любой момент могут развалиться, перегородки лежат на мебели. Тронь что-

нибудь - и может так поползти, что костей не соберешь. А делать все равно что-то надо.

За себя отвечать легче, чем за других. Принимаю решение идти в дом самому. Предупреждаю жильцов о возможной опасности, очень прошу брать только самое необходимое и в квартире не задерживаться. Вызываю автовышку и подаю людей в окна квартир, так как лестничной клеткой воспользоваться нельзя. Это легко сказать, брать самое необходимое и не задерживаться... Вижу немой взгляд: а это взять можно? Помогаю собирать людское добро в узлы и подаем на автовышку. Планировал управиться за час-полтора, а просидел в доме полную смену.

Как-то незнакома нам чужая жизнь за стенами домов, а тут оказался один на один с чужой квартирой и... стены заговорили. Одна квартира на пятом этаже меня поразила своей бедностью. Решил, что в ней живет либо горький пьяница, либо молодой специалист. Но в квартирке достаточно чисто, не вижу пустых бутылок. Так и есть - квартира молодого специалиста. В другой поразила роскошь запретельная: вся в коврах, дорогая мебель уставлена хрусталем. Наверное в ней живет какой-то торгаш. Нет, говорят, это как раз квартира того прораба-газовика. «Прораб так жить не может!», - говорю я. Кто-то из сведущих соседей пояснил: «Да у него жена завсекцией в универмаге!» Так бы и говорили...

На одной кухне застал удивительную картину: среди полного развала, битой мебели и посуды, под кухонным столом огромная, литров на пятьдесят бутыль, абсолютно целая и доверху наполненная самогонном.

На следующий день начинаем думать как восстанавливать этот злополучный дом - дело далеко не простое, поскольку значительную часть конструкций придется разбирать и как бы людей при этом не побить.

Поручаю нашей трестовской группе проектов производства работ подготовить предложения. Строители знают, что мало иметь

проект рабочих чертежей на здание, необходима еще документация на производство работ - как построить то или иное сооружение.

О том, что мы собираемся выполнить проект восстановления дома, стало известно управляющему трестом, который предложил нам немедленно прекратить работу. «Случай достаточно серьезный, и пусть этим занимается Пермгражданпроект!» Но мы-то прекрасно понимали, что необходимую разработку в этом институте не сделают. Пришлось договориться с нашими проектировщиками и делать этот проект подпольно. Время шло, никакой документации из Перми не поступало, люди заволновались.

Наконец, привезли проект восстановления: начиная с подвала и до самого верха разрушенную секцию дома нужно поставить в металлическую обойму, а для этого необходимо сверлить разрушенные конструкции. Прошу, чтобы мне на проекте сделали надпись, что ни одна конструкция, когда мы ее будем долбить и сверлить, не развалится и не прибьет рабочих. «Ты что, кто же может дать такую гарантию?» - «А мне зачем такой проект, в котором мы не сохраним людей?»

Короче говоря, получилось так, как мы и предполагали. Разработанное нами решение было значительно проще, безопаснее и без лишней мороки с металлической обоймой. Мы решили задачу иначе: разобрать разрушенную секцию и восстановить ее из новых конструкций. А чтобы при разборке люди не пострадали - над домом подвесили специальный трос, к которому монтажными поясами были для подстраховки прицеплены монтажники. Конструкция может упасть только вниз, а монтажник в этом случае окажется висящим на тросе и его крючком легко можно будет снять с завала.

А между тем начал разгораться скандал. Управляющего вызвали в горком партии: почему трест не принимает документацию и не приступает к восстановлению? Главным препятствием получался главный инженер треста, то бишь я, поскольку документацию проектного института забраковал.

Зовут меня на разборку в горком. Снова объясняю, что по документации Пермграждпроекта работать нельзя. Что же делать? Такую документацию могут разработать только строители. Почему же не делаете? Обращаю свой взор на шефа: «Нам запрещено!» Короткий разговор на высоких тонах. В итоге нам поручают немедленно приступить к работе над проектом и восстановлением дома. «Не надо поручать - документация у нас уже месяц как готова!» Конечно, я здорово подставил управляющего. Тот немедленно написал докладную записку начальнику главка Л. Липатову о невозможности продолжать со мной работу. Так я ушел на повышение в главк. У меня была единственная просьба к Леониду Петровичу: «Шеф в тресте больше двух-трех лет не продержится - окончательно поссорится с заказчиками, властями и своими подчиненными. Когда будете его убирать, разрешите мне вернуться в свой коллектив.» «Конечно, о чем речь!» - сказал Липатов.

Я ошибся. Управляющего вытряхнули из треста через год, а меня на место не вернули: «Здесь ты нам нужен больше!»

ЛЫСЬВА

В чем прелесть промышленныхстроек? В их непредсказуемости. На строительстве жилья такого ощущения нет, да простят меня жилищники - там конвейер из одинаковых домов, одинаковых проблем, одинаковых исполнителей. Иное дело на промышленном строительстве - там все иначе, даже при внешней схожести объектов никогда не бывает одинаковых решений.

В Закамске мне довелось строить и химические и пороховые заводы, заниматься машиностроением (завод горношахтного машиностроения) и судостроением (судозавод «Кама»). В Краснокамске поработал над мощностями для бумажной промышленности - и на КЦБК (мелованные бумаги), и на Гознаке (производство по изготовлению «ценных бумаг»). На Нытвенском металлургическом заводе осуществляли строительство цеха биметаллов, проще говоря, патронных сталей, это тоже было производство оборонщиков. Тресту в конце семидесятых годов поручили заняться цементной промышленностью в Горнозаводске, а это совсем новая отрасль, иные строительные подходы, иные проблемы.

Каждая стройка оставляет в памяти какие-то особые моменты, которые сразу и не вспомнишь, но стоит побывать снова на этом предприятии, и время, как на киноленте, отматывается назад и высвечивает тот или иной эпизод. Вот рассказывал о Горнозаводске и даже не вспомнил о том, что при бетонировании склада цемента (а это было довольно грандиозное сооружение - из восьми железобетонных банок, каждая диаметром по двенадцать, а высотой - тридцать метров) нам удалось превзойти застаревший «рекорд». Вместе с новосибирским управлением «Спецжелезобетон», организовав непрерывную трехсменную работу, бетонируя одновременно четыре «банки», мы сумели выполнить эту работу всего за пять дней. А по окончании ра-

боты ребята на венцовой части одной из банок вбетонировали настенные часы и установили время окончания этой работы. Бывая в Горнозаводске я ищу глазами это место на банке, но, увы, уже стерло время наши часы. Но те, кто это делал, об этом помнят и место это знают.

Это просто сказать: «Забетонировали за пять дней - делов-то куча!», как говорят на Урале строители. Да, но готовились мы к этой работе полгода. Сколько было разных проблем, и все-таки их решили. Вот, например, одна из них. Буквально за декаду до начала бетонирования, у нас на башенном кране «закусило» трос. Это, в свою очередь, задело стрелу, и она оказалась настолько деформированной, что восстановлению не подлежала. Заменить ее было нечем, стали связываться с заводом-изготовителем крана на Украине, и выпросили у них новую стрелу. Обернуться надо было за неделю, а тут на дорогах ввели новое правило - ехать обязательно с «попутным» грузом, а при такой езде и за месяц не обернешься. Что делать?

Тогда приходит в голову шальная мысль - замаскировать машину под якобы загруженную. Сколотили большой ящик, прибили его к кузову машины, чтобы не прыгал, написали на нем: «Не кантовать, осторожно - стекло» и тому подобные предупреждения. Выписали накладную, что везут на Украину станки, и с двумя экипажами отправили в путь. Нам повезло - через неделю ребята возвратились с новой стрелой.

- А как обошлись с ящиком?

- Да, что вы, А. Н. - на Украине леса-то нет, продали за милую душу, и еды на обратный путь на эти деньги взяли...

С приходом в главк, мне поручили заняться новой для меня отраслью - металлургией. Два города, два районных центра, Чусовой и Лысьва, если не считать пермскую Мотовилиху, единственные предприятия черной металлургии в области. Начинать пришлось с Чусового - там нужно было вводить большой комплекс по изготовлению автомобильных рессор.

Чусовской металлургический завод, хотя и моложе Лысьвенского почти на век, уже имеет столетнюю историю. Это единственное в области предприятие с полным металлургическим циклом (чугун,

сталь, прокат). Теперь уже многие просто и не знают героическую эпопею ввода в эксплуатацию в 1942 году доменной печи №2.

Во-первых, обращаю ваше внимание на год строительства - я в дате не ошибся. Во-вторых, это были действительно рекордные сроки. От момента закладки фундаментов до пробивки первой «летки» в домне - всего семь месяцев, срок немыслимый для современных строителей. Объект принимал известнейший советский металлург академик Бардин и дал работе строителей высокую оценку. А для того, чтобы максимально сократить сроки строительства, монтажники выполнили две уникальные операции. Раздельно сделали так называемый «пенек» для домны, ее фундамент. Пока рыли котлован, в стороне собирали арматурный каркас фундамента, весом несколько сот тонн. Когда котлован был готов, в него с помощью лебедок втащили арматурный каркас и забетонировали, сэкономив две недели трехсменной работы бригады арматурщиков. То же самое сделали и монтажники. Не ожидая, пока будет готов фундамент под саму домну, в стороне на деревянных шпалах - временном фундаменте - собрали доменную печь, и тоже произвели надвижку на готовый бетонный фундамент. Прорабом на строительстве той домны работал молодой А. Ф. Лачинов, будущий начальник Главзападуралстроя. Там он и получил свой первый орден.

Цех авторессор должен был стать по тому времени самым современным предприятием. С его вводом разрешалась сложная ситуация с этим нужным элементом автомашины. При всем известном состоянии наших дорог рессора была самым уязвимым местом.

Тогда я впервые поближе познакомился со строителями восточной части области треста №2 (Кизелшахтострой). Без преувеличения должен сказать, что в военные и послевоенные годы это была самая мощная строительная организация Западного Урала. Позже центр тяжести строительных работ переместился в Пермь и Березники, и нет ничего удивительного в том, что трест «захирел». Самое лучшее впечатление у меня от чусовской стройки оставил начальник Чусовского СМУ В. Попов, увы, нет его уже сейчас в живых. Он не был инженером, но он был Хозяином, умевшим спрашивать и дер-

жать данное слово. Таких начальников СМУ я больше никогда не встречал.

Вместе с цехом рессор в Чусовом объявилась еще одна крупная стройка на Ляминском домостроительном комбинате - цех отделки плит. Подавляющее количество мебели, которую мы сейчас покупаем, сделана из ляминской плиты. Это древесностружечная плита, на которую типографским способом наносится структура дерева - будь то дуб, ясень, бук, сосна. В принципе, любая. Для производства такой плиты мы ввели огромную мощность - 5 миллионов квадратных метров в год.

А рядом, в Лысьве, уже второй десяток лет «жевали» строительство комплекса холодного проката - отделение покрытий. Нам как-то никогда в голову не приходило: почему на Западе воду, соки, пиво разливают в металлические банки, а у нас все это в стеклянных бутылках и банках. И вообще, чтобы придать жестяному листу долговечность и эстетичность этот лист «лудили» или цинковали. Но оцинкованная посуда для хранения пищи не пригодна, а луженая - слишком тяжела и дорога. Вот и вышли на технологии хромирования листа, и в Лысьве был запроектирован специальный стан для прокатки такого листа. В Лысьве я впервые увидел действующий макет опытно-промышленной установки этого стана, который выпускал готовую продукцию - это была копия нашей будущей стройки в масштабе 1:1000.

Но, увы, воплотить проект в натуре в Лысьве было некому. Два строительных управления, имевшихся к этому времени в городе, с задачей справиться не могли. Остро встал вопрос об организации в Лысьве своего строительного-монтажного треста. Эту проблему главк поручил решать мне. Штатов на новую структурную единицу не было, и тогда приняли решение перевести в Лысьву пермский трест № 11, который дислоцировался на Гайве. Этот неплохой трест остался на остатках «Камгэстроя» и занимался развитием микрорайонов Гайва и Левшино. Именно этим трестом был построен завод «Камкабель» и Пермский целлюлозно-бумажный комбинат. Но в связи с падением

объемов строительно-монтажных работ возникла проблема ликвидации треста.

На бумаге легко было планировать переезд треста в область. Это могло произойти без «лишних» вопросов в годы войны, но в семидесятых уже никто не хотел по приказу съезжать с насиженных мест, и в Лысьву перевезли только «вывеску». Так что надо было все создавать на месте. Как всегда, при комплектации нового коллектива обращаешься к людям, с которыми когда-то работал. Поэтому неудивительно, что в Лысьве объявилось много закамцев из шестого треста.

Проблем было очень много: не только найти эти новые кадры, но где и как их разместить? Город нам как мог помогал, но соображать больше нужно было самим. Отдали нам два этажа городской гостиницы для размещения аппарата треста. Срочно нужно было строить жилье для ИТР и квалифицированных рабочих и крышу для наших традиционных кадров - «условников». Очень трудно было работать без производственной базы - срочно делали бетонно-растворный узел и складские помещения для базы УПТК (управления производственно-технологической комплектации). Думаю, что это было решено квалифицированно, поскольку в будущем на базе нового треста, которому присвоили наименование «Лысьвапромстрой» родился еще один трест «Пермсибстрой» для строительства в Нижневартовске.

По существу, отделение покрытий на ЛМЗ - это новый большой завод со всей необходимой инфраструктурой. Здесь пришлось строить новую мощную котельную, свои очистные сооружения, электростанции, развивать железнодорожную станцию «Лысьва».

Самым тяжелым для меня воспоминанием на строительстве отделения покрытий осталось устройство фундаментов под основные сооружения. Это был огромный цех с тремя пролетами по 30 метров, с мощными мостовыми кранами и большими технологическими «подвалами». Когда пришло время сдавать тресту Уралстальконструкция фундаменты под монтаж металлических колонн, то выяснилось, что ни один из них принят быть не может - забетонированные в тело фундаментов анкерные болты не стояли в проектном положении. А таких

болтов были тысячи. Вот что такое отсутствие должной квалификации. Пришлось на исправление брака затратить почти полгода, а материальных затрат угрожали столько, что за эти деньги можно было сделать дважды новые фундаменты.

Забегая вперед, скажу, что когда возникла необходимость строить в Лысьве для турбогенераторного завода цех крупных электрических машин площадью уже 100 тысяч квадратных метров, что вдвое больше, чем на отделении покрытий, я, вспомнив наделанный брак и что выполнять эти фундаменты должен тот же коллектив, пришел в ужас и срочно стал искать новые технологии для установки анкерных болтов. У меня к тому времени уже было стойкое представление: нужно искать такие технологии, при которых исполнитель хотел бы сделать плохо, а у него это не получится. Связались с авторами проекта на турбогенераторном, рассказали что у нас происходило на ЛМЗ и попросили их связаться со строительной наукой. И, представьте себе, решение было найдено!

Если традиционно анкерные болты устанавливаются до бетонирования и зафиксировать их, чтобы «не ушли» с проектного места, довольно сложно, то здесь пошли по совсем другому пути. Начали бетонировать фундаменты без установки анкерных болтов. А затем, тщательно перепроверив проектное место установки, сверлили специальное отверстие в бетоне и в него устанавливали совершенно иной тип болта с конической головкой. Эта схема позволяла еще и здорово сократить длину анкерного болта за счет совершенно иной схемы работы. Если традиционно длина анкерного болта составляла величину, равную тридцати его диаметрам, то при новой схеме эта величина сокращалась до десяти диаметров.

А теперь ответ на вопрос: «А как же исключить брак?» Первое, что сделали - договорились со Стальконструкцией, что она примет не сам болт, а место его установки. Послали геодезиста треста произвести разбивку болтов. Увы, когда монтажники начали принимать, то выяснилось, что 30 процентов болтов «разбито» неправильно. Вот так - еще никто их не устанавливал, а уже треть запроектирована в брак! Тогда, пользуясь правами начальника пускового комплекса, отдаю

приказ выполнить эту разбивку бригадой геодезистов, включающую, как строителей, так и представителей заказчика и Стаьконструкции.

Естественно, каждый себя перепроверил, и на стол лег акт разбивки, исключая ошибку. Есть одна маленькая победа! Далее, два условника берут острый клин с приваренным стержнем и кувалду. Их задача поставить в перекрестье будущего места установки болта клин и кувалдой по нему ударить так, чтобы сделать вмятину в бетоне. Ошибиться нельзя - нужно уж совсем не понимать, что от тебя хотят, чтобы выполнить эту работу с браком. Но даже, если это и произошло, то мастер имеет возможность без особых затрат эту ошибку исправить.

А дальше, еще проще: установка, которая должна просверлить отверстие, может работать только при наличии этой вмятины в бетоне. Сверление одного метра занимало не более десяти минут, и в уже готовое отверстие устанавливались болты и тут же зачеканивались бетоном. Финал - ни одного болта на огромной площади цеха в 10 гектаров не было установлено не в проектное место. Более того, сумели сэкономить на длине болтов почти 65 процентов дорогостоящей специальной стали.

Поначалу работы на строительстве отделения покрытий шли ни шатко, ни валко. Не хватало всего: людей, механизмов, производственной базы, а главное умения ее организовать. И тем не менее, дела начали немножко поправляться. И вдруг в декабре 1979 года как гром с неба: Брежнев в очередном докладе на пленуме ЦК привел нашу стройку, как выдающийся пример долгостроя. Что потом творилось! Нагрянули комиссии, проверяющие, появилось финансирование, пошли материалы, механизмы, конструкции. И закипела работа. Нам предписали к исходу 1980 года запустить объект - он попал в нархозплан.

Однажды летом меня как начальника пускового комплекса пригласили в обком партии и предложили взять сообразительность хоть на пару недель, но ввести цех досрочно. Попытки переубедить партийных начальников ни к чему не привели. Тогда, скрепя сердцем, предлагаю досрочную дату - 21 декабря.

- Что за день? - спрашивают обкомовцы.
- Знать надо! День рождения Сталина!
- Ты что, спятил, более «умную» дату не мог придумать?
- Тогда, 19 декабря.
- А что 19 декабря?
- Это вам по должности знать положено - день рождения Брежнева!

- А вдруг не сдадите?
- Точно не сдадим!
- Тогда зачем предлагаешь?
- А раньше просто не сделать, - говорю. - Ладно. Давайте к 20 декабря.

С опаской спрашивают:
- А это чей день рождения?
- Не волнуйтесь, не сдадим - не обидится. В этот день у меня внучка родилась!

- Ладно, пусть будет 20 декабря.
И на пятисотметровой длине корпуса отделения покрытий метровыми буквами, вырезанными из фанеры, появился транспарант: «Даешь отделение покрытий к 20 декабря!» И надо же - сдали, именно 20 декабря государственная комиссия приняла мощность в эксплуатацию. Работает ли она сейчас? Работает, но через «пень-колоду». Оказывается, мы построили только «хвост» будущего гигантского производства - цеха холодного проката. А самого цеха до сих пор нет даже в кальках. Металлурги Лысьвы сегодня «побираются» по миру в поисках нужного проката, что, конечно, страшно дорого и, увы, неконкурентоспособно.

К моменту завершения этой стройки в Лысьве появилась новая - цех крупных электрических машин на Лысьвенском турбогенераторном. Необходимость в этих машинах в стране была крайняя: развитие нефтедобычи в Западной Сибири требовало мощных электродвигателей. А тут еще к страну «прижало» американское эмбарго на их продажу СССР. Конечно, стройка эта была архиважная для Перм-

ской области, поскольку позволяла вывести на новый уровень машиностроение на Западном Урале.

Это должен был быть главный корпус площадью 100 тысяч квадратных метров, состоящий из одиннадцати пролетов с мощными мостовыми кранами и современным металлообрабатывающим оборудованием. Кстати, нам очень повезло с проектировщиками - это был московский «Кабельпромпроект». И еще повезло в том, что нам позволили принять участие в разработке этого проекта. Это был единственный случай в моей практике, когда строителям не предлагают готовый проект, а дают возможность осуществить в нем свои новые технологические идеи.

К тому времени появился новый метод монтажа покрытий крупных зданий - метод надвигки. Это позволяло наиболее трудные работы (монтаж ферм, подстропильных, стропильных ферм) осуществлять на специальных стендах на «земле», что резко увеличивало производительность труда и снижало опасность монтажа на высоте.

Более того, появлялась возможность еще на «нуле» одновременно со сборкой покрытия осуществить и устройство кровли, и электромонтажные, и сантехнические работы. Для этого требовался специальный конвейер и мы его сделали. А потом, этот готовый блок покрытия площадью почти 400 квадратных метров с помощью мощного крана поднимался на специальный установщик и практически в готовом виде транспортировался к месту установки. Более того, мы умудрились этот монтаж осуществлять даже вместе с технологическим оборудованием (вентиляционными камерами, трансформаторами и прочим). Вес самого крупного энергетического блока составлял 125 тонн. Это очень приличный вес для такого рода конструкций. И у нас на стройке появился 150-тонный башенный кран, большинство строителей таких кранов и в глаза не видывали (да их всего в Союзе было не более десятка). Это был удивительный монтаж. По имеющейся информации, больше он нигде не был повторен. А перспектива у подобного метода монтажа была бесподобная.

НИЖНЕВАРТОВСК

Мои воспоминания были бы не полными, если бы я не упомянул о строительстве Нижневартовска, города в Западной Сибири, расположенного неподалеку от сегодня легендарно известного озера Саянское. Наш большой ташкентский опыт строительства города вдалеке от основных строительных баз не мог быть невостребованным, когда Минпромстрой поручили в начале семидесятых годов построить столицу нефтяников Западной Сибири. Открытие здесь одного из крупнейших на планете месторождения «черного золота» стало своеобразным союзным «Клондайком». Сюда на большие заработки устремился народ со всего необъятного СССР. Жить, естественно, было негде, и люди стали сооружать себе кров из всего, что попадется под руку. Прежде всего это были упаковки из дерева от привезенного оборудования. Так здесь появилось огромное количество «балков», домов-полуземлянок, которые стали бичом молодого города.

Тюменская область была зоной влияния Минпромстроя, который поручил близлежащим от региона своим строительным организациям помогать Главтюменпромстрою в развитии нового города. Задания по строительству в Нижневартовске получили кроме Перми, Омск и Иркутск. Но в отличие от Ташкента, куда грузы можно было доставить по железной дороге, в Нижневартовск сделать это было практически невозможно, поскольку такая дорога еще только строилась. Конструкции можно было доставлять либо по реке Оби, но для этого сначала нужно было их грузить по железной дороге в Омск, либо по зимнику от Тюмени. Или, наконец, по воздуху, с помощью самолетов и вертолетов, но в какую копеечку все это обходилось, трудно даже представить...

Поначалу речь шла о поставке одного-двух пятиэтажных домов. Но время шло, а аппетиты нефтяников росли. И когда годовое задание достигло уже пяти домов, я начал бить тревогу - что-то нуж-

но было делать по развитию нашей базы в Нижневартовске. Меня пытались успокоить, что это дело временное, организации Главтюменпромстроя наберут силу и от услуг Перми откажутся. Увы, не такова природа социализма. Для чего же было нижневартовским строителям развиваться, если план можно выполнять за счет других главков?

Положение начало принимать серьезный оборот, поскольку в задании намечалось строить уже по пятнадцать пятиэтажных домов в год. Наши возможности стали исчерпываться, и мне удалось убедить руководство главка и прежде всего Липатова, что нам придется строить в Нижневартовске бесконечно, либо пока не иссякнет нефть, или не произойдут другие форс-мажорные обстоятельства. (Кто тогда посмел бы предположить, что может развалиться Союз и исчезнут строительные министерства?)

Вместе с начальником нашего нижневартовского управления Е. И. Куропаткиным начали выбивать у нефтяников необходимые асигнования и строить свои причалы, базу, общежития. Главной нашей головной болью были люди, где их взять? У пермских строителей и без Нижневартовска работы было выше головы. Особенно трудно было с отделочниками. Это просто было дать команду трестам направить в Западную Сибирь штукатуров, маляров. А как эту команду осуществить, когда эти специалисты в основном женщины и у каждой дети? А от выпускников ПТУ, как правило со слабой подготовкой, какой толк?

У нефтяников тоже были с людьми свои проблемы, но они нашли новый способ работы - вахтовый... Люди жили на «большой земле» и периодически менялись. Возили они своих рабочих самолетами из Башкирии, Азербайджана и даже с западной Украины. Решили воспользоваться их опытом и мы. Нашли почти сотню отделочников на Украине, в Жданове, и организовали из Перми раз в три недели вахту. Это сразу снизило остроту проблемы. Людям это тоже было выгодно: три недели работы (правда, по двенадцать часов в день и без выходных) и три недели отдыха. Заработок из-за высокого коэффициента большой, и получалось так, что живя на берегу Азовского моря, они на совершенно законных основаниях еще получали и «полярку».

Однако, затраты на вахтовый метод были чрезмерно высоки и рассчитывать, что нефтяники будут нам постоянно компенсировать эти затраты, было не дальновидно. И вдруг нас с Куропаткиным осенило, что и своих отделочников в городе предостаточно. Строители начали обзаводиться своим жильем, но появившиеся дети из-за острой нехватки в городе детских садов привязали женщин к дому. (Все думали только о жилье, а нефтяников эта проблема вообще не волновала поскольку у них работали одни мужчины). Нужен был свой детский сад, и тогда мы решили бы кадровую проблему собственными силами.

Убедили. Через год у нас уже был свой детский сад на 300 мест и большая очередь отделочниц к нам на работу.

Но пятнадцать домов в год! Это же пятнадцать свайных полей, которые нам давали местные субподрядчики, это еще пятнадцать башенных кранов, огромное количество коммуникаций. Пришли к выводу, если так будет продолжаться, нам правительственное задание просто не вытянуть. Надо было срочно что-то предпринимать. И тогда возникла мысль: нельзя ли из нашей блочной серии сооружать девятиэтажные дома? Связались с разработчиками этой серии в Новосибирске. Оказалось вполне реальное дело, но для этого потребуются поменять часть оснастки. Неожиданно заказчик поддержал нашу идею и даже пообещал помочь деньгами на новую оснастку.

Но и это был еще не конец. На изготовление новой оснастки требуется металл, которого просто так никто не даст. Еду в Москву, к заместителю министра Н. Г. Островскому. Убеждаю нас поддержать: «Николай Григорьевич! Я согласен втихаря снять с главка триста тонн металла, а вы его дайте, как бы целевым назначением на изготовление оснастки для Нижневартовска».

Вызывает он министерских снабженцев: «Как помочь пермякам?» «Да не будем мы пачкаться из-за этих трехсот тонн, раз надо дадим дополнительно!»

Знаете ли вы, что такое радость от удачно решенного вопроса? Короче говоря, уже на следующий год, имея ту же программу во вводу жилья, вместо пятнадцати домов нам надо было построить только пять, но девятиэтажных, а поскольку в Нижневартовске строили

по несколько кварталов в год, мы оказались в чрезвычайно выгодном положении: остальные строители уходили все дальше и дальше на новые площадки, а пермские строители оказались со своими домами на готовых коммуникациях и дорогах. И дела пошли...

Когда исполнилось десять лет нашего пребывания в Западной Сибири, мы решили что эту дату нужно как-то отметить. Наши дома, очень неказистые внешне, в отличие от панельных домов омичей и иркутян были теплыми и не такой уж плохой планировки. Поэтому все хотели жить в наших квартирах. Городские власти, к которым я обратился с просьбой дать название улице, связанной с Пермью, мое предложение поддержали: «Сделаем в нашем городе улицу Пермскую».

«А нам не нужна такая улица! Мы хотим чтобы была улица «Пермских строителей».

«Да название у вас уж больно длинное».

«А что, Ленинского Комсомола короче?»

Убедили тем, что привезли из Лысьвы готовые эмалированные таблички с новым названием улицы. И теперь я и мои товарищи по сибирской эпопее гордимся тем, что есть на территории России такая улица - не просто «Пермская», и не просто «Строителей», а именно «Пермских строителей»!

МЕТАНОЛ

Строительство производства метанола в Губахе было моей последней стройкой, возможно, одной из последних крупных строек в умирающем СССР. Минпромстрой и пермский обком утвердили меня руководителем строительства метанола - начальником пускового комплекса, а это означало быть ответственным за все происходящее на этой строительной площадке.

Губаха - небольшой городок химиков и шахтеров на востоке Пермской области, в трехстах километрах от Перми. Метанол, или иначе метиловый спирт - один из главных продуктов органического синтеза. Метанол служит основой для получения синтетических каучуков, фотопленок, сырьем для синтетических клеев. Из метанола делают формалин, который является основой для производства карбамидных смол, необходимых при изготовлении высококачественной мебели, фанеры, древесностружечных плит.

Метанол - это еще и сырье для получения уротропина, отличного антисептика. По утверждению ученых, метиловый спирт еще и эффективное экологически чистое топливо, у которого большое будущее. Короче говоря, этот продукт просто «чистое золото». Для изготовления метанола нужен природный газ, вода, пар высокого давления и электроэнергия. Там, где этого добра в избытке, там и можно строить метанольное производство. Да жаль, этого ценного продукта наша страна, имея все, делала до обидного мало.

Правительство приняло решение на основе уникального контракта с английскими фирмами построить на так называемой компенсационной основе два крупнотоннажных комплекса по производству метанола, каждый по 750 тысяч тонн продукта в год. Много это или мало? СССР до заключения контракта производил всего 2 миллиона тонн. А тут два новых комплекса должны были увеличить мощность сразу на две трети!

Кстати, по тому времени самой крупной установкой по производству метанола была техасская (США) - 500 тысяч тонн. Мы же сразу запроектировали каждую по 750 тысяч тонн. А чего «чикаться» - делать так делать!

Объясню читателю, что такое «компенсационная основа»: это означает, что английская сторона обязуется нам бесплатно поставить все технологическое оборудование, а мы, после пуска установки, должны будем рассчитаться за это оборудование готовым продуктом, после чего все стало бы потом нашей собственностью. Что и говорить, очень выгодная сделка. Она была самой крупной за всю историю англо-советских отношений.

Установки решили строить одну в Томске, вторую - в Губахе. Что касается строительства томской установки, то там не было серьезных проблем - здесь уже была мощная строительная организация, принадлежавшая Средмашу (ядерщикам), которая к тому времени завершала строительство крупного химического комбината в 20 километрах от Томска.

Но в Губахе - вот это была проблемка! У строителей здесь, как говорится, ни кола, ни двора. Как одолеть эту многомиллионную стройку? Это и стало «камнем преткновения», когда рассматривали в Совмине ТЭО по Губахе. ТЭО (технико-экономическое обоснование) ну никак не получалось в пользу Губахи - слишком велики должны были стать дополнительные затраты по созданию там новой строительной организации.

И тут нужно отдать должное директору Губахинского химзавода В. Н. Махлаю. Он прекрасно понимал, что без нового современного производства у его предприятия нет будущего. Само возникновение завода произошло в первые послевоенные годы, когда в Губаху было вывезено по репарациям оборудование химического завода побежденной Германии. В том числе и производство метанола, правда, по мощности в семь раз меньше, чем предполагавшаяся к строительству английская установка. Кадры химиков на заводе были неплохие, однако оборудование было крайне изношено (оно еще в Германии проработало несколько десятков лет), а главное, морально устаревшее.

В. Махлай хорошую поддержку получил у первого секретаря обкома Б. В. Коноплева. Так что нам, строителям, велено было доложить Москве, что к этой стройке мы «готовы» и обязательно с ней справимся. Заводчан и обком можно было понять, но как быть нам, строителям? Короче говоря, Пермь Москву убедила, что строить надо в Губахе. Но пока судили да рядили где быть метанола, у строителей взяли и отняли три года на подготовку к строительству. Так что, пришлось все решать одновременно: и создавать строительную базу, и разворачивать основные работы на строительной площадке.

Сейчас об этом легко вспоминать, но в том, теперь уже далеком, 1980 году пришлось «поломать голову» прежде всего над тем куда же поселить строителей, которые должны построить жилье для самих строителей и монтажников будущего метанола? Своего бетонного узла не было. Бетон пришлось возить из соседнего Кизела, а это 40 км от Губахи. Дорога в Кизел была из брусчатки, но не такой, что лежит в Москве на Красной площади - наша была наподобие стиральной доски. После такой перевозки бетон оказывался в кузове самосвала отвибрированным, и попробуй его разгрузи! А в это время заказчик «ревмя ревет»: «Куда девать поступающее оборудование? Стройте немедленно склады!» «Стальконструкции» подавай фундаменты под каркасы зданий - выполнять надо план, да и конструкции лежат!

А где для этого взять людей, строительную технику, транспорт? В Губахе нет. Желających ехать на небольшие заработки тоже нет - платили одинаково, что в Перми, что в Губахе. Некому руководить и строительными работами. Впору было обкому в приказном порядке направлять к нам с разных строек инженеров. Да кто же хорошего отпустит? Вот так и начинали эту стройку...

В 1981 году мне пришлось четырежды держать ответ перед министерской коллегией: когда построим казармы для военно-строительного отряда, когда появятся общежития для «условников», когда будет в Губахе свой бетон и раствор, когда «помиримся» с заказчиком и дадим ему возможность нормально хранить оборудование, почему плохо с выполнением плана и когда у монтажников будет нормальный фронт работ? И все, как в том анекдоте:

- Давай, Федя, жарить рыбу!
- Давай! А где же рыба?
- А ты, жарь, Федя, жарь - рыба будет!

В самый разгар стройки на площадке уже работало около пяти тысяч строителей и монтажников, но местных вместе с «условниками» и военными строителями было не более пятой части. И как нам всем в Губахе не было тяжело, когда сейчас строители собираются вместе, мы всегда вспоминаем эту стройку как лучшую.

А дела действительно шли неважно. Уже в первый год строительства наметилось большое отставание. Сказывалась наша неорганизованность, отсутствие квалифицированных специалистов, нехватка материалов, строительной техники, транспорта. Томичи начали нас заметно обгонять. Англичане обратили на это внимание, и в их большом строительном журнале появилась статья, в которой автор, сравнивая ход работ на этих двух стройках, вывод делал не в пользу губахинцев: «Если в Томске есть уверенность, что метанол будет, то в Губахе, если не поменяют подрядчика, метанола русским не увидеть».

Этот журнал попал в Москву к первому заместителю Председателя Совета министров СССР Л. Костандову, очень опытному химику, а тот, заказав перевод этой статьи, отправил ее в качестве дара нашему Министру А. Токареву и в пермский обком Б. Коноплеву. И меня снова начали «трясти», как грушу.

Главк начал собирать в Губахе серьезные силы. Всем своим трестам Л. Липатов поручил возведение отдельных крупных объектов, но это не очень-то облегчило мое положение: если раньше с меня требовали решения материальных вопросов только губахинские строители, то теперь к этому присоединились и руководители остальных трестов главка.

Я понимал, что стройка эта необычная, успешный ее пуск во многом зависит от правильной технологии строительства, от знания будущего производства. Учет этих факторов помог бы сэкономить время на строительство. Вместе со специалистами трест «Оргтехстрой» разбил все объекты на технологические узлы. Во главе каждого такого узла поставили наиболее квалифицированных специалистов, установили жесткие сроки для выполнения графиков. Так появились

программы «Большой ток», «Большая вода», «Метанол-сырец», «Деминерализованная вода» - всего их было десять. Возглавила разработку и контроль за исполнением программ заместитель главного инженера треста «Оргтехстрой» Т. А. Петрова - и работа пошла. Мы теперь могли четко знать: к чему может привести срыв на той или иной программе. Поэтому при ограниченности материальных и трудовых ресурсов штаб давал их в первую очередь на критическое направление.

Главное внимание поначалу уделили энергетике и воде. Нужно было протянуть почти 60 километров высоковольтных линий напряжениями 110 и 35 киловольт, одновременно построив четыре мощные понижающие подстанции. Воду проектировщики решили взять с Широковского водохранилища, чуть выше места расположения первой в Прикамье ГЭС.

Тут нас и поджидали серьезные технические трудности. Обычно первый подъем воды делают, строя в русле водозабора приемный колодец. У нас он должен был быть в виде куба размером 40х40 метров и глубиной 24 метра. Вот такое сооружение мы должны были сделать прямо в водохранилище. Проектировщики предусмотрели строительство специальной полукилометровой дамбы, которая бы отгородила нашу строительную площадку от водохранилища, а потом мощными насосами откачать из этой «подковы» воду, копать котлован и бетонировать сооружение для первого подъема. Отечественный опыт показывал, что при идеальной организации труда и постоянной работе в две-три смены меньше, чем за пять лет подобное сооружение не осилить. Запросили консультацию у авторов проекта, московского Водоканала - справедливы ли наши ожидания? Получили утвердительный ответ.

- Как же нам быть, правительство на всю стройку отпустило четыре года, а здесь только на первый подъем нужно пять?

- Приезжайте, покумекаем.

Беру с собой крупных специалистов из Минмонтажспецстроя, едем на совещание в Москву, в институт «Водоканалпроект». На совещании выясняется, что есть единственный выход из ситуации - отказать от первого подъема, применив так называемые капсульные

погружные насосы, которые только-только начал выпускать «Молдов-гидромаш» и которые пока только поштучно распределяет Госплан. Готовим письмо в Правительство с объяснением ситуации. Пробили, получили положительный ответ. Заказчика пришлось тоже «пообла-мывать» - в России всегда недоверие ко всему новому.

В результате у нас резко сократился объем земляных, гидротехнических и бетонных работ, снизилась стоимость этого объекта на 3 миллиона рублей. Тогда это были колоссальные деньги - не то что нынче, когда строители и миллиард за деньги не считают. С берега в водохранилище были опущены шесть полутораметровых в диаметре стальных труб, каждая длиной по 60 метров. В них установили специальные насосы и стали качать косьвинскую воду, минуя первый подъем, сразу на второй.

Вторым «камушком преткновения» оказалось строительство водовода от завода до Широковского водохранилища. Проектировщики сделали проект «напрямки», а эти «напрямки» оказались семнадцатью километрами через болотца, а главное, холмы, которые в иных местах становились настоящими горами. (Помните по географии - высота до 200 м - это холм, а выше - гора). Постоянную дорогу вдоль будущей трассы заказчик делать не желал, а проложить надо было две стальные трубы по 720 мм в диаметре. Предполагалось, что вдоль трассы будет проложен зимник и по зиме же уложат трубы. Но, как говорят в России: «Гладко было на бумаге, да забыли про овраги». То техники не хватало, то труб, то зимник не вовремя растаял, и когда дело подошло к вводу этого водовода, оказалось еще не уложено 4 километра водовода. А на дворе заканчивается весна, напоминая о бывшем зимнике пересыхающими ручейками. Строить дорогу - нет ни времени, ни денег. Остается только одно - ждать помощи с неба.

Прошу в Министерстве помочь вертолетом - «Пишите письма!» Письма написали - получили отказ. Вторично обращаемся в Аэрофлот, на этот раз уже с помощью Министра. Наконец, согласие получили. Будет нам «вертушка» из Ухты. Вспоминая опыт переброски по воздуху башенных кранов из Горнозаводска, понимаю, что проблемой будет заправка этих машин. Предлагаю монтажникам слетать в

Ухту и обговорить детали работы, а главное - решить проблему с горючим.

Однажды звонит мне начальник монтажного управления, который делает этот водовод, и сообщает, что вертолет уже прилетел в Пермь и он сейчас вместе с ним вылетел в Губаху и просит встретиться.

«Как решили с заправкой?» - кричу в трубку.

А в ответ: «На месте расскажу!»

Вам приходилось видеть в воздухе эту гигантскую воздушную машину, какой является МИ-6? (Кстати, движки на ней наши, пермские.) Размах винтов у нее 44 метра, в фюзеляж спокойно въезжает автобус ЛАЗ и еще остается место для «Волги». Такой гигант потребляет очень даже не мало авиационного керосина. Когда я его снова увидел, первая мысль была: как и чем будем заправлять? Наша стальная 25-метровая «плеть» весит больше шести тонн, машина на подвеске может взять восемь. Поднять-то она «плеть» поднимет и доставит к месту укладки, но сколько же горючего должно быть на борту?

Я прекрасно понимал, что вертолет может поднять тем больше груза, чем меньше в нем горючего. А у нас были предельные величины. Значит борт надо заправлять в Губахе, но чем? Ни специального горючего, ни заправщиков здесь нет. Если монтажники не решили эти вопросы в Ухте - нам хана! И мой первый вопрос улыбающемуся начальнику СМУ: «Заправку решил?» А он мне в ответ: «Мы в Ухту не летали, подумали, что решим здесь с вами»...

Нужно ли переводить, что я ответил ошарашенному начальнику? Неужели он своей башкой не понял: для чего гнать из Ухты дорогу многотонную машину, чтобы здесь в Губахе обсуждать вопрос заправки?

Это сейчас, имея деньги, можно заказать и самолет, и ледокол, и катись себе хоть на Северный полюс. А в наше «плановое» время, извините за выражение, чтобы и пукнуть, надо было испрашивать разрешение начальства. А уж чтобы решать заправку многотонной машины в Губахе... Решаю тут же вернуться в Пермь, извиняюсь перед вертолетчиками за нашего «долбоумника».

Куда стучаться? Конечно, в обком. Врываюсь к «строительному» секретарю В. А. Петрову. Выражение моего лица ужасающее. «Что

случилось?» «Пригласите В. А. Козиолова» (секретаря по транспорту и промышленности - А.Ю.) - сразу обоим расскажу, но уйти от вас не смогу, пока не сможете решить проблему!»

Рассказал сложившуюся ситуацию. Минут пятнадцать они мне выкладывали, что обо мне думают. Считаю, что все, что они высказали, была чистая, но обидная правда. Но дело все равно нужно было решать!

Тут же пригласили авиаторов, нефтепереработчиков (благо нужный керосин делали на «Пермнефтеоргсинтезе»), транспортников. В течение часа были приняты следующие решения: немедленно отправить первую же налитую цистерну с керосином на станцию и прицепить ее к составу, отравляющемуся в сторону Губахи. Каждый час докладывать, где находится цистерна.

Хуже было с заправщиком. Оказывается этот керосин должен проходить тройную фильтрацию, а такой заправщик к нам отправить не могут, иначе нечем будет обеспечивать в Савино рейсовые самолеты. Тогда было принято совершенно неординарное решение, отправить в Губаху два заправщика, имеющих только по одному фильтру: один с Бахаревского аэропорта, другой с завода Свердлова. Немедленно возвращаюсь в Губаху. К утру стояла цистерна с керосином и два заправщика делали такую операцию: сливали керосин с цистерны в один заправщик. Из него во второй, а потом в первый. Так получилась тройная очистка. За три дня работы все трубы были на месте. А вертолетчики забрали меня вместе с «Волгой» на борт, и за пятьдесят минут доставили в аэропорт Савино.

Еще одну техническую «козу» нам устроили губахинские грунты. По просьбе руководителей завода, не хотевших отрывать площадку метанола от основных заводских сооружений, производство разместили на косогоре. Достаточно сказать, что перепад высот на длине пятьсот метров получился пятьдесят шесть метров. Проектировщики из этого косогора сделали четыре трассы и предложили нам выполнить соответствующие выемки и насыпи на склоне горы. Решение было бы нормальным, если бы грунты, из которой состояла эта гора, были бы тоже приемлемыми.

Когда я приехал на стройку, эти насыпи уже были сформированы и началось строительство основных сооружений. Сами здания комплекса оказались в вырезке, на материковых грунтах, а в откосы попали эстакады, коммуникации, дороги! И все это ближе к окончанию стройки «поехало».

В чем была ошибка проектировщиков? По склону горы было много родников, и грунт был сильно переувлажненным. Из таких грунтов делать насыпи было просто нельзя. Потом проектировщики поняли свою ошибку, но нам говорили, что мы должны были перед укладкой грунты просушивать. Это на противне можно просушить полкуба грунта, а как было просушить миллионы кубометров в Губахе? Конечно, это был абсурд, и нам пришлось искать далеко не простые решения, чтобы сегодняшний «Метанол» был незыблем. Мы их нашли, и, слава Богу, у эксплуатационников нет сегодня этих забот с уходящими из под ног грунтами.

Здания росли, начался интенсивный монтаж оборудования. И тут уж наши монтажники показали класс, которого не видывали ни в Томске, ни в хваленной Англии. Я не преувеличиваю - действительно, наши монтажные организации имели таких специалистов, которых не много вы найдете и за морем.

Не могу забыть такой эпизод. Идет наладка турбин на котельной. Все должно быть выверено до микронов, а осуществлял эту проверку довольно пожилой англичанин в белой спецовке. День, проверяет, второй. Завершается неделя - у нас все стоит. Без котельной технологию не запустить, а тот все проверяет. Подходит ко мне один из наших монтажников. Представился, что он из пусконаладочного управления Уралхиммонтажа. «Слушай,- говорит,- ты здесь начальник?»

- Я, - отвечаю.

- А тебя не тошнит, что делает этот английский дед в белой робе?

- А что?

- Он же вам лапшу на уши вешает - работу, которой он занимается уже неделю, я могу вам бесплатно сделать за три часа. Смотреть не могу на эту тянучку.

- А ты сам турбинами занимался?

- Слушай, я десять лет на Дальнем Востоке налаживал турбины на атомных подлодках. И не такие делал, как эта!

Бегу к директору завода. Объясняю ситуацию, что из-за твоих англичан, рабочие уже над нами смеются.

К утру турбина заработала...

Или взять ситуацию, которая сложилась с пусковым двигателем на паровой котельной. Технология губахинского метанола была довольно «хитрой». Во время синтеза метанола выделяется большое количество попутных газов, которые по старой технологии просто сбрасывали в воздух. А здесь эти газы возвращались на сжигание в котельную и с их помощью получали технологический пар, который вращал турбины как на основном производстве, так и в самой котельной. Получалось нечто вроде «перпетуум мобиле».

Но для того, чтобы процесс пошел, как говорит Горбачев, нужен пар: а его, пока технология не заработает, не будет. Поэтому и стоял большой, почти под двадцать тонн, электрический двигатель, который нужен только на период запуска технологии, а потом отключается.

А двигатели имеют обычай «гореть». Этого никто не предполагал, и когда в Томске раньше нас запускали установку, он там и задымил. Запасного, конечно, никто не купил. И правительство приняло решение забрать его у нас, а нет двигателя - нет и пуска. А для нас англичане полгода делали новый двигатель, заломив за него огромные деньги.

Стали и мы пускаться, а он и у нас задымил. Что делать? Ждать еще полгода? Демонтировали двигатель, отвезли его в ремонт в Лысьву, на трубогенераторный завод. Через недельку звоним: как дела, разобрали двигатель? «Разобрать-то разобрали, но сделаем только месяца через два. Слушайте, что за дерьмо вам мадам Тэтчер послала. Мы уже такого лет двадцать не делаем. Там же технология чуть не девятнадцатого века...»

Ждать два месяца мы не могли. Да и чего ждать, раз это все равно г... Стали думать как выйти из положения. И нашли решение - простое, как яйцо. Если для запуска котельной нужен пар, то не про-

ще ли подвести его со стороны, от существующей городской котельной? Позвали англичан, те - «Ну!»

Как так «ну», а ну, доказывай почему нельзя?!

Обломали. За неделю пробросили полкилометра паропроводов и - пошло, поехало! В Москва очень удивились: «Как? У вас же нет двигателя?!» А у нас есть другие двигатели - голова на плечах!

Удивляли мы англичан еще не раз. А самым главным удивлением была сама установка, на которой мы 20 сентября 1984 года получили первый метанол. Да какой метанол - по качеству он в десять раз превышал международный класс! Ему и сегодня, скажу без хвастовства, нет равного в мире.

Собрались мы с англичанами подписывать акт на сдачу в пусконаладку. Естественно, после подписания собрались небольшим кружком, чтобы отметить событие. Одна, вторая рюмка - мистер Маршалл, представитель английской фирмы, подписавший акт, встает с тостом: «Предлагаю выпить за губахинских строителей и монтажников, который не в пример томичам (а там действительно, в период монтажа было очень много сбоев) сделали метанол одним из лучших в мире, и скажу вам, что построили вы установку в приемлемые мировые сроки!»

Тост, как тост, да только уж очень обидно мне было за ту статью в журнале, которой они нас опозорили на весь мир.

«Нет, - говорю, - пить за это не буду!» Ко мне Махлай: «Ты что, Николаич?» «А ничто, не буду пить - обидно за ребят».

Махлай переводчику: «Переведи, что Николаич сказал». Перевели. Англичанин снова налил в рюмку коньяку, встал, повторил тост, а потом добавил: «Я все понял. Действительно, в журнале мы вас оставили на весь мир, а здесь мои слова слышат только десять человек. Наша фирма извиняется перед вами, а в следующем номере самого модного английского журнала возьмет свои слова обратно!»

- Поди, брешет? Как это можно в следующем номере журнала опубликовать? У нас год будешь пороги обивать, пока что-то опубликуешь.

Но не соврал англичанин. Действительно, в октябре нам прислали блестящий красочный журнал с фотографиями Губахинского

метанола и с текстом на две с половиной страницы. Обидным было только название статьи: «Британия строит в Сибири».

- Какая вам Сибирь? Мы же на Урале!

- Извините, но по нашим английским меркам, все что дальше Москвы - Сибирь.

- Ну и хрен с вами, пусть Губаха будет в Сибири...

ПЛАНОВ НАШИХ ГРОМАДЬЕ

Трагикомичная история приключилась при сдаче в эксплуатацию мощностей на Суксунском оптико-механическом заводе, что в двухстах километрах от Перми.

Вызывает меня к себе Липатов и объявляет: придется съездить в Москву для отчета в Комитете народного контроля России по вводу мощностей в Суксуне.

А нужно сказать, что в те времена была страшная нехватка очков. Приходилось по несколько месяцев ожидать исполнения заказов из-за отсутствия оправ и линз. Было по этому поводу принято специальное постановление Правительства, в соответствии с которым предусматривался ввод мощностей по очковым линзам в Суксуне и оправам в Сумах (Украина). Пришлось съездить на место в Суксун и разобраться там с ходом строительства, которое осуществлял пермский трест № 12.

На стройке ничего страшного не было, станки смонтированы, энергетика готова. Один лишь объект вызывал у меня опасения, а когда разобрался в существе дела, понял - очистные сооружения, даже при их полной готовности по строительной части, нам не запустить.

Дело было вот в чем. Для выполнения правительственного постановления об охране бассейнов рек Волги и Камы ни один объект не мог быть построен без очистных сооружений. На Суксунском заводе ожидался сброс стоков около 500 кубометров в сутки. Но когда проектировщики начали согласовывать строительство нового объекта, исполнительная власть потребовала, чтобы новые очистные приняла поселка. В связи с этим мощность очистных сооружений была увеличена до 2000 кубометров. Конечно, постановка вопроса выглядела справедливо - не строить же еще специально очистные сооружения для поселка.

Так-то оно так, если бы не русское «кабы». К моменту завершения строительства очистных сооружений выяснилось, что в поселке даже не было канализации. И делать ее в ближайшее время никто не собирался - объект как бы строили про запас.

Тут я должен посвятить читателя в одну техническую подробность: биологическая очистка представляет собой специальную емкость, в которую запускаются особые микробы. Для них стоки являются питательной средой и таким образом они эту среду нейтрализуют и очищают. Но для этого должны быть определенные условия - необходимо достаточное количество стоков. А поскольку емкость оказалась значительно больше (построена она была с учетом поселковых нужд), то фекалий оказалось мало, разбавлять их водой нельзя, и, следовательно, нельзя и запустить очистные. Тупик.

С тем и еду в Москву и докладываю об обстановке заместителю министра К. Ф. Трофимову. Рассказал ему сложившуюся ситуацию в красках, что вызвало у него неподдельный смех. «Так и докладывай на Комитете народного контроля и «без купюр».

Когда я доложил об обстановке и трудностях с запуском очистных, на вопрос председателя «Чего же вам не хватает для ввода?», я ответил: «Г...а!» Это вызвало сначала шок, а потом гомерический хохот. Совещание было сорвано. Вся тяжесть ответственности пала на заместителя министра медицинской промышленности, который отдувался за недогляд пермских администраторов.

Завод мы сдали. Прошло уже много лет, работают ли очистные сооружения в Суксуне я не знаю, но вот канализации в поселке до сих пор, по-моему, нет.

Не могу не сказать пару слов о системе планирования, существовавшей в «застойные» времена. Сегодня все просто - есть деньги у инвестора, заключаешь контракт и в соответствии с ним несешь ответственность за своевременный ввод объекта. Если стройка имеет серьезное значение для области, не исключен контроль за ней исполнительной власти. К этому еще могут быть подключены средства массовой информации.

А раньше таким контролером был Обком да соответствующие службы ЦК КПСС. И для оперативного контроля эти стройки имели

соответствующие категории важности: одни включались в народно-хозяйственный план, другие в государственный план, третьи шли по титульному списку. Когда важности народно-хозяйственных строек не хватало, появилась еще одна категория - «группа 100» (сто особо важных строек оборонного значения). Плюс еще стройки «ОГВ» (особой государственной важности). Каждое министерство пыталось попасть в более важную категорию, и приходилось порой удивляться, что какая-то «живопырка» (допустим небольшой пивзавод) попадала в категорию нархозплана, а какой-нибудь серьезный объект в госплан - у этого министерства не хватало «лимита» на более высокую категорию.

Сегодня попробуйте объяснить - в чем разница между стройкой нархозплановской и госплановской? А раньше строители их четко различали. Происходило это потому, что ни людских, ни материальных ресурсов не хватало, и бедолаги-строители должны были сами определять, что строить, а что нет. Все зависело от того, как будут спрашивать партийные органы.

А попадали эти стройки в план иногда просто случайно и потом их оттуда никак было не выковырнуть. Получили мы задание по нархозплану ввести мощности на Краснокамском заводе металлосток. Дела у нас шли нормально, но вдруг в середине года выясняется, что в силу каких-то причин, финны ткацких станков не поставят. Заказчик нас своевременно предупредил и даже представил соответствующие бумаги из Внешторга.

Караул! Начинаем штурмовать Госплан просьбами о снятии мощностей, иначе беда: все показатели треста рухнут, нас выбросят из соцсоревнования, снизят премии и т.д. и т.п.

Произошло почти невероятное - в начале декабря ввод был снят с плана и перенесен на первое полугодие следующего года. Вздохнули с облегчением.

А тут вдруг неожиданно поступили станки. А поскольку все было готово для их монтажа, справились за две недели, предъявили объект государственной комиссии и благополучно сдали его в эксплуатацию, но уже «сверх плана». Зато снять с плана в следующем полугодии перенесенный ввод уже не смогли, хотя заказчик не мог и не пытался даже его планировать.

БЕСПОЛЕЗНЫЕ СТРОЙКИ

Конечно, это странно звучит - бесполезные стройки. Но это происходило на моих глазах и было очень обидно, что затрачено столько сил, а результат плачевный. Накануне президентских выборов мне приходилось вступать в дискуссии с коммунистами по поводу того, что «демократы развалили промышленность». Чаще всего это были люди, которые слабо понимали глубинные процессы, происходящие с нашей экономикой. Но тем не менее они были достаточно образованы, и от этого вдвойне было обидно их непонимание проблемы. И тогда мне приходилось аргументировать собственным опытом.

Естественно, что при социализме за всех «думал» Госплан и он решал где, сколько и зачем строить. Госплан решал какие нам нужны телевизоры, ботинки, машины, сколько и чего мы должны съесть. Такова уж природа социализма. А вот чем это оборачивалось в жизни...

Р начале семидесятых нам поручили построить в Чусовом цех автомобильных рессор мощностью 200 тысяч штук в год на металлургическом заводе. Стройка как стройка, большая, интересная. Построили. Получили очень хорошие рессоры. Установили добротное оборудование.

Прошло несколько месяцев. Приезжают ребята из головного проектного института - Гипроавтопрома. Министерство считает нужным оформить эту стройку на государственную премию. Решено, что в этот список попадут и строители. Помогите нам оформить необходимые бумаги. Что ж, дело стоящее - давайте попытаемся.

И на первом же вопросе спотыкаемся. Требуется, чтобы предприятие вышло на проектную мощность. Внешне вроде никаких проблем нет. Оборудование работает устойчиво. Особо узких мест в производстве нет. Иду за справкой к директору завода. Он смеется: «Ты что, не знаешь, что мы никогда не выйдем на проектную мощность? Дай Бог удержаться на половинной». На моем лице удивление! В чем

же проблема? Может быть, мы что-то не то построили. Нет, построили мы то, но...

К тому моменту, когда появилась новая мощность на Чусовском заводе, это предприятие было основным поставщиком рессорной стали для автомобильной промышленности страны. Но для того, чтобы обеспечить новую мощность, нужно было построить еще новый стан «370», а его никто даже не собирался проектировать и уж тем более строить. Если всю сталь возьмет на изготовление рессор Чусовской завод, то надо останавливать рессорное производство на ЗИЛе и на ГАЗе, а это сотни рабочих мест. Поэтому и будет работать Чусовской завод на половину мощности.

- А что об этом не знали, когда проектировали производство рессор?

- Почему же, знали, но рассчитывали, что когда-нибудь появится и новый стан...

Хотите знать финал этой авантюры? Прошло уже свыше 20 лет как работает этот цех. Работает по-прежнему на половинной мощности, а тепло, свет, амортизационные расходы на содержание оборудования и всего остального тратит, как на полную мощность. Разве в этих условиях рессора может быть дешевой?

Сколько положено труда на это предприятие строителями, монтажниками, изготовителями оборудования? Во имя чего? А если бы эти средства и труд направить на строительство жилья, дорог, школ, больниц? Во имя чего это было сделано и кто за это понес наказание, кроме нас, налогоплательщиков? Ответа на этот вопрос услышать не от кого, а виноваты, оказывается, демократы!

Другой «шедевр» плановой экономики. Строим в Губахе одновременно с метанолом производство формалина мощностью 120 тысяч тонн. Но когда подходит время сдачи объекта в эксплуатацию - оказывается в плане ввод всего 60 тысяч тонн.

Интересуюсь у руководства завода чем это вызвано.

- Так ведь мы устанавливаем всего одну ректификационную колонну, а в проекте две.

- А что нам мешает поставить две колонны, это ведь мизерные затраты к общему объему, да и фундамент под эту колонну уже сделан.

- Нет, мы ставить ее не будем, нам хватит и этой мощности!

- Позвольте, но ведь все остальное сделано на полную мощность! Я уже не говорю о столовой, бытовках и остальных вспомогательных службах?

- Не задавай глупых вопросов, так надо!

Можно было бы это «проглотить», хотя и жалко труда, если бы не последующий абсурд. Прошло два года. И Главзападуралстрой получает заказ на строительство еще одного производства формалина в шестидесяти километрах от Губахи в поселке Всеволодо-Вильва на заводе «Мегил». Причем это не простая стройка, которую можно было бы проигнорировать, а на компенсационной основе - заморское оборудование уже завезено. А у строителей в этом районе - ни кола, ни двора. Создавать надо все заново и тащить людей в длительные командировки. Задаем вопрос: «А не проще ли задействовать на полную мощность губахинский метанол, не строя этого?»

- Что вы, этого сделать нельзя, поскольку это заводы разных министерств: губахинский - минудобрений, вильвенский - химической промышленности.

- А что, это будут разные продукты по качеству и химическому составу?

- Нет, абсолютно одинаковые, поскольку их основой будет метанол. Единственное неудобство, что вильвенский формалин будет подороже, поскольку для его изготовления будут заводить метанол с томского завода (он принадлежит Минхимпрому).

Не кажется ли вам, что это абсурд?

Но заставили нас построить это производство, и несколько лет возили метанол из Томска, хотя в полусотне километров свой не знали куда девать. Не думаю, что нужно еще что-то объяснять почему многие из «великих строек социализма» оказались бесполезными.

Следует рассказать и еще об одном аспекте советской бесхозяйственности. Какую бы мощность не начинали строить, она обязательно должна быть самой крупной в мире. Так было у нас в Пермской области с калийными комбинатами, метанолом или цементным заводом. На двух последних стройках хотел бы остановиться. Слов нет, чем крупнее мощность предприятия, тем меньше затраты на про-

изводство продукции. Но это еще как посчитать. Остановись такое производство по каким-то техническим причинам - и ущерб даже от кратковременной остановки может превзойти ожидаемую выгоду.

Когда начинали строить две одинаковые мощности по метанолу в Губахе и Томске, самое крупнотоннажное производство этого продукта было только в Южной Корее - 400 тысяч тонн продукта в год. Наши же мощности проектировались на 750 тысяч тонн каждая. Причем в тот момент такого количества метанола отечественная промышленность переработать была не в состоянии, и эти производства в основном предназначались для экспорта.

Возможно такие мощности были и нужны, но если бы в Губахе построили метанол на 750 тысяч тонн не в одну технологическую нитку, а, допустим, в три, то, работая сегодня только на одной технологической нитке при снижении потребности в продукте, производство было бы безусловно рентабельно. Даже если бы стояли в резерве оставшиеся две нитки.

А что происходит сегодня? Для того чтобы обеспечить имеющуюся потребность в 250-300 тысяч тонн, необходимо запускать всю технологическую цепочку и работать на пониженных мощностях, потребляя все необходимое, кроме газа, как на полную мощность. Какая огромная инфраструктура создана на заводе: мощные водозаборные сооружения, линии электропередач, пять железнодорожных станций, цех промывки железнодорожных цистерн, огромная азотно-кислородная станция. Разве в таких условиях можно создать конкурентоспособную на мировом рынке продукцию? Если раньше это можно было делать за счет низкой заработной платы, то сегодня она вынуждена расти.

Как бы двойником метанола стали две технологические линии на Горнозаводском цементном заводе, каждая по 650 тыс. тонн. А если бы было пять-шесть линий, то при снижении потребления цемента продукция безусловно могла бы быть дешевле. Вот откуда наши сегодняшние беды.

Или взять к примеру строительство очистных сооружений на канализации в городе Чусовом. Как-то так совпало, что нам одновременно поручили в этом небольшом городе строить два очистных со-

оружения - одно по заказу Чусовского металлургического завода, другое - по заказу Ляминского комбината. Миллионная Пермь строит одни очистные сооружения, а меньше чем стотысячный Чусовой - двое! Зачем? Пытаемся объяснить городу и области эту глупость. А нам заявляют: «Вы отказываетесь от работы?..» Так и построили. Теперь городу надо эксплуатировать две станции - а нынче говорят, что коммунальные услуги дорогие. Да как они не будут дорогими при таком идиотском подходе!

Но бывало и не только так. Получаем задание на строительство комплекса отделения покрытий в Лысьве. В их составе расширение очистных сооружений города. Раньше они были на 10 тысяч кубометров стоков в сутки, а теперь их надо расширить вдвое. У меня закралось сомнение - что-то уж очень небольшое расширение. Запросили у администрации города информацию, сколько они потребляют воды - оказалось уже 25 тысяч кубометров, а пока мы строим, да и в последующей перспективе, потребность увеличится. Выхожу с предложением удвоить мощность расширения - это будет значительно дешевле, чем строить третью очередь. Да и нам какая разница - в основном увеличится диаметр резервуаров, да мощность насосов.

Понимаю директора завода - у него готовая документация, а я ему предлагаю ее заменить и это будет потом основанием жаловаться в Москву на то, что заказчик выдал не всю документацию. Говорю ему: «Давай договоримся по-джентльменски - я даю заводу справку, что вся документация в комплекте, а вы ее быстро, месяца за три, переделаете, и будем очистные сдавать вместе со всем комплексом.» Не соглашается. Тем и закончилось: в день пуска очистные уже были переполнены...

Я привел только несколько примеров и только по тем стройкам, в которых принимал участие, а сколько такихстроек было по стране? И стоит ли сегодня удивляться, что себестоимость нашей продукции столь высока? Ей Богу, иногда мне кажется, что мы жили в каком-то дурдоме. А виноваты сегодня оказались демократы. Честно говоря, меня начинает трясти, когда я в Государственной Думе сегодня слышу призывы к возврату Госплана.

О НАГРАДАХ

Один умный строитель как-то сказал: «Всякое большое дело в России должно обязательно пройти пять стадий: шумиху, неразбериху, работу, наказание невиновных и награждение непричастных». В Советском Союзе больше чем в любом другом государстве раздавались награды, но, затеяв рассказ об этом, нужно быть готовым на встречную обиду - кто-то их получал зря, другие, наоборот, - лишались наград незаслуженно. А их было значительно больше.

Так уж устроен человек, что ему необходимо, чтобы его заметили и выделили среди других. Это явление вполне нормальное и присуще всему роду человеческому. Вот почему каждый ищет успеха в этой жизни, но в силу различных обстоятельств получается это у каждого по-разному. Наряду с материальным поощрением результатов своего труда, мы ищем способы и морального удовлетворения.

На «диком» Западе человек, ставший квалифицированным специалистом, заработавший своим трудом имя, имеет возможность достойно обеспечить материально себя и свою семью. К сожалению, у нас все не так. Высококласный специалист, пользующийся уважением и авторитетом, сделавший, как говорится, имя, жил как и все при социалистической уравниловке. Вспомним хотя бы наших артистов, с блеском выступавших за рубежом. Билеты на их концерты стоили баснословные деньги, а сами артисты, всегда оказывались обобранными. Стоит ли после этого возмущаться, что когда у них появилась возможность свободного выезда за границу, часть этих талантливых людей покинула родину.

Видимо, поэтому, чтобы каким-то образом выделить незаурядных граждан, государство придумало различные звания и награды. Но увы, в СССР выдавались они не всегда по заслугам, а как того желало московское или местное начальство. Неудобных не отмечали.

Но от этого славы, почета и уважения у необлагодетельствованных не уменьшалось. Что из того, что не были заслуженными или народными художником Малевич, скульптор Неизвестный, певцы Шаляпин и Высоцкий?

Но я расскажу лучше о строителях, как отмечали их работу. Существовало две системы награждения: одна, которая соответствовала КЗОТу (Кодексу законов о труде). Эти награждения осуществлялись руководителями местного уровня - в СМУ, тресте, главке и включали в себя благодарности, почетные грамоты, портреты на Доске почета. Как правило, их приурочивали к каким-то праздничным датам. Здесь все происходило достаточно демократично и по представлениям снизу. Вторая - почетные звания и государственные награды. Здесь далеко не первое слово было за непосредственными руководителями. Связаны были эти награждения либо с завершением пятилетки, либо какой-то крупной стройки, которая в силу разных обстоятельств была замечена Москвой. Прежде всего, на количество награждаемых устанавливался лимит. (Как на металл, цемент, масло, сахар, носки...) Этот лимит зависел не от конкретных дел, а от количества людей в коллективе или участников стройки. Как правило, он составлял около одного процента работавших. Причем, обязательно фиксировался процент инженерно-технических работников - он не должен был превышать 15% от общего количества награжденных. Мне пришлось несколько раз «повариться в кухне», которая готовила списки награждаемых, и я убедился насколько это было необъективно и формально.

Как вы думаете, какую награду проще всего было получить? Когда эта награда сама ищет героя. Был такой орден «Трудовой славы». Сделали его трех степеней по образу и подобию боевого ордена «Славы». Но на войне эта награда была объективна, и было ясно кого и за что ею награждать - существовал четко расписанный статус этого ордена. С «Трудовой славы» получился фарс. У этого ордена было условие - его высшую степень мог получить только кавалер, уже имевший две низшие степени. А кроме того, существовало неписанное цеховское указание - всякая награда должна прийти к «герою» не чаще,

чем через пять лет. И вот, в частности, во что это вылилось при награждении строителей губахинского метанола.

Москва выделила наряду с орденами «Трудовой славы» третьей и второй степени - один орден первой степени. Награда очень высокая, поскольку приравнивалась к званию Героя Социалистического Труда. Кому дать эту награду? Конечно тому, кто уже имеет две степени этого ордена и получил награду последний раз пять лет тому назад. Таковых в Губахе не обнаруживаем, и сообщаем, что нам таким орденом награждать не кого.

Пермь отвечает: «Не может быть, ищите, такую награду терять нельзя!»

Что делать? Запрашиваю в главке списки кавалеров второй степени, которые были отмечены пятилетку тому назад. Получаю список из десяти человек. Запрашиваю тресты, где работают эти награжденные, - не был ли кто-нибудь из них случайно в командировке в Губахе? И - о, удача! Плотник 14 треста приезжал в командировку на полторы недели на настилку полов на пусковой школе. Вот он-то и стал кавалером столь высокой правительственной награды.

У ордена «Трудовой славы» была еще одна коллизия. По статусу ордена награждению им подлежали еще и мастера-прорабы, проработавшие в этой должности не менее 15 лет. Понятно было стремление авторов статуса ордена отметить линейных работников. Будь это в сороковых-пятидесятых годах, это было бы понятным - большинство линейных работников образования не имело. А начиная с 60-х годов на этой должности как правило уже работали инженеры и техники. И представить себе молодого инженера за пятнадцать лет не продвинувшегося по службе очень сложно. А если таковые и были, то им надо давать не ордена, а «по шее».

Нам с лимитом наград на Губаху явно не повезло: среди списка наград было еще и звание Героя Социалистического Труда. Почему не повезло? Ох, как тяжело оформлять наградные документы на кандидата в Герои. Каких только фактов из жизни кандидата не надо изыскать или придумать! А это не так-то просто. Конечно, у меня, начальника пускового комплекса, спросили - есть ли предложения?

Есть, но вы не сможете им дать - не хватит соответствия всем условиям для награждения.

Существовали обязательные правила по каким параметрам мог быть определен кандидат в герои: это обязательно должен был быть рабочий ведущей строительной специальности, проработавший на стройке не менее 20 лет, у него уже должна быть правительственная награда не ниже ордена Трудового Красного Знамени, полученная не ранее, чем пять лет тому назад. Конечно, чтобы это обязательно был коммунист, а иногда - еще и женщина.

Перебрали мы всех строителей и монтажников, бывших на виду. Отпадают один кандидат за другим. Всплыла кандидатура Александра Гришина из шестого треста. Монтажник с 25-летним стажем, заслуженный строитель России, кавалер «Трудового Красного Знамени», лауреат Государственной премии, член КПСС более чем с 25-летним стажем, полтора года трудился со своей бригадой на метаноле. Чем не Герой - увы, не тянет. Не было у Гришина среднего образования. Откуда ему было быть, если он пришел на стройку тридцать с лишним лет назад, а в ту пору и у многих начальников не было среднего образования.

А Пермь настаивает: «Ищите кандидатуру на Героя!» Ладно, будет вам герой! Правда, есть маленькое «но» - он не рабочий основной строительной профессии и ни одного дня не работал на... метаноле! Ничего, дадите. Разве шоферы не могут быть героями? А что касается работы на метаноле, то он возил песок и щебенку на завод железобетонных конструкций в Березниках. А там из них делали колонны для метанола. Речь шла о Тимочкине, шофере Березниковской автобазы. Главное, что у него есть среднее образование, орден Октябрьской Революции, член Обкома КПСС и депутат Верховного Совета СССР. И что вы думаете - все получилось, и лимит у строителей на Героя не пропал. Слава героям...

Было еще одно обстоятельство, которое меня угнетало в связи с этими награждениями. Я уже говорил, что лимит на награждение инженерно-технических работников составлял 15 процентов. Было еще одно ограничение: руководители высшего эшелона среди награж-

деных не могли составлять более 3 процентов. А высший эшелон - это управляющие трестами и выше: главки, министерства. На метаноле принимали участие в строительстве 27 строительных и монтажных трестов. И ни один из управляющих награду не получил. Было вдвойне обидно: с одной стороны раздавали ордена и медали рабочим практически случайно, с другой стороны - те, кто ее действительно заслуживал, были лишены. Что и говорить - совковый дурдом.

ЛИПАТОВ И ДРУГИЕ

Наличие диплома о специальном строительном образовании далеко еще не гарантия, что из тебя получится хороший организатор строительного производства. Без собственного опыта и опыта твоих наставников, конечно, не обойтись. И я в этом тоже не был исключением. СМУ, в которое я попал после окончания института, имело всего несколько специалистов с высшим образованием, а коллектив по сегодняшним меркам (почти 1200 чел.) был огромным. Ясно, что приход в управление небольшого коллектива дипломированных специалистов, гарантировал им быстрый рост по служебной лестнице. Через девять месяцев работы и я из мастера стал начальником участка.

Но все это было не так-то просто. Сначала надо было «повариться в котле». И свой первый производственный опыт я приобрел как раз у тех, кем был призван руководить. Григорий Торопицин, Нестор Орлов, Иван Винник, Александр Гришин, Сергей Лукьянов, Иван Матвеев, Тоня Мисюрова - все это бригадиры разных строительных специальностей, механики строительных машин, именно они первыми учили меня уму-разуму и не только профессии, но и жизни. На них всегда можно было положиться, они вовремя успевали поправить мои ошибки, не доводя их до широкой гласности, и я, конечно, им премного благодарен.

Центральной фигурой в управлении был главный инженер Андрей Иванович Петров. Это был очень грамотный в строительном деле человек, располагал большим опытом работы, начал работать еще до войны, участвовал в строительстве оборонительных сооружений под Москвой, а потом, с какой-то военной организацией попал на Урал. Серьезным недостатком Петрова была его вспыльчивость - несколько неудачных предложений, и он уже кипел, даже брызгал слюной, но потом как-то быстро отходил, никогда ни на кого не держал зла. Но его можно было понять - специалистов было мало, доверял он

только себе, своим знаниям, опыту, интуиции. У него было практически бесполезно отстаивать свой взгляд на решение проблемы, он никогда не бывал принят. Позднее мы и с этим освоились, и чтобы добиться своего, молодые специалисты шли на хитрость: сначала предлагали какую-нибудь глупость, а потом потихоньку, как бы от имени Петрова, выходили на нужное, свое предложение. Андрей Иванович был очень скромным человеком. В управлении никто не знал, что у него был орден, полученный им еще до войны из рук М. И. Калинина, - об этом он случайно проговорился, когда мы были с ним в командировке в Москве.

В 1960 г. А. Петров стал главным инженером треста 6/29, а через пять лет я сменил его в этой должности. Он продолжал работать заместителем управляющего треста, занимаясь субподрядом. Небольшой, коренастый, Андрей Иванович в свои шестьдесят лет умудрялся за один раз туда и обратно переплывать Каму. Умер он неожиданно, в воскресенье, зимой, пробежав на лыжах «десятку» (а тогда ему было уже под семьдесят), вернулся домой, принял душ, взял в руки газету, и дочь застала его в таком положении уже неживым. Тромб.

В советское время специалисты к руководству организации приходили двумя путями - один, постепенный, со ступеньки на ступеньку: мастер, прораб, начальник участка, начальник или главный инженер СМУ, далее трест. Другой - через партийную работу. Тяжело на стройке - уходи в партком, и в этом случае, ни за что не отвечая, будешь в руководителях. Наметанный глаз этих специалистов сразу различал. Конечно, у вторых была совсем другая хватка, и часто проступало отсутствие опыта непосредственной работы на строительной площадке.

За тридцать лет работы на стройке судьба свела меня с сотнями интересных людей, чьим опытом, откровенно об этом говорю, я постоянно обогащался.

Управляющим шестого треста многие годы был Илья Яковлевич Тверской. Грамотный инженер с большим опытом работы он был чрезвычайно «мягким» руководителем, видимо, самой природой не приспособленный быть начальником. У него не получалось жестко ставить вопросы вышестоящим чиновникам, да и подчиненных «при-

жать» тоже не мог. Так он и остался в нашей памяти очень порядочным, интеллигентным человеком, но это, как говорят строители, не профессия. Зато у него были толковые заместители. Яков Михайлович Лернер, зам по снабжению и социальным вопросам, был снабженцем, что называется, «с пеленок». Он очень умело организовал в тресте службу снабжения, был не только «доставалой», но и хорошим контролером расходования материалов и конструкций. Это он, практически первый в Прикамье, организовал в тресте УПТК (управление производственно-технологической комплектации), без которых сегодня не существует ни один приличный строительный трест. Общезития в тресте были одними из лучших у строителей, и именно Лернеру обязаны строители Закамска созданием собственного санатория-профилактория. Сначала это было медицинское учреждение на 25 мест, потом на 50, и, наконец, по его инициативе из общезития по улице Маршала Рыбалко был оборудован профилакторий на 150 мест, который и по сей день считается одним из лучших учреждений подобного профиля.

Любое дело тогда пойдет, когда во главе его станет инициативный, знающий «вождь». Именно Я. М. Лернер нашел на должность главного врача профилактория Степана Ивановича Жевтяка, опытного доктора и бывшего начальника партизанского госпиталя, человека, привыкшего к трудностям и знающего как дело решать. Якова Михайловича рано не стало, он бы еще многое успел сделать.

Немногие сегодня помнят, что благодаря инициативе Жевтяка в Закамске появилась новая крупная медсанчасть строителей № 11. Я уже был главным инженером треста, когда меня Жевтяк пригласил в профилакторий. Я, естественно, ожидал просьб материального характера, возможно и постановки хозяйственных проблем, и был очень удивлен, увидев в кабинете главного врача разные таблицы, справки, исписанные врачами лечебные карточки наших строителей. Неожиданно для меня речь пошла ... об экономике, об изыскании резервов рабочей силы, в которой тогда наш трест очень нуждался. Оказывается, Степан Иванович за несколько лет провел большую исследовательскую работу, изучил, чем хворают строители, и повел на их «блячки» самое настоящее наступление.

Курорт Усть-Качка еще только строился нашим трестом, а в профилактории появился свой йодобром, суксунские грязи. Жевтяк первым в области сделал специальный бассейн, в котором проводил подводную вытяжку позвоночника и шейных позвонков. Именно в Закамске впервые в Прикамье появились кислородные коктейли. Он мне документально подтвердил, что «больной», прошедший у него курс лечения, на больничном листе находится в году в три-четыре раза реже, чем не побывавший у него. Суть его просьбы сводилась к тому, что направлять в профилакторий должен не профсоюзный босс, а хотя бы участковый врач. В этом случае профилакторий станет не «столовкой и ночлежкой», а настоящим медицинским учреждением. И он мне продемонстрировал свои расчеты - сколько рабочих дней он может вернуть тресту, и что от этого в виде большой прибыли может получить наш строительный коллектив.

От Жевтяка я ушел потрясенным, что доктор смыслит в экономике больше, чем мы, инженеры. Моя попытка решить его проблему через городскую поликлинику, конечно, потерпела «фиаско», и я серьезно начал работу по созданию собственной строительной медсанчасти. Благо подвернулся удобный случай - мы собрались проектировать и строить трестовский дом, и там сам Бог велел на первом этаже организовать медицинское учреждение. Бог богом, но был еще и руководитель треста, который, выслушав мою идею, послал по самому короткому, но весьма популярному в России, адресу.

- Тебе что, нечем заняться? Вон какая гора объектов. Наше дело строить, а медиков - лечить, и не морочь мне голову.

В России в то время Бога действительно не было, а возможно делали вид, что его нет. Но был могущественный ЦК КПСС, и надо же было такому случиться, что именно в это время он принял Постановление «О медицинском обслуживании строителей». Обком, естественно, принял решение поручить обсудить эту проблему на коллегии Главзападуралстроя, а тут на тебе - я с почти готовым и согласованным решением с горздравотделом. Так мы, неожиданно для себя, оказались впереди России всей, и дело пошло-поехало.

Через год поликлиника была готова, мне порекомендовал главный врач города пригласить из Соликамска многообещающего моло-

дого доктора С. А. Гринберга, который и по сей день возглавляет медсанчасть № 11. Но если бы я знал, какие хлопоты мне предвещает этот врач. Когда дело уже шло к открытию поликлиники, Семен Анатольевич пришел ко мне с вопросом: как быть с врачами? Хороших докторов можно пригласить откуда хочешь, лишь бы было жилье. А где его столько взять? Еду к главному инженеру главка Л. П. Липатову. Рассказал ситуацию. Тот пригласил председателя Обкома профсоюза строителей, и они решили в рядом строящемся доме, за счет положенных строителям 10% жилья, отдать один подъезд врачам. Мы с Гринбергом летели в Закамск, как на крыльях. И действительно, с первых же дней строителей начали обслуживать врачи первой и высшей категории.

Ты ошибешься, читатель, если решишь, что на этом все и закончилось. Года через полтора меня снова пригласили на докторскую оперативку, где на меня в атаку пошли сами врачи.

- Какой уважающий себя доктор будет работать только в поликлинике? И потом, вам-то какой резон: мы держим больного на бюллетене по 5-7 дней, а чем они занимаются дома? Будь они в больничной палате, мы под контролем поставим их за три дня на ноги. Вот вам снова рабочие дни.

Одолели. Через пару лет они получили свою больницу, а когда я ушел работать в главк, Липатов через несколько лет «выбил» из меня и поликлинику № 2, что в центре Перми на Малой Ямской. Вот вам, что такое Лернер и Жевтяк!

Вопросами экономики в тресте № 6/29 заведовал заместитель управляющего С. И. Сарычев. Сергей Иванович был старше меня лет на двадцать, человек трудной судьбы, лет десять при Сталине неправомерно отбывший в местах не столь отдаленных. Естественно, что во всем, что касалось государственных средств, был весьма осторожен. А тут я, молодой главный инженер, с вечно одолевавшими меня идеями о техническом прогрессе, часто заставлял его принимать довольно рискованные решения.

«Сергей Иванович! Тут есть такая идея! И оборудование можно приобрести без лимитов и фондов. Я вот что предлагаю...»

Сергей Иванович тускнеет. Долго молчит... «Нет, так нельзя! Я не хочу, чтобы вы «сели».

Уходит. Во мне все кипит. Черт возьми, возможно он прав, так и «загнать» можно... Проходит несколько часов. Звонит: «Можно зайти?» «Конечно, заходите».

- Александр Николаевич! Я понимаю, что это нужно, но сделать это можно так...

- Дорогой Сергей Иванович! А по мне хоть как, лишь бы сделать было можно.

Я готов был его по-мальчишески расцеловать. Когда с тобой такие помощники, любое дело можно своротить.

Именно с Сарычевым мы задумали построить новое здание треста на Кировоградской. Вот, скажете, какая невидаль - были бы деньги, все можно построить. Кто так думает, тот не понимает, как мы жили в то время. О каком управленческом здании можно было говорить, если было специальное постановление ЦК, запрещающее что либо строить не первоочередное. Даже всемогущие Обком и Облисполком по каждой путевой и непутевой стройке, крайне нужной для области, должны были испрашивать разрешение у Москвы. А тут, на тебе, новая контора. Тут не только партбилет можно было положить (у Сарычева, правда, его не было), но и голову. Но если нельзя, но очень хочется, значит можно!

И снова подвернулся случай. Министерство оборонной промышленности затеяло в Закамске новую крупную стройку. На совещание приехал заместитель министра Смирнов (потом он был заместителем Председателя Совета министров Союза). Обсудили с проектировщиками все детали будущей стройки. Обратились к нам: «Какие есть просьбы?» «Нам бы времянок побольше, нужно новое здание треста». Проектировщики запротестовали: «Банк, даже если больше дадим, все равно не пропустит». «Но вы дайте, пусть сами решают проблемы с банком».

Конечно банк эти затраты не пропустил. Но и мы не лыком шиты. В смете деньги были, и мы предложили заказчику их забрать к себе, и включить в титульный список дополнительное здание, которое называлось филиалом управления объекта, и «номер прошел».

Не буду рассказывать о всех перебитиях этой стройки, но во всяком случае, у закамских строителей одно из лучших зданий района, которое, кстати, проектировал пока единственный в области заслуженный архитектор России А. П. Загородников.

А теперь я подхожу к главному в этой главе: к рассказу о Л. П. Липатове, талантливейшем организаторе строительства в нашей области, сделавшем столько для нашего региона, что вряд ли кому-то из строителей на Урале доводилось сделать большее.

Леонид Петрович Липатов, уроженец г. Надеждинска (ныне Серов) на Северном Урале в Свердловской области. Он выпускник моего родного УПИ, который окончил с отличием в 1939 г. и прибыл по назначению в строительную контору в Краснокамск. Несколько годами спустя он работает прорабом в СМУ-4 недавно организованного треста № 29. Всю войну Леонид Петрович на стройке порохового завода в Закамске. Не раз он нам рассказывал, что такое стройка в военные годы. Далее нормальный путь главного инженера управления и, наконец, главного инженера треста, который с организацией Пермского Совнархоза стал трестом 6/29. В 1960 году Липатов становится главным инженером Управления строительства Совнархоза, а затем с созданием Главзападуралстроя, становится и главным инженером главка.

С кем бы вам ни пришлось поговорить о Липатове, будь то строитель, или заводчанин, вы услышите о нем только хорошие отзывы. Это был прекрасный специалист, очень тонко чувствующий все новое, передовое. Пермь и область ему обязаны организацией крупнопанельного строительства - без индустриализации строительства жилья невозможно было построить в регионе за короткий срок миллионы квадратных метров жилья. Именно при нем стремительно выросла мощная производственная база строительной индустрии, появились крупные заводы в Перми, Березниках, Чусовом и других городах области. Это был достаточно строгий руководитель, который мог так снять «стружку» с отстающего руководителя, что тот долго не мог прийти в себя, но ни разу он не допустил оскорбления человеческого достоинства.

У Липатова была удивительная способность подбирать себе помощников. Главное его правило заключалось в том, что его заместитель был обязан знать на порядок выше дело, за которое он отвечал, и подсказывал Липатову, что необходимо сделать, чтобы улучшить работу на этом участке. Если тебе приходят достойные идеи, и ты не собираешься перекладывать их исполнение на чьи-то чужие плечи, у Липатова всегда найдешь поддержку. Он умел строго строить свои отношения с властью предрешающими и всегда был готов заступиться за своего подчиненного. Будучи уже начальником Главзападуралстроя, он требовал от подчиненных уважительно относиться к репутации главка.

Помню такой эпизод. В области был страшный дефицит с кирпичом, и мы всеми силами старались больше строить панельных домов. А начальник отдела главка на совещании в Облесполкоме самовольно дал согласие на строительство дополнительно нескольких кирпичных домов. Это было бы не страшно, если бы тот же исполком добавил лимит на кирпич, однако этого он не мог сделать. Липатов устроил незадачливому чиновнику разгон по всей форме, но отменить его решения не стал. Начальник управления представлял главк и будем теперь все в месте отдуваться за ошибку коллеги.

Леонида Петровича уважали местные власти, а в министерстве его иначе как уважительно «профессор» не называли. Глаза он Москве не мозолил, но если уж он обращался за помощью, шли навстречу. Авторитет Липатова был еще велик и тем, что его дважды избирали березниковцы депутатом Верховного Совета СССР, трижды он был делегатом партийных съездов, а Пермь назвала его почетным гражданином города.

Проработав рядом с ним почти два десятка лет в тресте и главке, большинством своих успехов на стройке я прежде всего обязан ему, и он ко мне очень хорошо относился. Правда, есть небольшой грешок за ним: когда он меня пригласил в главк, я его попросил, если только представится возможность (а я был твердо уверен, что управляющий, из-за которого я покинул работу главного инженера, долго не продержится - так и случилось уже через год) вернуть меня в трест. На что он ответил: «Какие разговоры?»

Слова он не сдержал:

- Ты мне в главке нужен больше!

А мне так нравилась работа в моем тресте, тем более, что управляющим стал А. П. Чесноков. С таким строителем работа бы у нас здорово пошла. Тем более, что Александр Петрович об этом тоже просил Липатова. Ладно, этот грех я Леониду Петровичу прощаю.

Уход на пенсию Липатова в 65 лет (какие это годы для прожженного строителя?), был для нас неожиданным. Я бы не сказал, что здоровье у него было слабое, очевидно были какие-то другие причины, скорее всего был какой-то конфликт с властью; а может быть, и сломала та рутина, которая поразила всю экономику страны.

Умер Леонид Петрович в последний день 1992 года. Вся Пермь хоронила Героя Социалистического Труда, Заслуженного строителя России и просто большого Строителя. И нам, кто рядом с ним работал многие годы просто не верилось, что человек ушел и о нем скоро забудут. Решили, что обязательно что-то нужно сделать, чтобы увековечить память этого человека: в Перми и Березниках должны появиться улицы Липатова.

Двадцать Заслуженных строителей России опубликовали в газете свою просьбу. Пермский горисполком дал согласие, но предложил пройти всю необходимую для этого процедуру. У нас не было никаких сомнений, что такая улица должна появиться в Закамске, районе, которому Леонид Петрович отдал двадцать лет своей жизни. Хотелось, чтобы это была не новая улица, а та, с которой была связана строительная деятельность Липатова. Такая улица была - Кировоградская - именно на ней сегодня стоит здание управления треста 6/29 (и два предыдущих здания треста здесь же раньше располагались), тут и прекрасный Дворец им. Кирова, построенный с его участием, и наконец, здесь до сих пор стоит индивидуальный домик, в котором он жил все эти годы.

Но, увы! Как это отказаться от революционного имени? Коммунисты пустили такую волну протеста, что власти были вынуждены от этого варианта отступить. На мои доводы: «Что вы привязались к этому названию? В Перми есть улица Кирова, есть Кировский район, есть завод имени Кирова, наконец, есть дворец имени Кирова. Не-

ужели мало? Да и потом, улица названа не в честь Кирова, а города Кировограда, находящегося к тому же в другой стране. Как возьмут наши братья-украинцы, да и вернут ему старое название Елизаветград, что будете после этого делать?» - разуму не вняли. Пришлось соглашаться на переименование другой улицы, Нахичеванской, благо в ее названии не было ничего революционного. Но нам и этого было мало. Переговорили с управляющими трестами, получили согласие на установку мемориальной бронзовой доски. Стали собирать на это средства. Тоже было не просто. Обращаюсь в Спецстрой: «Помогите деньгами». «Слушай, ну поверь, одни долги, вот если бы материалами...» «Ладно, говорю, раз так - приведите улицу в порядок, чтобы перед жильцами за строителя не было стыдно». «Лады». Хороший им достался кусок работы, но управляющий трестом М. Ветчинов слово выдержал и перед открытием мемориала уложили свежий асфальт. Лысьвенские металлурги, не взяв с нас ни единой копейки, прислали пятьдесят эмалированных табличек с новым названием улицы. И в первый День строителя, но уже без Леонида Петровича, мы собрали довольно представительный митинг и открыли мемориальную доску на переименованной улице.

Вот скажете, невидаль какая - улицу переименовали. Нет, это большое дело. Вдруг, я вижу автобус с раскрашенной рекламой и неожиданный адрес: ул. Липатова. Врезали это имя строителя в бронзу и на века. Заслужил человек. Вы спросите, а в Березниках? Он ведь столько там понастроил, и депутатом был березниковским? Там тоже строители обратились в администрацию с подобной просьбой. Отказали. «А что он у нас такого особенного сделал?» И это, увы, слова одного из городских руководителей, кстати, бывшего строителя. Я рассчитываю, что эта книга может попасть в руки молодого строителя, мечтающего в будущем стать организатором строительного производства и для них приведу два примера, как можно построить взаимоотношения вышестоящих и нижестоящих руководителей.

Однажды в самый разгар стройки отделения покрытий на Лысьвенском металлургическом заводе в Лысьву приехали два заместителя союзных министерств - наш А. Н. Панков, а из Минмонтажспецстроя К. С. Кочанов. Везде, где у нас были большие стройки, мы устра-

ивали свою приезжую квартиру, дабы не связываться с гостиницами. Так было и в Лысьве, и московские гости остановились в нашей приезжей. Это была обычная трехкомнатная квартира в хрущевском доме без всякой изысканной отделки и мебелировки.

Закончив день осмотром стройки, и, как всегда в таких случаях, обязательно большим совещанием, мы втроем продолжали вечером в приезжей обсуждение наших дел. И вдруг неожиданно Александр Николаевич Панков мне заявляет: «А вам Лысьву не сделать!» На мой вопрос «Это почему?», он мне говорит: «Оглянись, в какой квартире ты живешь - стекла в форточке нет, обои отклеились, плитка отпала.» И так штук пятнадцать замечаний и все по делу. Краска стыда дошла не только до ушей, но и до кончиков волос. Панков, конечно, прав. Не будешь же ему объяснять, что в эту квартиру приходишь, не чуя задних ног, и сил разглядывать все эти бытовые огрехи недосуг, лишь бы клопов да тараканов не было.

На следующее утро приглашаю заместителя управляющего трестом, занимавшегося вопросами быта и по памяти называю все названное Панковым. «Времени вам на устранение всего пять-шесть часов. Если не справитесь, на следующий день ищите себе новую работу!»

Вечером возвращаемся в приезжую квартиру и ощущаем запах свежей краски. Молчу. Панкову ничего не говорю. Прошло минут пятнадцать. Сели пить чай. Вечно хмурый Панков неожиданно улыбнулся: «Теперь я верю, Лысьву вы сделаете». Александр Николаевич был одним из самых сильных заместителей министра, никогда не бросался словом, многого не обещал, но если сказал, то это обязательно реализовывал сам, никому ничего не перепоручая.

Второй урок несколько иного плана. В разгар работы на метаболе курирование нашего главка по этой стройке поручили заместителю министра М. К. Сам жилищник, на мой взгляд серьезных промышленных строек за его плечами не было. Ясно, что в подобной ситуации помощи от него много не будет, а помешать работать может. А у нас тогда плохо шли бетонные работы - то завод ломается, то щебня с цементом нет, то вагоны не подадут. К. решил это взять под свой личный контроль: стал ежедневно звонить из Москвы и требо-

вать диспетчерских данных по работе бетонного завода. Я по наивности пару дней его указания выполнял, пока не последовал окрик начальника главка: зачем ты даешь эту информацию в Москву? Там вместо помощи тут же звонок в главк и требуют объяснений по вопросам, которые и так ясны: цемента и щебня нет и не скоро будет.

Секретарю треста даю команду: «Для Москвы меня нет, что их интересует, пусть звонят в главк!»

А тут одновременно с моей губахинской стройкой завязалась большая работа на НовоСоликамском калийном и туда бросили на прорыв другого заместителя начальника главка Д. И. Долгих. Дмитрий Иванович был старше нас, он был участником Отечественной войны, долгое время работал в Березниках и Жилстрое, человек с большим практическим опытом и очень острым языком. Он мог так «припечатать» зарвавшегося подчиненного каким-нибудь умным сравнением, что тот долго не мог «отмыться» от острого слова. Долгих в главке занимался вопросами снабжения, но когда какая-нибудь важная стройка начинала «дымиться», его бросали на прорыв.

Так он оказался в Соликамске и попал тоже под пресс К. И когда тот в очередной раз потребовал от него сводки по работе бетонного узла, Дмитрий Иванович пошел на хитрость: «Михаил Алексеевич! У меня к вам тоже есть встречная просьба. Только вы, и никто другой в Москве не может нас выручить. Помогите добыть тысячу тонн металла, десять тысяч тонн цемента и тысяч пятьдесят щебня. К кому я только не обращался, все говорят, что выручить может только К.». А К. вообще ничего не мог, разве что только говорить. Уже при следующем его звонке, «как работает бетонный узел», от Долгих последовал вопрос, а как с моей просьбой по металлу, щебню, цементу? На следующий день звонки из Москвы прекратились.

Мне очень повезло. Главк был на подъеме, ежегодно один за другим вводились крупные комплексы, а их возводили очень интересные люди, память о которых останется на многие годы. К сожалению, некоторые уже ушли из жизни. Среди них Л. П. Липатов, М. А. Двейрин, А. П. Чесноков, З. Л. Воловик, И. А. Шихман, Г. Ф. Филимонов. Это были талантливые руководители и организаторы строительства, оставившие след на земле в виде своих строек и память о

себе у тех, с кем работали. Старая гвардия строителей и монтажников еще продолжает трудиться, и среди них Н. С. Васькин, с которым мы уже почти три десятилетия сначала работали в главке, а теперь в ПГТУ (Николай Семенович - декан строительного факультета). Продолжают трудиться С. Л. Вайсман, С. А. Романовский. И. В. Титов, Ю. Г. Каналин и многие другие.

К руководству строительными организациями сегодня пришли уже те, кто в нашу пору возглавлял строительные участки и СМУ. И все больше и больше я теперь вижу молодых ребят, которые за последние десять лет моей работы в вузе стали моими учениками, получив образование на строительном факультете. Увы, таких строек, какие мы делали в 60-70-80-х годах, они вряд ли уже увидят. А, может, таких больше и не надо...

У молодых новые проблемы, может быть, даже значительно более сложные, чем решали мы. Успеха им в нашем вечно живом и нужном людям деле, и пусть всегда попутный ветер дует в их паруса!

ПАРТИЯ

Я стал коммунистом в июне 1958 года. Этому событию в моей жизни предшествовало двенадцать месяцев кандидатского стажа. Стал я членом партии вполне осознанно, ибо не прошли бесследно пятнадцать лет учебы в школе и вузе, во время которой мне вбивали в сознание идею о том, что «КПСС - это передовой отряд рабочего класса, организатор и вдохновитель всех наших побед». А так хотелось быть соучастником этих трудовых побед. Да и о чем могла идти речь, когда с беспартийного руководителя толком и спросить ничего не могли. А если и случалось, что беспартийного назначали на более высокую должность, то это было исключением из правил и первым признаком, что партийный кандидат оказался бесталанным и ставить на освободившееся место просто некого.

Моя карьера еще удачно сложилась - не пришлось руководить парткомом. Тот, кто попадал на эту работу, хотя и становился на всю жизнь «ответственным руководителем», но как специалист окончательно терял квалификацию. И хотя у него повышались шансы стать первым руководителем треста или получить начальственную должность в главке или даже министерстве, но специалистом он уже не мог стать никогда.

Мне повезло - мои отношения с парткомами, райкомами, горкомами и обкомом складывались вполне удачно. Спрашивать с меня крепко спрашивали, но щадили: слава Богу, бытовых грешков за мной не числилось. Да и стройки у меня были достаточно ответственные - убрать меня с них даже для партийных вождей было рискованно.

А. И. Петрова, когда он был начальником СМУ-1 и главным инженером треста, не раз приглашали на партийные разборки. После них мы всегда спрашивали его: «Как прошло, Андрей Иванович? Билет не обещали отнять?». «Обещали!». Это всегда у нас вызывало улыбку, поскольку Петров был беспартийным. Невдомек было горкомовс-

ким чинам, что главный инженер треста может оказаться беспартийным

Со мной вместе многие годы работал А. И. Вальцифер. Он тоже по направлению своего московского института прибыл на работу в Закамск и, когда я работал начальником СМУ, был главным инженером. Александр Иванович упорно не хотел стать коммунистом. Когда появлялась возможность получить очередное повышение по работе, его беспартийность всегда оказывалась препятствием для нового назначения.

Неоднократно мы начинали с ним разговор на эту тему, обещали ему поддержку, партийную рекомендацию. «Саша! Объясни, что тебе мешает стать коммунистом? Неужели у тебя с нами есть идеологические разногласия?» Его ответ всегда был таким: «С вашим Уставом и программой я знаком. Написано там все хорошо. Но делаете вы все почему-то по-другому.» Так и ушел он на пенсию с должности заместителя управляющего трестом, а ведь мог вполне работать и на более высокой должности.

Виктор Глушенков, наш однокашник, впервые принял участие в нашей встрече, когда мы собрались в Болгарию. Судьба забросила Виктора на Северный Урал, в поселок Висимо-Шайтанск, когда ему было четыре года. Уже в школьные годы он стал «крутым» парнем. Возможно, это произошло в детстве, когда он освоил аккордеон и ему пришлось стать завсегдаем поселковых гулянок и свадеб.

Так уж случилось, что наш баянист, по делу или не по делу, схлопотал пять лет за хулиганство. Правда, этот срок ему назначили условно и разрешили продолжить учебу в поселковой школе. Учился Виктор не ахти как, но у него появилось желание стать ни много, ни мало самолетостроителем. В поселок к ним попал на лечение от алкоголя какой-то кандидат физико-математических наук, взявшийся за небольшую плату в перерывах между запоями готовить нескольких парней для поступления в вуз.

Напросился к нему в ученики и Виктор. Кандидат наук, несмотря на свою болезнь, был мужиком здоровым и сказал Виктору, что его планы на высшее образование довольно призрачны, поскольку, если он даже разгрызет гранит науки, для поступления в институт еще обя-

зательно потребуется комсомольский билет, а куда ему в комсомол со своей судимостью?

«Судимость еще можно скрыть, не написав об этом в автобиографии, - думал Виктор, - а вот комсомольский билет придется предъявлять!»

Так у него пришло решение, что нужно вступать в комсомол. Завуч школы Виктора в его решении поддержала, но когда об этом узнали школьные комсомольские вожди, они были страшно возмущены. Особенно кипел школьный комсорг. Для реализации своих планов Виктору пришлось начинать далеко не с комсомольских методов: ему стало известно, что комсомольский вожак довольно активно посещает церковь. С помощью дружка Виктору удалось сделать в церкви весьма компрометирующую фотографию. Под угрозой разоблачения комсорг вынужден был уступить, и таким образом Глушенков стал комсомольцем.

В Казанский авиационный институт Виктор сдал экзамены весьма успешно и был даже зачислен, но вдруг ему почему-то очень захотелось возвратиться на Урал. Забрав документы, он объявился в начале сентября у ректора УПИ А. С. Качко и чистосердечно во всем ему признался, не скрыв даже о судимости. Тот пригласил к себе нашего заместителя декана Е.В.Воронину и сказал ей: «Прошу зачислить на стройфак этого молодого человека на специальность ПГС». Так Витя появился в нашей группе.

Однако условная судимость не давала Виктору покоя. У него было постоянное ощущение, что в любой момент его могут арестовать и произойдет это обязательно во время экзамена. На комсомольском собрании группы, когда обсуждалась готовность к сессии, Глушенков обратился к сокурсникам с неожиданной просьбой дать ему возможность сдавать экзамен первым или последним. Объяснить причину своей необычной просьбы он отказался. Борис Ельцин, опоздавший к началу разговора, со свойственной ему категоричностью заявил: «Мы не должны подстраиваться под каждого. Никаких привилегий, пусть сдает как все!» А у Виктора тогда появилась обида на Бориса. И хотя в 1953 году Глушенкова реабилитировали, этот постоянный страх ареста долго сидел в нем.

По окончании института на Виктора дал официальную заявку Челябинский тракторный завод, но у комиссии по распределению молодых специалистов на него были свои планы. В первую очередь укомплектовывались стройки МВД, и ему было заявлено, что придется ему ехать на работу в «ящик» и надевать военную форму.

Из глубинки, где он работал с заключенными, его вскоре вызвали в Свердловск, в еще более «крутую» организацию - на этот раз в КГБ, и в течение нескольких часов уговаривали написать заявление о переходе в кадровые офицеры КГБ, предложив сразу повысить воинское звание до капитана, положить оклад в пять раз больше, чем был у него в лесу. С большим трудом удалось ему уйти от соблазна - не уговорили. Но бежать из леса нужно было все равно. А тут комсомол объявил призыв на хрущевские стройки заводов сборного железобетона, и он получил комсомольскую путевку в Нижний Тагил.

В течение восьми лет Виктор прошел на северных стройках Свердловской области торную дорогу мастера, прораба, начальника участка. Он работал главным инженером СМУ на строительстве крупнейшего в Европе Качканарского горно-обогатительного комбината, дошел до должности начальника производственного отдела треста «Качканаррудстрой». Строил шахту, аглофабрику, доменную печь и прокатный стан в Тагиле.

Многие его товарищи по работе были отмечены высокими правительственными наградами, не раз и на него писали наградные листы, но увы, ордена Виктора обошли - не был он в силу своих убеждений членом партии, так что довольствовался только почетными грамотами да значками типа «Отличник социалистического соревнования».

С окончанием строительства первой очереди качканарского комплекса Глушенковы переехали в Молдавию. Там собралась неплохая команда строителей со Среднего Урала. Работали очень дружно, помогая молдаванам создавать свою промышленность. Строить пришлось в основном на приднестровском левобережье - в Бельцах, Бендерах, Тирасполе, Рыбнице. Особенно запомнилось уральцам, когда перед праздничным салютом 7 ноября 1965 года на самой высокой

точке Кишинева вспыхнул факел от протянутого ими первого молдавского газопровода.

Здесь вроде было уже все: и квартира в теплом месте неподалеку от Черного моря и даже работа, но такова уж неумная судьба строителя - подавай новые интересные стройки. В России начиналось возведение нового автомобильного гиганта в Тольятти. Глушенковым пришел вызов, и поехали они на Волгу.

В Тольятти Виктор работал руководителем группы в институте нерудных материалов. Как писал нам Глушенков: «Всю жизнь работал достойно, упрекнуть меня не в чем, но остался горький осадок от того, что не вступил в партию и это серьезно помешало служебной карьере». А впрочем не надо ему жаловаться на свою судьбу, много в этой жизни было интересного, жаль только, что здоровье его подкачало и пришлось уйти на «заслуженный отдых» несколько раньше положенного времени, и теперь ему приходится «латать» приобретенные на стройках болячки на свою скудную пенсию.

Л. П. Липатов был уникальным исключением. Даже работая первым заместителем начальника Главзападуралстроя, он был вне партии. Но когда наступил момент, что он должен был занять должность первого руководителя этой одной из крупнейших строительных организаций России, Москва его беспартийность уже не могла перенести. Леонид Петрович срочно, без кандидатского стажа, был принят в члены КПСС на заседании бюро Пермского обкома КПСС. Только после этого его назначение состоялось.

Его небольшой партийный стаж аукнулся при выходе на пенсию в 1982 году: ему как Герою Социалистического Труда, заслуженному строителю России, неоднократно депутату Верховного Совета СССР, делегату партийных съездов, да и просто по высокой занимаемой должности полагалась союзная персональная пенсия, но, как выяснилось, она напрямую зависела от партийного стажа, который должен был быть не менее 25 лет, а его-то у Липатова и не оказалось. Персональную пенсию ему все-таки в виде исключения дали, но она оказалась постыдно минимальной.

А как боялись высшие чиновники самого главного партийного суда КПК - комитета партийного контроля при ЦК КПСС. Получение

там партийного взыскания, означало фактически гражданскую казнь. Высший чиновник, получивший такое взыскание, лишался сразу трех благ: он становился невыездным (командировки за рубеж становились противопоказанными), он лишался права на получение очередной правительственной награды, и что самое главное, лишался возможности получать союзную персональную пенсию. Я видел животный страх в глазах заместителей министров, когда им угрожали приглашением на КПК. Правда, если КПК снисходил до снятия взыскания, «потерпевшему» могла быть объявлена «индальгенция».

Мне, когда я был заместителем начальника главка «посчастливилось» побывать на подобном заседании. Откровенно скажу, процедура пренеприятнейшая. Объяснить что-либо представителям КПК невозможно, ввиду их полной некомпетентности. Инструкторы Комитета работали по регионам, а не по направлениям. Им одинаково разбираться, что с проворовавшимся руководителем, что с нарушителем военной этики, что со мной, строителем, у которого в силу объективных обстоятельств, подтвержденных документами, срывается важнейшая стройка к утвержденным Правительством срокам.

Нужно отдать должное первому секретарю обкома КПСС Б. В. Коноплеву, сделавшему все, чтобы на том совещании меня не стерли в порошок. Конечно, делал он это не из особой любви ко мне, а прежде всего потому, что просто некому было бы доделывать наш злополучный губахинский метанол. Не успел я возвратиться в Пермь с заседания КПК, как меня пригласили в горком расписаться за принятое на том совещании решение: меня предупреждали о персональной ответственности за сдачу метанола. Предупреждение - это тоже одна из форм партийного взыскания. Слава Богу, метанол благополучно сдали в эксплуатацию и до более серьезных партийных репрессий дело не дошло.

В КПСС я пробыл ровно 33 года, срок жизни Иисуса Христа. Как это ни удивительно, но прекратил я свою партийную деятельность как коммунист, впервые находясь при партийной должности - меня избрали секретарем партбюро на строительном факультете ПГТУ.

Восьмидесятые годы в жизни нашей станы были очень сложными. Теперь уже было ясно не только всему миру, но и нам, что мы

«приехали» куда-то не туда. Призывы улучшать экономику, делать ее «экономной» уходили в пустоту. Наши партийные лидеры, как правило, не обремененные знаниями, опытом практической работы на производстве, безнадежно старели не только физически, но и нравственно. Было больно видеть, как Брежнев обвешивает себя наградами, а его окружение этому дружно радуется. Ни Андропов, ни тем более Черненко улучшить ситуацию в стране не могли, да и в «железном занавесе» появились щели, через которые можно было видеть, что весь мир живет по-другому. Появление на горизонте более молодого Горбачева поначалу внушало надежду на возможные перемены, но скоро стало ясно, что все это очередная болтовня. Третья попытка в реформировании социалистической экономики (после Хрущева и Косыгина) утонула в горбачевском разглагольствовании. Единственное, что ему удалось сделать полезного - это выпустить на волю птичку под названием «гласность». На нас обвалился такой мощный поток информации, который просто не мог не повернуть направление мыслей общества.

К тому времени Ельцин уже работал в Москве, сначала руководил строительным отделом ЦК, затем стал и секретарем ЦК КПСС. Я бывал у него на Старой площади, и нам удалось поговорить о перспективах строительных дел в стране. У него прямо глаза светились, когда он рассказывал мне о своих грандиозных задумках в строительстве. А потом вдруг неожиданное назначение на московский горком.

Горбачева надолго не хватило. Московская мафия крепко вцепилась в Бориса и свое дело сделала. С помощью генсека его попытались убрать из политики, но не на того нарвались! Придя в себя, Ельцин выступил с почти пятичасовой речью в высшей комсомольской школе и, благодаря гласности, это его выступление стало известно в провинции и нашло горячие отклики. А тут подоспели выборы в союзный парламент и снова пошло-поехало.

Это было в феврале 1989 года, самое напряженное и ответственное для Бориса время. После удара, который нанес ему Горбачев на цековском и московском городском пленумах, казалось в политику ему больше никогда не возвратиться. Назначение на должность первого заместителя председателя Госстроя - министра СССР, удовлет-

ворения ему не принесло, хотя к порученной работе он отнесся с полной серьезностью и, как выяснилось, профессиональных навыков в хозяйственной работе не потерял.

Приближались выборы народных депутатов СССР, и Борис принял решение в них участвовать. Жизнь показала, что его помнят и признают. Многие молодежные газеты, которые шли нарасхват, опубликовали самые яркие тезисы его выступления в комсомольской школе. Он становился популярным политическим деятелем - антиподом Горбачеву и Лигачеву. Но, вступая в предвыборную борьбу, Ельцин прекрасно понимал, что рассчитывать он может только на собственные силы и ему нельзя допускать в этой предвыборной гонке ни единой ошибки.

Когда началось официальное выдвижение кандидатов в депутаты, произошло непредвиденное: его фамилия называлась многократно чаще, чем Горбачева. Почти в двухстах округах, от Прибалтики до Сахалина, избиратели желали видеть своим депутатом Ельцина. Это была серьезная политическая заявка. Конечно, он не имел возможности баллотироваться по всем округам, почему и ограничил круг своих интересов тремя регионами: Москва, Свердловск, Пермь.

Свердловск - понятно: в этом городе он чрезвычайно популярен и поддержка избирателей обеспечена. Москва важнее в политическом смысле: здесь его партийные бонзы унизили и победа в Москве гарантировала бы ему полную политическую реабилитацию.

Что же касается Перми, то это была полная неожиданность. Честно скажу: за пермяками большой политической активности не наблюдалось. На мой вопрос Борису: «Почему ты остановился на Перми?» последовало: «Все-таки Урал, да и выдвинули коллективы военно-промышленного комплекса, всегда бывшие опорой аппарата».

И надо ж было такому случиться, что первый успех к нему пришел именно на Западном Урале. Московские службы, вершившие избирательную кухню, отнюдь не случайно назначили все предвыборные окружные собрания избирателей с участием кандидата Ельцина на одно и то же число. Хотя в соответствии с Положением о выборах эту дату должна назначать местная окружная избирательная комис-

сия, но никак не Москва. Но организаторы этой выборной (а вернее - антивыборной кампании) неожиданно просчитались и не учли еще один округ на севере Пермской области, в Березниках, где окружное собрание было назначено на неделю раньше.

В пятницу 10 февраля ближе к концу рабочего дня в госстроевскую приемную Ельцина позвонил из Березников Володя Неганов, тоже выпускник стройфака УПИ: «Что тебе мешает прилететь в Березники на наше предвыборное собрание, которое должно состояться завтра?». «А у вас разве не в следующую субботу, как у всех?». «Нет, у нас, представь себе, завтра! Давай приезжай, пока никто здесь не спохватился!»

Мысль Бориса лихорадочно заработала. Нужен пробный шаг. Как прореагирует Москва на его участие в предвыборных мероприятиях? Всем еще памятно, как блокировали его кандидатуру при выборах на 19-ю партконференцию. Согласовывать свою поездку за пределы Москвы в выходные дни с начальством ему не обязательно. Надо действовать!

Звонок в Аэрофлот: «Как сейчас улететь в Пермь?» Увы, рейсового самолета уже нет. Аэрофлотовцы предлагают спецрейс. Нет, это не вариант, власти тут же используют его против кандидата. Звонок к военным летчикам: нет ли чего-нибудь попутного на Урал?». «К сожалению, Борис Николаевич, ничего нет, но может быть улетите на МиГе?» «Спасибо, но это не вариант». Но уже через полчаса звонок снова из Аэрофлота: «В Ленинграде готовится транспортный рейс с крылатой ракетой на борту. Мы этот рейс притормозим, вы садитесь на ближайший рейс в Ленинград, там ставим два борта рядом и вы уже ночью будете в Перми».

Что ж, пожалуй, это уже вариант. Последний звонок домой Нае: «Я полетел в Пермь. Сообщи Юзефовичам, если смогут, пусть встретят».

Где-то около часу ночи в Перми раздался звонок. К телефону подошла Рита - меня дома не оказалось: в этот день на пригородной базе института проходил научный семинар. «Как жаль, что Саши нет дома, Борис улетел один в Березники и очень хотел с ним встретиться».

Время уже далеко за полночь. Ехать одной в аэропорт на такси страшновато. Рита подняла с постели Бакулиных, и где-то часа в три ночи они разыскали Бориса в депутатской комнате. Он был очень уставшим и голодным. Пришлось срочно принимать меры. Ехать в город Борис отказался, решил отдохнуть в аэрофлотовской гостинице: «Ребята, через несколько часов должен быть рейс в Березники, рисковать не хочу».

В Березниках его встречал Володя Неганов - на окружное собрание они явились минут за пятнадцать до начала. И хотя «компетентные органы» уже успели сообщить в область о его визите, противопоставить Ельцину что-либо уже было невозможно.

Собрание практически единогласно выдвинуло земляка кандидатом в депутаты по Березниковскому округу. Борис выступил с короткой, но содержательной речью, а молодежь его еще долго не отпускала, засыпав вопросами. Он честно предупредил участников собрания, что возможно еще продолжит борьбу за московский мандат и попросил, чтобы в березниковском списке были не две, а три кандидатуры, дабы не сорвать выборы. Так и решили.

А мы, понимая, что приезд Ельцина в область уже известен, не очень даже рассчитывали на встречу с ним. Возвратившись срочно с семинара в Пермь, я установил постоянную связь с Березниками и уже поздно вечером Володя сообщил, что Бориса утром надо встречать в аэропорту местных линий.

«Его же от нас уведут?». «Нет, он едет только к вам, а вечером помогите ему улететь в Москву».

Утром следующего очень морозного дня я встречал своего одноклассника у трапа маленького АН-2. Такого промерзшего, в легком демисезонном пальто гостя не часто увидишь. Как бы не простудился. Быстрее домой! Горячая ванна, рюмка водки, а главное, тепло друзей, сделали свое дело! Нам, конечно, было о чем поговорить. Особый интерес вызывало его ноябрьское выступление в комсомольской школе: что же он такого наговорил на пленуме ЦК, вызвавшее такое недовольство его участников?

«Разрешу ваше неведение довольно просто: у меня с собой четырехчасовая запись моего выступления в ВКШ на видео. Сумеете ее быстро переписать?»

Включили в разрешение этой проблемы детей и через пару часов имели свою копию.

«Борис, а можно пользоваться этой видеозаписью - не секрет ли она?».

«До 25 февраля можете смотреть сами и со своими друзьями, а после этой даты делайте с ней, что хотите!».

«А что это за дата такая?»

«Видите ли, если вы сейчас начнете крутить эти пленки, то это может быть расценено избиркомом как начало моей агитации еще до регистрации кандидатом, в результате мои соперники окажутся в неравных условиях. А регистрация назначена на 25 февраля. После этой даты можете мое выступление показывать где хотите и кому хотите.»

Так и поступили. Эту запись увидели во многих институтах города, на предприятиях Перми и области. Даже пермское телевидение рискнуло показать на экранах несколько острых моментов ельцинской встречи с молодежью.

День с Борисом пролетел стремительно. Поехали вечером провозить его в аэропорт и неожиданно встретили там председателя Пермского облисполкома В. А. Петрова. Он оказался единственным из местных начальников, кто рискнул встретиться с опальным Ельциным. Так Пермь впервые за два с половиной века своего существования не сумела по-человечески встретить и проводить **ДЕЙСТВУЮЩЕГО** члена правительства.

Не думал, не гадал я, что на старости лет вдруг «вляпаюсь» в политику. Не начнись в стране горбачевская перестройка, продолжал бы аккуратно платить взносы, посещать партийные собрания, «обсуждать» вопросы, темы которых были известны загодя. А тут такие события. Вдруг стало возможным прочитать в «Огоньке» и других изданиях анализ проблем и событий, происходящих в стране, совсем под другим углом зрения, противоположным официальной позиции «руководящей и направляющей» силы в стране.

А тут еще твой однокашник, пробившийся в высшие эшелоны власти, оказался битым этой властью. Сработал российский инстинкт: «Наших бьют!».

Я решил «ввязаться в драку». Сначала попытался в средствах массовой информации рассказать о Борисе. Однако, несмотря на гласность, партийная цензура еще контролировала печать. Первая моя публикация в нашей студенческой многотиражке появилась в 1989 году, и то только тогда, когда студенты ушли на каникулы. Но я никому не отказывал, когда меня приглашали выступить и поподробнее рассказать о Ельцине.

Антиельцинская кампания, поднятая в стране, вызвала совершенно противоположную реакцию. И на факультетском собрании вначале 1991 года мы от имени нашей партийной организации обратились за разъяснениями в ЦК. Конечно, не очень рассчитывали, что нам ответят, однако думали, что хотя бы обкомовские или горкомовские лидеры снизойдут к нам с разъяснениями. Увы, никому до наших проблем не было никакого дела, и тогда мы приняли решение приостановить уплату членских взносов и фактически с мая 1991 года наша первичная партийная организация строительного факультета перестала существовать.

Я уже кратко упоминал об эпизоде первой президентской кампании Ельцина. Расскажу о нем подробнее. В июне 1991 года предстояли первые российские президентские выборы. Сегодня нужно поднапрячь память, чтобы вспомнить, кто же тогда был конкурентами Ельцина? А тогда Борис совершал большие изнурительные поездки по России и практически за неделю до выборов он должен был объявиться в Перми. В то время вся полнота власти была еще в руках коммунистов.

Доверенным лицом Ельцина в ту пору был С. Б. Калягин, молодой инженер-наладчик моторостроительного завода, депутат Верховного Совета СССР, входивший вместе с Ельциным в группу демократически настроенных депутатов. Основная тяжесть в этой предвыборной кампании легла на плечи Сергея и в основном была построена на его личной инициативе. Пермские же власти, располагая мощной информационной базой, изо всех своих последних сил делали ставку на Рыжкова.

Накануне российских президентских выборов и визита Ельцина в Пермь Калягину стала известна предложенная местными властями программа встреч кандидата, явно провальная и обреченная на неудачу: предлагались встречи в коллективах, чьи руководители были явно антиельцинской направленности. Попытки Калягина, что-либо изменить на месте успеха не принесли. Связавшись с московской командой Ельцина, получил совет: «Постарайтесь все решить на месте». А как решить?

Тогда Сергей обратился ко мне за помощью: «Остается единственная возможность предотвратить провокацию. Об этом нужно предупредить Бориса Николаевича при встрече в аэропорту, но сделать это должен человек, которому он полностью доверяет. Прошу это сделать вас. Я договорился, что вы будете во встречающей делегации».

Так оно и вышло. Когда закончились приветствия и рукопожатия, я Борису сказал: «Мне нужно с тобой один на один переговорить». Вкратце рассказал ему ситуацию и тут же представил Калягина, который подтвердил мною сказанное. «Поезжайте со мной в гостиницу, там наедине все обсудим!»

Программа встреч в Перми была переключена, и Ельцин получил в Прикамье почти 80% голосов! Впоследствии С. Калягин стал полномочным представителем Президента России в Пермской области и честно отдал этой работе шесть лет.

В ходе президентских выборов стало ясно, что это далеко не последняя избирательная кампания. Предстоят еще выборы в Государственную Думу, в местные органы власти и в одиночку избирательные проблемы не решить. Многопартийность была еще очень прозрачна. И тогда у Калягина родилась идея, что нужно создавать какую-то общественную организацию. Такой организацией в марте 1993 года стал Пермский Фонд поддержки первого Президента России, возглавить правление которого уговорили меня. Наш Фонд через несколько месяцев вошел в республиканское Движение «Выбор России», инициатором создания которого был Е. Т. Гайдар.

Среди пермских демократов поначалу царил хаос. Стали всплывать несостоявшиеся личности, которые стали претендовать на власть,

пусть хоть какая : городская, областная, республиканская, но власть! В отличие от них те, кто объединился вокруг нашего Фонда, меньше всего думали о власти, а больше о том, где найти способных молодых людей, сложившихся профессионалов, которым можно было бы доверить эту власть.

Так в Перми неожиданно сформировались две группы Движения «Выбор России», которые одновременно сделали в Москву заявки на участие в республиканском съезде Движения. Этот съезд состоялся в октябре, через несколько дней после кровавой разборки у «Белого дома». В Москве был комендантский час. Пермскую конфликтную ситуацию поручили разрешить группе, которую возглавлял известный правозащитник С. Ковалев.

Очевидно, нам удалось убедить Сергея Адамовича в нашей правоте и именно наша группа стала основой для создания в июне 1994 года Пермской областной организации «Демократический выбор России». Нашим кандидатом в Государственную Думу стал молодой профессиональный юрист Виктор Похмелкин, блестяще выигравший выборы в своем округе. Какова же судьба остальных демократов, не пожелавших объединения? Их разметало кого в «Яблоко», кого в «ПРЕС», кого еще невесть куда. Ну да, Бог с ними...

Наша партийная организация была довольно активна на всех последующих выборах. Мы успешно во второй раз провели Виктора Похмелкина в Государственную Думу, где он чрезвычайно активен и пользуется авторитетом и доверием у представителей многих фракций, даже находящихся в противостоянии. Мы были заметны и успешно участвовали в повторных выборах Президента России, и на этот раз уже мне пришлось быть доверенным лицом по Пермской области у Б.Ельцина.

В конце 1996 года мы активно поддерживали действующего губернатора Пермской области Г.В.Игумнова. Не скажу, что эта избирательная кампания была для нас легкой, на этот раз мы уже сталкивались не только с ортодоксальными коммунистами, «лебедистами», но и с «новыми русскими», для которых понятие «честность» довольно призрачно. И тем не менее, наш кандидат выиграл, и в этой победе есть частица и нашего успеха.

ЭПИЛОГ

На свете есть много профессий, хороших и разных. Но больше всего я люблю свою работу, работу строителя. Это тяжелый труд и в дождь, и в снег, и в холод, и в жару. И пусть под ногами хлюпает грязь, пусть постоянная нервоотрепка от того, что дела идут не так, как ты задумал, что есть на стройке постоянные обстоятельства, мешающие работе, но придет время - все станет на свои места. Я больше всего люблю запах свежей краски и только что уложенного асфальта - это первый признак, что работа подходит к концу, и пришла пора перебираться на новый объект. Работа строителя - тяжелая работа, это еще и постоянные командировки. Это сейчас начинаешь понимать, что за тридцать с лишним лет работы третью часть этого срока пришлось быть в командировках. Но разве можно измерить то удовлетворение, которое получаешь, видя законченный труд твой и твоих товарищей.

Однажды я услышал слова благодарности от своего руководителя, которые остались надолго в памяти. К концу завершения работ на метаноле в Губаху приехал наш министр. Долго мы бродили по стройке, конечно, выслушали немало нелицеприятных замечаний и, когда мы подошли к верхней террасе стройки, я предложил ему подняться по крутой лестнице на верхнюю площадку ректификационной колонны. А это приличная высота, метров сорок. На меня строго посмотрел первый секретарь обкома Б. В. Коноплев: «Я считаю, что это ненужная затея, отсюда тоже все хорошо видно!»

«И все-таки мы с ним ненадолго поднимемся. Все остальные оставайтесь на месте!» - сказал министр. И мы полезли с ним на верхоуру. А какой вид оттуда открылся! Не только стройка лежала под нашими ногами, а открылась еще и неоглядная уральская даль, кругом увалы, и лес, лес, лес... А внизу огромная стройка, опутанная ки-

лометрами трубопроводов, около сотни зданий и каждое уже потихоньку оживает.

- Знаешь, я много поездил по стране, часто бывал на зарубежных стройках, но, к стыду своему, я на Урале впервые. Сидя в московском кабинете, даже не представлял какое большое дело вы здесь сделали. Спасибо тебе за работу, спасибо и всем тем, кто здесь так славно потрудились.

Это были самые теплые для меня слова благодарности.

Пройдут года и трудно будет даже следопытам выяснить, кто же этот дом или заводской корпус поставил. А стоять ведь они должны не меньше века. Скажите, представитель какой профессии, через тридцать, пятьдесят лет сможет найти результат своего труда? А мы строители можем! И если подвернется случай и я оказываюсь около когда-то построенного объекта, у меня всегда возникает желание прикоснуться к стене. Умом понимаю, что стенка эта должна быть холодной, и вдруг ощущаю ее тепло. И хотя сознаю, что это тепло от солнышка, мне кажется, что эта стена сохранила тепло рук теперь уже безымянных, но милых моему сердцу работяг - строителей. Работа наша такая - все оставлять людям!

СОДЕРЖАНИЕ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. КОМАНДА МОЛОДОСТИ НАШЕЙ

ВРЕМЯ ЖИТЬ И ВРЕМЯ ВСПОМИНАТЬ	4
ГРУППОВОЙ ПОРТРЕТ	6
РОДОМ ИЗ ДЕТСТВА	11
КАК МОЛОДЫ МЫ БЫЛИ... ..	19
«С МЕСТА, С ПЕСНЕЙ...»	26
ВОСПИТАНИЕ ЧУВСТВ	36
БЫСТРЕЕ, ВЫШЕ, СИЛЬНЕЕ!	38
ПРОЩАНИЕ С «БОГОМ»	46
«КУХНЯ ЧЕЛОВЕЧЬЕЙ МЫСЛИ»	48
НАШИ «ПЯТИЛЕТКИ»	53
В ПЕРМЬ - НАВСЕГДА	59
«ГОЛУБОЙ ПОЯС»	63
НА ДИКСОН!	68
«ХОРОША СТРАНА БОЛГАРИЯ...»	79
В САМОМ СЕРДЦЕ РОССИИ	83
«В ГОСТЯХ» У ПУШКИНА	89
ВМЕСТЕ И В ГОРЕ, И В РАДОСТИ	97
ПРОЩАНИЕ С ПРИБАЛТИКОЙ	100
НЕЗАЖЖЕННАЯ ЗВЕЗДА	107
КРУГЛЫЕ ДАТЫ ЕЛЬЦИНА	115
40 ЛЕТ ДРУЖБЫ	120

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. ЗАПИСКИ СТРОИТЕЛЯ

О ТОМ, ЧТО РАНЬШЕ БЫЛО СЕКРЕТОМ	124
ТОЙКИНО	130
ТАШКЕНТ	133
ГОРНОЗАВОДСК	141
ВЗРЫВ	149
ЛЫСЬВА	156
НИЖНЕВАРТОВСК	165
МЕТАНОЛ	169
ПЛАНОВ НАШИХ ГРОМАДЬЕ	181
БЕСПОЛЕЗНЫЕ СТРОЙКИ	184
О НАГРАДАХ	189
ЛИПАТОВ И ДРУГИЕ	194
ПАРТИЯ	207
ЭПИЛОГ	221

ЮЗЕФОВИЧ
Александр Николаевич

«КОМАНДА МОЛОДОСТИ НАШЕЙ»
«ЗАПИСКИ СТРОИТЕЛЯ»

Литературная обработка и редактирование - **В. Виниченко.**
Корректор - **Т. Тихоновец.**
Издание подготовлено к печати
рекламно-издательской фирмой «АС». Тел. (3422) 39-35-31.
Компьютерная верстка - **А. Кузиков.**

Спонсоры издания:
Пермский фонд поддержки первого Президента России.
Производственно-финансовая компания «ДАН».
АО «Альфа-цемент»

Подписано в печать 03.06.97. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Усл. п. л. 13,44. Тираж 3000 экз. Заказ № 2184.

Отпечатано с готовых диапозитивов в ИПК «Звезда».
614600, г. Пермь, ГСП-131, ул. Дружбы, 34.

